

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

2

1983

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

2

1983

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

АБОВИН-ЕГИДЕС, Михаил АКСЕНОВ МЕЕРСОН, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Георгий ДАВЫДОВ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Сергей ПИРОГОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr.W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ПОЛОЖЕНИЕ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ: ТРУДНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Начиная с 1979 года (предолимпийского года и года вторжения в Афганистан) КГБ резко усилил репрессии против участников движения за права человека в СССР. Сотни правозащитников были брошены в лагеря и тюрьмы.

В августе 1980 года в результате забастовочной борьбы польских рабочих возникло движение «Солидарности» — движение, всколыхнувшее всю Польшу и направившее ее по пути демократических перемен. 13 декабря 1981 года в Польше произошел путч военных во главе с генералом Ярузельским (явно инспирированный Кремлем), цель которого — остановить движение страны к демократии.

События последних лет не могли не сказаться на характере демократического движения в Советском Союзе.

Редакция журнала «Форум» обратилась к нескольким участникам движения за права человека в СССР с просьбой ответить на следующие вопросы:

1. КАК СКАЗАЛИСЬ РЕПРЕССИИ 79-81 ГОДОВ НА ХАРАКТЕРЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР?
2. КАКИЕ НОВЫЕ ФОРМЫ БОРЬБЫ ЗА ДЕМОКРАТИЮ ВОЗМОЖНЫ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, СЕГОДНЯ?
3. КАКОВЫ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ И а) ИНТЕЛЛИГЕНЦИЕЙ, б) РАБОЧИМИ, в) НАЦИОНАЛЬНЫМ ДВИЖЕНИЕМ В РЕСПУБЛИКАХ, г) ДВИЖЕНИЕМ РЕЛИГИОЗНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ — СЕГОДНЯ И КАКИМИ ВЫ ВИДИТЕ ИХ В БУДУЩЕМ?
4. ЧЕМ ВАЖНЫ ДЛЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ В

СССР УРОКИ ПОЛЬСКОГО АВГУСТА 80-го И ПОЛЬСКОГО ДЕКАБРЯ 81-го?

5. КАКОВЫ, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ПЕРСПЕКТИВЫ БОРЬБЫ ЗА ДЕМОКРАТИЮ, ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ПРАВА НАРОДОВ В СССР?
6. ЧЕМ МОГУТ ДИССИДЕНТЫ, ВЫНУЖДЕННЫЕ ЭМИГРИРОВАТЬ НА ЗАПАД, ПОМОЧЬ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМУ ДВИЖЕНИЮ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ?

Б. ВАЙЛЬ

Борис Вайль (1939 г. рожд.) — участник демократического движения в СССР с середины пятидесятых годов. Впервые был осужден в 1957 году, когда ему было 18 лет. Провел в тюрьмах и лагерях восемь с половиной лет. В 1970 году вновь арестован за распространение самиздата и осужден еще на пять лет неволи. В 1977 году эмигрировал. Живет в Копенгагене.

1,2. Уже в 1979 году было ясно, что власти решили разгромить независимые объединения: хельсинкские группы, самиздатские журналы и т.д. В какой-то степени это было связано тогда с предстоящими Олимпийскими играми, затем и с интервенцией в Афганистан (которую хельсинкские группы не могли, разумеется, одобрить). Но и не будь Олимпийских игр и этой интервенции, вряд ли власть могла бы долго терпеть независимые правозащитные и другие ассоциации. Эта власть может еще как-то смириться с тем, что существуют бунтующие одиночки, что есть люди, желающие эмигрировать, но она смертельно боится всяких, как говорят на Западе, альтернативных объединений.

Репрессии последних лет вынудили некоторые группы оппозиции отказаться от прежнего принципа гласности, т. е. от открытого, например, объявления состава редакций. С другой стороны, принцип анонимности редакций существовал и до того («Хроника текущих событий», «Память» и т. д.).

Я полагаю, этот принцип вполне себя оправдывает в отношении печатных изданий. Но если речь идет о независимых ассоциациях, то такая анонимность способна и повредить.

Выше я сказал, что власти взяли последовательный курс на уничтожение хельсинкских групп. Может быть, правы те, кто утверждает, что их практически уже и нет. Однако, сама идея таких (и подобных) объединений — не убита. Через некоторое время они могут возродиться. И их значение, даже при небольшой численности, куда больше, чем различных полумифических ДДСС.

Здесь мы переходим к проблеме подполья и подпольных организаций вообще. Тенденция к созданию подпольных организаций существовала в СССР всегда. По мере усиления репрессий эта тенденция будет усиливаться. Элементы «подполья», видимо, необходимы и сейчас (та же анонимность редакций, перепечатка, хранение и т. д.). Но если говорить о подпольных организациях как таковых, то сколько времени они могут просуществовать? И — главное: каков эффект их деятельности? Изменяют ли они общественный климат? Думая об этих вещах, расспрашивая людей, после меня выехавших из СССР, я снова и снова убеждаюсь в правоте В. Турчина, писавшего:

«...надо начинать работу с еще более ранней стадии. Речь идет не о том, чтобы выявлять и объединять сторонников демократизации, способных к социальному действию, а только еще о том, чтобы создавать какие-то очаги мысли и чувства, которые, как можно надеяться, будут способствовать возникновению необходимого социально активного меньшинства» («Инерция страха», Нью-Йорк, 1977, стр. 7).

4. Возможностью соединения рабочего движения с правозащитным, а также с независимым от власти религиозным движением.

Но условия в СССР иные, рабочего движения — нет; официальные церкви (не только православная) поддерживают государство.

Наиболее заразительным пример Польши будет для Западной Украины и Прибалтики.

Урок польского декабря 1981 г. для нас, как и для поляков, в изживании романтического национализма. До декабря говори-

лось: «как поляк с поляком», а в декабре стало ясно, что «поляк с поляком» может себя вести как гестаповец. Те же иллюзии живы еще во всех народах советской империи: «ад — это другие». На каком-то этапе истории эта мысль и не была иллюзорной... Но уже во вторую мировую войну русские убивали русских, а украинцы — украинцев (я уже не говорю о войне гражданской).

5. Я верю в конечную победу этой борьбы. Из трех названных Вами идей легче всего людям усвоить идею национальной независимости.

Если советская империя рухнет, то, видимо, прежде всего в результате национальных движений.

С другой стороны, именно потому, что национальная идея лежит «на поверхности», власти легко воспользоваться ею — в ее шовинистическом варианте — в борьбе с Польшей, с Китаем, с Западом (это делал Сталин).

6. Мой ответ на этот вопрос тривиален: засылкой литературы, выступлениями по русскоязычному* радио, материальной помощью. Не в последнюю очередь и контактами с западной общественностью, особенно с той ее частью, у которой еще нет понимания исторического значения оппозиции («диссидентства») в СССР. Я имею в виду социал-демократов, левых и «еврокоммунистов».

Сентябрь 1982 г.

К. ЛЮБАРСКИЙ

Кронид Любарский (1934 г. рожд.) — астрофизик, канд. физико-математических наук, активный участник правозащитного движения. Член «Международной Амнистии», распорядитель фонда А. Солженицына, сотрудник самиздатского журнала «Хроника текущих событий». В 1972 г. арестован и осужден на пять лет лагеря строгого режима. В 1977 году эмигрировал. Редактор журнала «Вести из СССР». Живет в Мюнхене.

1. Начало ответа на этот вопрос очевидно: демократическое движение понесло огромные потери. Вклад каждого участника движения уникален, и в этом смысле потери невозместимы.

* разумеется, и на языках других народов СССР.

Пожалуй, из всех ударов, обрушивавшихся на движение в течение его истории (1968, 1972, 1977 гг.) — нынешний удар самый тяжелый (его даже ударом не назовешь — это скорее длящееся планомерное выкорчевывание). Репрессивная власть стремится парализовать все нервные узлы движения: информационную сеть внутри страны, каналы связи с Западом, независимые периодические издания, независимые ассоциации, стремится изолировать наиболее авторитетных лиц, которые сами по себе являются как бы центрами кристаллизации движения. Подавляющее большинство лиц, ставших широко известными в стране и за рубежом своей правозащитной деятельностью, ныне сами являются, в основном, объектом защиты. Естественно, что все это не может не сказаться на атмосфере движения, на настроениях его участников. Усталость дает себя знать. Участились случаи «раскаяний», «отмежеваний».

Все эти факты общеизвестны. На их основании многие сейчас делают вывод о разгроме движения, причем не только люди случайные, но и представители определенных кругов эмиграции и некоторые западные советологи. У меня создается впечатление, что и те, и другие подсознательно просто закрывают глаза на другой, прямо противоположный ряд фактов, ибо в глубине души прекращение движения их удовлетворило бы (одних — в силу изначального неприятия идеологии демократического движения, других — в силу того, что они желали бы в будущем иметь дело с сильной централизованной властью-партнером, а не ждать неопределенного будущего, которое им сулит непредсказуемое демократическое развитие).

Между тем, как это ни покажется странным, при всей тяжести индивидуальных потерь движение как общественное явление не ослабло, а даже в некотором смысле усилилось. Занимаясь в течение ряда лет информационной службой в области прав человека, я обнаруживаю, что количество новых имен, появляющихся в движении ежемесячно и ежегодно, не только не уменьшается, но увеличивается — и это несмотря на то, что трудности получения информации из СССР резко возросли и многое просто теряется в процессе ее передачи. Удивительным образом, репрессии не оказывают желаемого устрашающего действия. Новые люди регулярно приходят в движение. Расширилась его география — сейчас новые имена

вспыхивают почти по всей территории страны. Характерно отсутствие, зачастую, связи между новыми группами, новыми лицами, что говорит о спонтанности их возникновения в движении (позднее такие связи устанавливаются).

Новые люди (родившиеся как общественные деятели в атмосфере практически неизбежных теперь репрессий), естественно, приносят и новые веяния в движение. Уменьшилась его открытость. Сократилось число подписываемых писем протеста и число «подписантов» (ввиду полного отсутствия иллюзий о возможности повлиять таким способом на власть и некоторой инфляции воздействия таких писем на мировое общественное мнение). Прекратилось открытое присоединение новых членов к различным правозащитным ассоциациям или редколлегиям самиздатских журналов. Возрос процент псевдонимных или анонимных документов в самиздате. Все чаще возникают группы, с самого начала постулирующие, что они будут заниматься конспиративной деятельностью (конспиративной — не в смысле подготовки заговоров, диверсий или, тем более, террора, а, пожалуй, в духе программы «Общества в подполье», провозглашенной временной координационной комиссией польской «Солидарности», хотя в СССР, конечно, никто таких идей в законченном виде не формулировал).

Значительно увеличилось количество самиздатских периодических изданий — как общественно-политических, так и литературных. Почти все они — без объявленного редактора. С некоторым удивлением я констатирую в самое последнее время значительное усиление в этих публикациях левых, в частности неосоциалистических тенденций (нео — иногда даже в смысле хорошо забытого старого). Правда, значительная часть новой самиздатской периодики имеет довольно ограниченный ареал распространения, а иногда даже и известности. Ни одно из возникших за последнее время новых изданий не получило пока известности, какую имеет уже давно «Хроника текущих событий».

Говоря об усилении «подпольности», стоит все же напомнить, что само по себе это явление не новое. Подобный период уже был в истории советской оппозиции послесталинского времени (более ранний период я тут не рассматриваю). Я имею в виду конец 50-х — начало 60-х г.г. Тогда уклон в сторону подпольности питался памятью о сталинском терроре.

Сейчас он питается пережитым опытом последних репрессий. Но как невозможны сейчас массовые репрессии типа 37 или 49 годов (не буду сейчас уходить в сторону и обсуждать — почему), так и невозможно полностью закрыть гласное движение, загнать его целиком в подполье. Этого и не произошло.

«Классические» формы демократического движения, как движения в первую очередь открытого, сохраняются. Кажущееся уменьшение числа открыто выступающих людей частично объясняется и сокращением их «времени активности». От начала открытой правозащитной деятельности человека до начала репрессий против него, до ареста проходит теперь меньше времени. Человек успевает сделать меньше, имя его не всегда даже становится известным, сам арест проходит незамеченным. Тем более примечателен факт, что такие люди продолжают появляться.

Наконец, следует отметить еще одну важную особенность последнего периода: я имею в виду все более и более участвовавшие случаи массовых выступлений протеста. В их числе — массовые выступления в ряде республик с национальными требованиями (Прибалтика, Грузия), экономические волнения и забастовки (РСФСР, Украина, Прибалтика). Строго говоря, это явление к ответу на данный вопрос не относится — массовые выступления не есть результат воздействия репрессий — но без упоминания о них картина изменений последних лет в советской оппозиции была бы неполной.

Эти массовые выступления — практически все — явления спонтанные, с демократическим движением в традиционном понимании этого слова не связанные (хотя сами они тоже есть новая форма такого движения в широком смысле слова). Не связаны — в смысле отсутствия организационных связей, но я убежден, что почти два десятилетия информационного и воспитательного воздействия демократического движения на общество не прошли бесследно и тут. Но такую связь всегда трудно заметить и продемонстрировать: духовное влияние — вещь трудноуловимая.

2. Я вообще не верю, что какие-то новые формы борьбы за демократию можно придумать и предложить (если не считать, конечно, каких-то конкретных инициатив: создать журнал или ассоциацию, выйти на демонстрацию и т. д., но здесь мы

говорим о формах борьбы в широком смысле). Их можно только подметить в обществе и содействовать этому, стихийно найденному. Поэтому ответ на первый вопрос по сути дела является и ответом на второй вопрос.

3. а) Трудно говорить об отношениях демократической оппозиции с интеллигенцией, ибо оппозиция родилась именно в этой среде, духовно — это плоть от плоти интеллигенции. Мне всегда импонировало данное некогда определение интеллигенции как «мыслящей совести нации». Сейчас социальная база демократического движения сильно расширилась, но по-прежнему интеллигенция остается ее духовным и интеллектуальным ядром. Далеко не все интеллигенты, разумеется, участвуют в движении — от сочувствия до конкретных акций дистанция огромного размера, с которой большинство сходит в самом начале, — но сочувствует движению подавляющее большинство интеллигенции. Думаю, что в будущем такое сочувствие только усилится, но доля открыто выступающих если и увеличится, то едва ли намного.

б) Отношения демократической оппозиции с рабочими пока находятся только в зачаточном состоянии. Возникшие независимые профсоюзы едва ли можно назвать «рабочими организациями» в обычном смысле слова. Изолированные выступления рабочих пока тоже не слились в движение. В отсутствии отношений с рабочими часто винят правозащитников, но я не думаю, что такие обвинения правильны. Наоборот, правозащитники используют любой, даже самый мелкий повод, чтобы так или иначе привлечь внимание к рабочим проблемам. Правозащитникам часто ставят в пример (с укором) Польшу, забывая, что положение там было совершенно иным. Не интеллектуалы создали рабочее движение в Польше. Оно возникло само, Польша была уже потрясена массовыми рабочими волнениями 1956, 1970, 1976 г.г. Исторической заслугой польских интеллектуалов (и в той же мере, конечно, польских рабочих) является то, что их движения удалось объединить. Но до этого объединения в Польше уже существовали оба движения. В Советском же Союзе сколько-нибудь значительного рабочего движения пока нет и интеллигенция не может его искусственно создать. Невозможно «выдумать»

движение, если оно естественным образом не вызрело само. Я очень надеюсь, что рабочее движение в СССР рано или поздно возникнет, и тогда демократическое движение, конечно, первым протянет ему руку. Предсказания сроков, правда, обычно обречены на конфузный провал, но мое впечатление таково, что в ближайшие годы этого едва ли можно ожидать.

в) По-моему, отношения с национальными движениями в республиках у демократического движения всегда были прекрасными. Отдельные случаи взаимного непонимания иногда имели место, но это были досадные эпизоды между друзьями. Содружество и взаимная поддержка этих движений настолько полные, что можно сказать, что в широком смысле слова национальные движения — это часть (притом важнейшая) демократического движения. Не может быть демократии без полного осуществления прав наций. Я не сомневаюсь, что это сотрудничество будет крепнуть и впредь. У меня серьезное ощущение, что историческое своеобразие ситуации в СССР в сравнении с ситуацией в Польше, состоит в том, что советская «Солидарность», которой предстоит потрясти наше общество, явится именно в результате соединения движений «интеллигенции» и «националистов», а не «интеллигенции» и «рабочих», как это было в Польше. В Польше — мононациональной стране — вопрос об этом просто не стоял. В отличие от нее, СССР — империя. Демократизация невозможна без ее распада. Но верно и обратное — без демократизации системы невозможно надеяться на распад имперской структуры. Именно это указывает демократическому и национальным движениям совместный исторический путь.

г) Я скептически отношусь к разговорам о якобы происходящем в СССР религиозном возрождении. «Религиозное возрождение» — очень торжественное понятие, подразумевающее глубинные духовные процессы в стране. Такие процессы в современном советском обществе идут, но едва ли по пути религии. В доказательство наличия религиозного возрождения обычно приводят увеличение числа верующих в храмах, числа крещений и т. д. С моей точки зрения, факты такого рода (кстати, часто преувеличиваемые) объясняются просто тем, что люди вообще стали более открыто выражать

свои убеждения, и религиозные в том числе. Увеличилось не число верующих, а число открыто об этом заявляющих. Люди стали меньше страшиться обнаружить свою веру. Это не религиозное возрождение, а возрождение гражданского самосознания, возрождение чувства внутренней свободы. Очень часто также религиозность представляет собой замаскированную попытку вырваться из-под гнета официальной идеологии, иногда сознательную, иногда бессознательную. Религиозность — относительно самый безопасный вид духовной оппозиции: церковь хотя бы официально не преследуется. Несколько в ином положении «незарегистрированные» верующие ряда протестантских церквей. Их преследуют уже вполне открыто. Но здесь нет и «возрождения»: численность этих церквей десятилетиями остается стабильной. В последние годы интенсивность репрессий против них, зато, резко возросла: баптисты, например, сейчас самая большая группа среди узников совести.

Отношение демократического движения к религиозным определяется самой сутью демократического движения: право на свободу совести — одно из естественных, неотъемлемых прав человека. Правам верующих правозащитники всегда уделяли и уделяют огромное внимание, независимо от того, каковы убеждения того или иного правозащитника. И наоборот, со стороны многих верующих и групп верующих правозащитники встречают понимание и поддержку. Например, прекрасное сотрудничество наладилось с католиками, с пятидесятниками, со значительной частью православных. Многие церкви сами понимают необходимость правозащитной деятельности: адвентисты, например, создали Группу по правовой борьбе, католики — Католический комитет защиты прав верующих. Христианский комитет защиты прав верующих определенной конфессией себя не ограничивает.

Ряд церквей, однако, не оказывает встречного внимания правозащитникам, видимо, в силу некоей догматической герметичности: например, Свидетели Иеговы, Истинно-православная церковь и др. Часть активных православных (хотя сейчас уже и не очень большая) также, к сожалению, отталкивается от демократического движения — речь идет о той части, у которой идеи православия сопряжены с идеей особой исторической миссии России. Эта последняя группа часто называет себя, без достаточных на то оснований, русским

национальным движением. Мы слишком легко, однако, уступаем им это название. Я думаю, что русские участники демократического движения выражают национальные интересы русской нации гораздо более полно, и с гораздо большим основанием могут быть названы русскими патриотами.

Я очень надеюсь, что приверженцы идеи особой исторической миссии России не смогут в будущем расширить свое влияние, и для надежды этой есть все основания. Однако опасность усиления этого течения все же существует и может, в принципе, поставить под угрозу будущее демократическое развитие как самой России, так и других народов СССР.

4. Я бы не отделял польский август от польского декабря. Это не два отдельных события, а части единого, еще далеко не окончившегося процесса. Уроки августа были бы совсем иными, если бы за ним не последовал декабрь. Именно потому, что процесс еще не закончился, трудно говорить о его уроках. Очевидно, сами поляки еще не вполне сформулировали для себя уроки происшедшего — об этом говорят ожесточенные споры в их собственной среде о том, что же делать дальше. Тем более трудно это сделать нам. Я хотел бы тут не сформулировать извлеченный урок, а поднять вопрос. Всю его остроту я вполне понимаю и пишу обо всем этом с большим внутренним сопротивлением. Тем не менее кому-то надо взять на себя такую инициативу.

С самого начала демократического движения оно было и остается движением ненасильственным. Это одно из его величайших достижений, показатель его гражданской зрелости. Психология экстремистского насилия нашему движению абсолютно чужда, как была она чужда польскому августу, преобразившему лицо Польши. Декабрь, однако, показал, что общество может быть поставлено перед лицом насилия вопреки его собственному желанию (есть мнение, что это даже неизбежно, и мнение это серьезно не оспорено). «Солидарность» оказалась не готова к ответу на вопрос — что делать в такой ситуации. Стратегия начинает вырабатываться только сейчас, и какой она окажется в конечном счете — до сих пор неясно. Очевидно, однако, что априори считать возможность открытой конфронтации исключенной уже нельзя. Напомню «Тезисы о выходе из безвыходного положения» такого в

прошлом убежденного противника насильственных действий, как Яцек Куронь.

Может быть стоит и демократическому движению продумать вопрос о том, какова будет его позиция, если страна — вопреки желанию и надеждам всех слоев общества — будет поставлена лицом к лицу с насилием со стороны власти, насилием не селективным и замаскированным, а открытым, так сказать «польского образца»? Отсутствие стратегии на этот случай может оказаться губительным, ибо едва ли улучшит демократические перспективы «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

5. На вопросы, требующие прогнозов, ответить труднее всего. Я пессимист с точки зрения ближайшего будущего и оптимист в далекой перспективе. Нам предстоит сейчас очень тяжелые и чреватые жертвами годы. Репрессии будут, конечно, возрастать. Но кризисное развитие не может быть вечным и в перспективе десятилетий (может быть, не более, чем двух десятилетий) какие-то возможности выхода из тупика, несомненно, откроются. Как это произойдет — я не знаю, но этого не избежать. Прочитую тут Ивана Ковалева: «Покуда власти и „органы” боятся народа, с которым они воюют, и прячутся от „жалкой кучки отщепенцев”, не так уж плохи дела у этих „отщепенцев” и есть еще надежда у этого народа».

6. Пожалуй тем же, чем диссиденты, находящиеся на свободе в Советском Союзе, могут помочь тем, кто находится в лагере. А это значит — многим, знаю по собственному лагерному опыту.

Первое: информация. Информация для людей в Советском Союзе о ситуации прежде всего внутри своей же страны (но и не только, разумеется). Информация через направляемые в СССР по разным каналам публикации, через радио, иными путями. Информация общественности за рубежом о внутреннем положении в СССР и о положении демократического движения.

Второе: представительство интересов демократического движения перед руководящими кругами демократических стран. Демократическое движение уже завоевало авторитет настолько, что не только общественность, но и руководящие круги Запада начинают прислушиваться к его мнениям и оценкам.

Третье — материальная поддержка преследуемых участников демократического движения (в самом широком смысле, разумеется, включая национальные, религиозные и др. движения).

Последнее по счету, но не по важности: моральная поддержка движения. В это широкое понятие входит, конечно, и первое, и второе, и третье, и еще нечто неуловимое, что трудно выразить в словах. В конце концов, оказавшись тут, на Западе, мы не перестали быть участниками демократического движения. Я не разделяю максималистских точек зрения типа — «уехал — отрезанный ломоть». Я помню, какое большое значение придавали мы, находясь в лагере, деятельности правозащитников, находящихся в «большом мире» (а не только в «большой зоне»). Поэтому я понимаю, что сейчас столь же большие надежды возлагаются на нас.

Сентябрь 1982 г.

П. АБОВИН-ЕГИДЕС

Петр Абовин-Егидес (1917 г. рожд.) — канд. философских наук, доцент, автор многих работ по вопросам этики, активный участник правозащитного движения в СССР. Одиннадцать лет провел в концлагерях, тюрьмах и психотюрьмах (фашистских, сталинских и брежневских). Член редколлегии свободного московского журнала «Поиски». В 1980 году вынужден был эмигрировать из СССР. Живет в Париже, где продолжает издание журнала «Поиски».

Поставленные вопросы охватывают чуть ли все главные проблемы демократического движения в СССР и требуют серьезного, большого обсуждения. И все же постараюсь ответить на них — по возможности — кратко.

1. Жестокие репрессии 79-82 годов, которые воскресили ряд старых сталинских методов и которые сопровождаются — наряду с мужеством большинства репрессированных — «раскалыванием» определенной части их, вызвали, с одной стороны, волну пессимизма у ряда диссидентов (в том числе и находящихся в эмиграции), но, с другой стороны, выявив немало новых фамилий, доселе неизвестных движению, показали, что резер-

вы демократического противоборства тоталитаризму неисчерпаемы, что демократическое движение уже неуничтожимо и оно будет искать все новые пути.

Самые же последние аресты выявили и другое: существует серьезное социалистическое крыло в демократическом движении, т. е. крыло сторонников демократического социализма, которое для властей выглядит настолько опасным, что они уже применяют не только статьи 190-1 и 70-ю, но даже и 72-ю (антисоветская организация).

В условиях такого ужесточения репрессий бесконечно трудно будет сохранить ненасильственный характер демократического движения. Для этого потребуются неимоверные усилия. И немаловажную роль в этом должно сыграть преодоление как снобистского пессимизма, так и излишнего оптимизма.

2. Жизнь сама будет выдвигать все новые формы борьбы. Важно лишь не дать себя спровоцировать на кровопролитные формы ее.

Современный опыт, думается, убедительно показывает, что неправы как те, кто абсолютизирует *открытые* формы борьбы, так и те, кто требует целиком перейти на *подпольные* методы. Следует, думается, сочетать те и другие. Важны как раз такие подпольные методы, которые обеспечивают выход, так сказать, продукции подпольщиков наружу: если эта продукция недоступна народу, не доходит до него, она теряет какой-либо смысл. Конечно, в условиях существующего в нашей стране режима, этого добиться весьма и весьма трудно, — поэтому здесь потребуется особая изобретательность и особые усилия.

Что касается открытых форм борьбы, то мне представляется важным создание таких комитетов, групп, ассоциаций, которые были бы как бы параллельными официально существующим, но противопоставили бы их фальшивости свою подлинность. Так, существует в Советском Союзе официальный комитет защиты мира, но он на деле прикрывает неоимпериалистскую политику Политбюро. Участники же демократического движения могут создать свой, подлинно демократический, комитет защиты мира. Важны и такие ассоциации, которые были бы аналогичны существующим на Западе, — например, Ассоциация жертв тоталитаризма*.

В настоящее же время важно было бы начать с того, чтобы побудить либеральных интеллектуалов выступить с требованием возвратить Сахарова в Москву. Мне думается, что протесты против продолжающейся бессудной высылки Сахарова проходят весьма вяло, от случая к случаю, а они должны бы были перерасти в целое перманентное движение (и большая роль в этом должна бы принадлежать эмиграции).

Творческая интеллигенция могла бы развить и такую форму борьбы, как создание свободных альманахов типа «Метрополь» и «Каталог», могла бы начать кампанию в поддержку исключенных из ССП писателей, гонимых художников и пр.

Словом, есть в резерве еще много форм ненасильственной борьбы, включая — в перспективе — создание массовых свободных профсоюзов, организацию забастовок — вплоть до всеобщей забастовки и гражданского неповиновения, до чего еще, увы, далеко, но что все же со временем не может не наступить.

3. В статье «Проблемы демократического движения», написанной мною в соавторстве с П. Подрабинеким, мы еще в 78 г. замечали, что диссидентское движение лишь тогда разовьется полностью, когда сможет пробиться к широким слоям интеллигенции и рабочих, с одной стороны, и когда, с другой стороны, охватит все основные сферы социального бытия, а не только гражданские права. Правда, в последнее время диссидентское движение стало расширять рамки правозащитной деятельности,

* В свое время я выдвинул идею создания Ассоциации жертв сталинизма. Идея эта понравилась П. Г. Григоренко и Л. Алексеевой, — и мы с Петром Григорьевичем ездили к бывшим узникам сталинских лагерей, начиная с Писемского. Но Писемский, как и некоторые другие, отказался, мотивируя так: «Надо получить на это разрешение... властей». Человек просидел в сталинских застенках уйму лет и не преодолел своей наивности. Примерно то же ответил и другой бывший узник сталинских лагерей, который оказался в них после героического участия в Испанской войне (и не спасло его то, что он сфотографирован рядом с... Пассионарией). И самым огорчительным был отказ человека, который теперь издал здесь (под псевдонимом) книгу о мерзостях... сталинизма. А ведь подобная ассоциация многое смогла бы: ее невозможно было бы властям взять голыми руками.

включив в объем понятия «права человека» и социально-экономические права. Это открыло путь к соединению диссидентского движения с движением за свободные профсоюзы: если первый свободный профсоюз (клебановский) был создан *вне* диссидентского движения, то СМОТ был уже создан по инициативе самих диссидентов, которые привлекли к работе в нем и рабочих.

Однако связи диссидентства с либеральной интеллигенцией и рабочими до сих пор все же чрезвычайно слабы. Главным образом, это происходит по той «простой» причине, что власти не дают возможности установить эти связи с широкими слоями трудящихся. Но имеются и, так сказать, субъективные причины: от иных диссидентов доводилось слышать, что «мы-де не понимаем рабочих, не умеем с ними разговаривать», что «наше дело — права человека, а не борьба за „пятачок“, что интересует рабочих»; многие же либеральные интеллигенты и рабочие выражают разочарование той частью диссидентства, которая стоит на позициях Солженицына и которую долго считали ведущей. В свое время либеральная интеллигенция выступала с определенными протестами не только против репрессий, но даже против вторжения наших войск в Чехословакию (Помню, как Окуджава и Аксенов в 68-м году приезжали в Ростов, где я тогда жил, и выступали открыто против этого вторжения). Но когда либеральные интеллигенты, да и рабочие, увидели, что, оказавшись на Западе, Солженицын и его сторонники стали выступать не за демократизацию нашего общества, а за возврат в XV век, к допетровскому образу жизни, (а иные из них — и за канонизацию последнего императора) да за некий автократизм и православный моноидеологизм, то они отшатнулись от всего этого, а многие из них — заодно и от диссидентства, отождествив, видимо, его целиком с солженицынством.

Многих других разочаровала, оттолкнула и весьма лоялистская позиция Роя Медведева. Не вызывает также восторга и нынешняя позиция Александра Зиновьева...

Стало быть, диссидентство должно искать сейчас новые пути связей с интеллигенцией и рабочими, показав им, что есть «мир и кроме Рима», т. е. что имеется и такое течение диссидентства, которое соответствует их интересам (серьезной теоретической разработкой платформы такого течения и необходимо сейчас заняться).

Конечно, и либеральная интеллигенция должна понять, что если она даст задушить диссидентство, то следующим шагом властей будет удушение ее самой: власти терпят, скрепя сердце, некоторые «вольности» ее только потому, что боятся ее ухода в диссидентство, — но если бы диссидентство было «вырвано с корнем», то наступили бы черные дни и для тех, кто ныне числится лишь в «лояльной оппозиции». Можно сказать, что в определенных успехах современной художественной литературы и искусства в Советском Союзе объективно огромная заслуга принадлежит именно борьбе диссидентов. Поэтому как диссиденты нуждаются в поддержке либеральной интеллигенции, так и последняя нуждается в существовании диссидентства: их бытие взаимообусловлено, взаимозависимо. То же касается и рабочих, — особенно когда они осознают необходимость создания своих массовых свободных профсоюзов.

Что же касается отношений между диссидентским правозащитным движением, национальными движениями и движением за религиозную свободу, то они, эти отношения, определяются тем, что данные движения буквально взаимопроникают друг в друга. Между правозащитным движением и движениями украинцев, армян, грузин, прибалтов, крымских татар, евреев, установились теснейшие контакты. Такие же контакты установились между правозащитным движением и движениями тех верующих, которые выступают в защиту религиозных свобод и тех малых церквей, которые особенно сильно притесняются властями. Это объясняется тем, что все эти движения по самой сути своей направлены против тоталитаризма (в то время как, например, первый свободный профсоюз — профсоюз Клебанова — поначалу этого не осознавал).

Успех демократического движения наступит тогда, когда с ним объединятся не только национальные и религиозные движения, равно как не только движение инвалидов и женское движение, но и широкое рабочее движение и движение либеральной интеллигенции, когда все они составят один могучий поток.

Лишь тогда демократическое движение из узко-диссидентского превратится в массовое.

4. Такое взаимопроникновение демократического, интеллектуального, рабочего, национального и религиозного движе-

ний имеет уже место в Польше, поэтому оно, это единое движение — в отличие от нашего — сумело стать массовым.

Польское лето 80-го окрылило наше диссидентство и оппозицию; польская зима 81-го многих повергла в уныние. Но ведь не следует забывать, что декабрь 81-го года принес польской реакции лишь п и р о в у победу: став массовым, освободительное движение в Польше пустило такие глубокие корни в народе, которые дают возможность *продолжать* борьбу даже в условиях военного положения. Борьба *не прекратилась*, она лишь приняла новые формы — формы сочетания открытых и подпольных методов. И это все больше начинают понимать диссиденты и диссидентские резервы в Советском Союзе.

Следующий весьма важный польский урок связан с тем, что реакции удалось нанести сильнейший удар «Солидарности» не только потому, что за спиной хунты Ярузельского стоят советские полчища, но и потому, что в месяцы своего блестящего успеха «Солидарность» наивно решила, что за ней стоит уже весь народ, — и поэтому в армии и милиции, думается, не велась достаточная работа. Между тем история показывает, что в каждом народе есть значительное реакционное крыло, есть и «болото», которое трусливо шарахается в сторону силы, — есть это и в польском народе, несмотря на его, казалось бы, национальную и религиозную однородность и социальную сплоченность. Свобода неделима: ее невозможно завоевать только для себя — только для интеллигенции или только для рабочих, она может быть либо для всех, либо ни для кого, — поэтому для обеспечения ее победы надо вести работу среди всех слоев и категорий населения.

В сложившихся условиях весьма важно для «Солидарности», с одной стороны, не дать спровоцировать себя на кровопролитные формы борьбы, а с другой стороны, не попасться на «приманку» и не дать растворить себя в официальных лжепрофсоюзах. Удержаться, идя словно по лезвию, между этими двумя «соблазнами» очень трудно, но не невозможно. Весьма важно в нынешних условиях и для советских диссидентов не дать спровоцировать себя, с одной стороны, на применение насильственных методов борьбы, а с другой стороны, на такие «компромиссы», которые равносильны

капитуляции и ликвидаторству: и то, и другое означало бы гибель демократического движения.

Часто говорят: вот польские трудящиеся поднялись на массовую борьбу, а советские — нет, ибо-де наш народ — раб в самой основе своей, а поляки — люди гордые, смелые, свободолюбивые. Но при этом забывают, что в Польше и до августа 80-го был тот м и н и м у м либерализации, который необходим для начала массового движения. И даже военное положение не дало властям возможности лишить поляков такого минимума (а этот минимум дает возможность выходить на демонстрации, возможность в какой-то мере бастовать, разбрасывать с крыш прокламации, иметь подпольные типографии, подпольное радио, иногда выезжать на Запад и возвращаться домой и т. д.). Будь у нас этот минимум, и советские народы могли бы оказать массовое сопротивление режиму. Стало быть, польский опыт показывает, что начинать надо именно с того, чтобы добиться у нас прежде всего этого минимума либерализации.

В Советском Союзе гораздо труднее н а ч а т ь массовую ненасильственную борьбу, чем в Польше (ибо — повторяю — в нем нет необходимого для этого минимума возможностей), но гораздо легче будет з а в е р ш и т ь ее победой: ведь за спиной польского народа стоит Кремль, а за спиной советских народов — ни-ко-го.

XX век — век противоборства мизантропии и антропософии: беспрецедентным изуверствам и зверствам сталинизма, гитлеризма, полпотизма, хомейнизма, международного терроризма противостоит движение за возможность ненасильственного решения социальных конфликтов, бескровной борьбы за человеческое достоинство — в рамках общечеловеческой морали, на основании концепций Ганди, Корчака, Швейцера. Поляки как раз на деле и доказали, что ненасильственной борьбой можно одолеть даже тоталитаризм, — и в этом их историческое величие.

И хотя подобная, ненасильственная, бескровная борьба проходит более медленно (с приливами и отливами, подъемами и спадами, зигзагами и даже временными поражениями), и кое-кто предсказывает гибель дела «Солидарности» (но, судя по всему, поляки не успокоятся даже при попытках Москвы и хунты польской накормить население досыта при помощи некоей

кадаризации Польши), борьба неминуемо вспыхнет с новой силой, как вспыхнет она, кстати, как можно предполагать, и в Чехословакии. Поляки (как и чехи в Хартии-77) опираются на те же принципы, что и советские диссиденты. И они доказали, что на основе этих принципов возможно развитие движение до массовых масштабов. Докажут они и то, что на их основе можно добиться и решающих успехов — конечно же, при серьезной поддержке западной демократии. И это — в порядке обратной связи — придаст уверенность демократическому движению в Советском Союзе.

5. Никто не может сказать, когда эта взаимосвязанная борьба в странах-сателлитах и в «метрополии» увенчается победой. Пока нам выпало жить на самом трудном этапе этой борьбы — этапе накапливания сил — капля за каплей. Но ведь и *gutta cavat lapidem* (капля точит камень).

И для этой борьбы режим сам порождает все новые и новые резервы: так, он вынуждает определенные пласты интеллигенции бросать свои профессии гуманитариев или физиков, геологов и пр. и уходить в рабочие. (Вместо обещанного подъема рабочего класса до уровня интеллигенции наблюдается обратный процесс: «опускание» части интеллигенции до уровня рабочих). Одни уходят в рабочие, ибо не хотят участвовать во лжи, другие — не хотят участвовать в усилении вооружения агрессивной армии, третьи — не хотят вообще быть в системе, предпочитая работу в свободных артелях «шабашников», и т. д. Из этого *нового* типа рабочих многие приходят затем в диссидентство.

Резервом диссидентства являются и те выпускники средних школ, у которых при уходе на завод оказывается «избыточное» образование, а соответственно и заряд недовольства. Значительным резервом диссидентства является, как известно, и творческая интеллигенция, поскольку тоталитаризм — по определению — несовместим с творчеством и является фактором духовной энтропии. Вместе с тем все большим источником диссидентства являются и низкооплачиваемые отряды интеллигенции и рабочих.

Носителями недовольства являются провинция, крестьянство, женщины, инвалиды, дискриминируемые верующие и

угнетенные нации, — словом, все, кто оказывается в положении «униженных и оскорбленных».

Даже среди части элиты появляются оппозиционно настроенные и даже диссидентствующие группы.

Таким образом, резервом массового демократического движения может оказаться большинство населения: шлейф может расти то в одну, то в другую сторону — в зависимости от ситуации.

Сейчас, видимо, достаточно было бы того, чтобы 300-400 известных либеральных интеллигентов (писателей, академиков, профессоров, технократов) набрались мужества и, влекомые чувством гражданской ответственности, поддержали требования диссидентов, — и движение могло бы развернуться в цепную реакцию...

А когда начнется массовое движение протестов, то под его давлением возможен раскол в ЦК и Политбюро, и одна часть его может быть вынужденной заставить другую пойти на реформы, на серьезную либерализацию, которую то же массовое движение — в порядке обратной связи — может довести до полной демократизации всей жизни общества.

6. Ожидаемый новый поворот либеральной интеллигенции и рабочего «класса» в сторону демократического движения, о чем речь шла выше, в значительной мере зависит и от деятельности современной эмиграции.

Некоторые публицисты утверждают, что Политбюро и КГБ для себя весьма мудро рассчитали, выслав на Запад большую часть диссидентов, предвидя, что они здесь передерутся, как пауки в банке, и тем оттолкнут многих от диссидентского движения как на Западе, так и внутри страны. Я же полагаю, что этот расчет КГБ только на первых порах выглядит удачным. В дальнейшем все это может обернуться выигрышем как раз для демократического движения: исторический опыт разных стран показывает, что когда власть в стране захватывают узурпаторы, то борьба с ними может быть успешной лишь тогда, когда она ведется с двух сторон — изнутри общества и со стороны эмиграции.

Конечно, на первых порах, вырвавшись, так сказать, на свободу, диссиденты-эмигранты не могут не оказаться в полосе разброда. В дальнейшем же все четче выкристаллизовываются

определенные течения в эмиграции. Процесс этот уже идет здесь. Однако роды оказались довольно затяжными и болезненными.

Причем среди эмигрантов-диссидентов кое-кем овладевает неверие в возможность победы над тоталитаризмом — по крайней мере в обозримом будущем — и ввиду этого они чувствуют себя как бы обреченными жить и умереть на чужбине (иначе говоря, они словно приехали сюда навечно). Поэтому они впадают в индивидуализм, не веря в эффективность каких-либо альянсов (в этом наша эмиграция, увы, отличается от прошлой эмиграции революционеров, которые, хотя и по многу лет жили на Западе, всегда чувствовали себя здесь временно, так сказать, сидящими на чемоданах, — другое дело, что то, что они потом натворили в России, оказалось порочным). И этим воспользовалось антидемократическое течение в эмиграции, которому по вполне объяснимым причинам легче сплотиться, чтобы оттеснить демократически ориентированных диссидентов, сосредоточив в своих руках прессу, журналы. В эмигрантской антидемократической периодике установилась жесткая цензура на неудобные ей демократически направленные материалы. Ретрограды бойкотируют акции, устараиваемые демократами, и исключают их из акций, устраиваемых ими самими, — тем самым противопоставляя себя эмигрантскому демократическому течению, и таким образом, способствуют расколу в диссидентстве. Это причиняет ущерб демократическому движению в стране, ибо, не выражая интересов наших народов, эмигрантское ретроградное течение оттолкнуло от движения многие его резервы.

Можно с уверенностью сказать, что история спросит (не боюсь употребить здесь громкие слова) с современной эмиграции за все это. Но нам некогда ждать исторического «спроса»: ответственность за демократическое движение в стране торопит нас. Чем скорее консолидируются демократические силы нынешней эмиграции, чем четче выкристаллизуется наша платформа, тем больше поможем мы диссидентскому движению внутри страны выйти из тяжелого кризиса (в который ввергла его жестокая репрессивная политика властей и которому способствует ретроградный курс определенной части эмиграции), тем больше будем мы содействовать приливу свежих, молодых сил в это движение.

Для достижения этих целей нам следует обратиться к давно испытанному историей методу — к созданию подлинно демократической, плюралистической газеты или — для начала — ежесемейника.

Большие надежды возлагаются и на вновь созданный журнал «Форум», который может способствовать консолидации эмигрантов-демократов разных национальностей «советской» империи, что так важно для демократического движения в СССР.

Сентябрь 1982 г.

С. ПИРОГОВ

Сергей Пирогов (1931 г. рожд.) — участник правозащитного движения в СССР с середины пятидесятых годов. В 1955 г. окончил экономический факультет Ленинградского университета. Впервые арестован в 1957 г. Осужден на 8 лет лагерей строгого режима. В 1973 г. вновь арестован за распространение самиздата и осужден еще на два года лагеря строгого режима. В 1976 году эмигрировал. Живет в Мюнхене.

1 и 2. Правозащитное движение (мне представляется такой термин более скромным и более корректным в условиях нашей страны, чем «демократическое движение») порождается реальными нуждами и противоречиями общества, и усиление репрессий против диссидентов и им сочувствующих не может изменить нравственного смысла, практического содержания и исторической сути этого движения.

Реальные успехи КГБ в борьбе с поборниками законности исчисляются не количеством арестованных и судимых, а теми случаями публичного «раскаяния» (означающего, чаще всего, циничную сделку с палачами), которые карателям удалось заполучить. Однако, на фоне сотен и сотен арестованных эти удавшиеся единичные инсценировки блекнут, и уж кому это лучше понимать, как не КГБ. Движение — это, по сути, процесс коллективной самозащиты людей от незаконных акций власти имущих. Польский КОР-КОС выразил эту идею в самом своем названии «Комитет общественной самозащиты». Движение

базируется на чувстве солидарности самих гонимых людей и им активно сочувствующих. Усиление репрессий обостряет и расширяет эту нравственную, эмоциональную основу движения. Расчет КГБ на то, что им удастся совершить внутри движения «нравственную контрреволюцию», — куций расчет. Я не верю, что число показательно кающихся гебистам удастся поднять до осязаемого и солидного процента, разве что арестовывать им собственных стукачей для спектаклей. А без этого увеличение числа арестов и судебных процессов — инструмент обоюдоострый, если только сохранится и уцелеет информационная сеть. Можно полагать, что годы борьбы за право позволили накопить достаточный опыт и достаточный контингент людей, понимающих всю важность системы информации для того, чтобы движение выжило. Возможно, КГБ удастся засадить всех «спикеров» движения. В таком случае движение, так сказать, «деперсонифицируется» в будущем, произойдет перераспределение функций внутри движения в сторону безымянности действующих лиц. Стратегическая линия движения от этого не может измениться: гласность, самиздат, информационная сеть в защиту репрессированных, самые различные инициативы в этом направлении. Открытые и известные имена — вовсе не обязательный атрибут гласности, особенно когда есть устоявшаяся традиция гласности с четкими критериями верификации. События показывают, что правозащитное движение идет по НЕЗАТУХАЮЩЕЙ кривой, хотя ему перманентно прочили гибель, особенно в годы 1968, 1973 и теперь. В критические моменты судьбу и честь движения спасали, быть может, одиночки, «отщепенцы», как выражается пропаганда. В какой-то мере и теперь судьба движения зависит от качеств такого непредсказуемого материала, как человеческая личность.

Извне и кое-где внутри страны можно услышать суждения, что движению-мол пора избавиться от «детских иллюзий и надежд» на усовершенствование заведомо ригидной системы, пора отказаться от «недооценки» политики и «организационных» методов, что пришла пора создать «партию нового типа» и переходить «к решительным действиям». Я полагаю, что такого рода разговоры исходят от людей, весьма далеких от понимания ситуации в стране и путей освободительного движения.

3. Правозащитное движение по сути своей, так сказать, по определению, есть движение идейно-нравственное, так что его органическая связь с интеллигентностью и с интеллигенцией не случайна.

А как же иначе? Правосознание необходимо предполагает некоторый универсализм мировоззрения, выход за рамки провинциальности. К тому же, интеллигенция — это давно уже не каста и не сословие, своими занятиями и условиями жизни отделенное от народа. Критика диссидентов за то, что они «страшно далеки от народа», не поняли «исторической роли рабочего класса» и т. д. — идет от того же, выше указанного, непонимания ситуации. С самого начала движение имеет тесные связи со всеми ущемленными социальными меньшинствами: с бывшими и настоящими (я бы добавил еще: и с будущими) политзаключенными, с «наказанными народами», с общинами малых церквей (т. наз. «сектантами», выражаясь официальным языком), с национально-освободительными движениями народов. Уместно напомнить исключительно важную роль крымскотатарского движения в формировании самих методов правозащитников. Правозащитное движение еще долго, по-видимому «безнадежно долго», останется движением меньшинств, потому что «страшно далек от них народ». Польский образец активизации рабочего класса и крестьянства у нас мало вероятен в обозримом будущем. Причины этого — вопрос особый. Один из тревожных, на мой взгляд, симптомов — это активизация того «русского национализма», «национал-христианства», который озабочен единотелностью империи и усередствует в обвинении «националов» (латышей, или евреев, или золотоордынских ханов) в ответственности за нашу несчастливую историческую наследственность. Возвращение к православию, вероятно, знаменует рост независимо мыслящих, но я усматриваю в этом две противоположные тенденции. Одна — развитие экуменистического, вселенского христианства. Представители этого направления часто сотрудничают с правозащитным движением (я имею в виду защиту этими людьми прав верующих независимо от вероисповедания). Другая же тенденция внушает мне тревогу и беспокойство. Эта форма религиозно-национальной идеологии видит в «демдвиже» если не врага, то соперника и сознательно стремится дискредитировать некоторых диссидентов, ставит под сомнение их патриотизм, саму их «рус-

скость», их заслуги и вклад в освободительный процесс и в наше знание о самих себе. Сам факт выезда на Запад, это решительное «голосование ногами», почему-то стало нуждаться в извинительном самопредставлении «вынужден был» — им в угоду. Процесс роста этой нетерпимой, закрытой формы «почвенничества» при всей искренности его прозелитов, наводит меня на мрачные аналогии, в которые бы мне не хотелось верить. Тот факт, что власть таких людей арестовывает наряду с правозащитниками и даже иногда нарочито сбалансированно, не должен вводить в заблуждение: в политической игре для государства и эти люди — тоже пешки. Многонациональная империя сознательно балансирует между фасадной дружбой народов и глубинным имперским шовинизмом. Здесь мне кажется важно подчеркнуть необходимость диалога, открытой конфронтации идей внутри независимо мыслящих элементов общества, спора идей без «перехода на личности». Думается, что повышение культуры спора, умения вести дискуссию с несогласными — важная внутренняя задача нашего движения. Умение ставить подножки и подсечки в этом отношении мало полезно, скорее наоборот, только плодит взаимное раздражение, обиды и взаимную неприязненность. Тут я также возлагаю надежду на вклад тех одиночек, которые способны встать выше самолюбий, соображений личного престижа и т. п. Без этого «чрезвычайного вклада» отношения между двумя кристаллизующимися направлениями — «западническим» — правозащитным и традиционалистским — «национальным» — могут ухудшаться на радость КГБ и присным.

4. Польские события дают, мне кажется, два урока. Во-первых, они подтверждают, что при организованном давлении на власть возможна эволюция от тоталитаризма к демократическому строю силами внутренней оппозиции. Хочу сказать, что такой же урок давала и «Пражская весна» 1968 года, задушенная чужими танками. Польша на практике продемонстрировала процесс завоевания правозащитным движением на свою сторону большинства народа, большинства рабочего класса, интеллигенции, молодежи. Во-вторых, события предостерегают от излишнего оптимизма. Путь к демократии — это более долгий марш, чем многим казалось. Вероятно, пароксизм в социальном конфликте тотального характера — неизбежная стадия его

резрешения. Я не мистик, но мне бросается в глаза какая-то странная закономерность 12-летнего цикла событий, и, быть может, нападение ВРОНЫ на собственный народ оттянуло решение на таких вот 12 мучительных лет. Я был бы рад ошибиться в своем ощущении внутреннего смысла событий. События в Польше практически поставили перед польским движением вопрос: А не дать ли генеральное сражение хунте всеми наличными силами? Разве не бросались польские уланы на танки с шашками наголо? Не начать ли по-наполеоновски бой, а там-мол посмотрим? Иными словами, вопрос о применении насилия в борьбе. Активисты и лидеры движения «Солидарности» до сих пор устояли перед столь сильными искушениями перейти к отчаянным действиям. Для нашего движения этот вопрос пока практически не стоит, и тем более важен в этом отношении польский опыт, как загляд в НАШЕ будущее.

Насилие как средство самозащиты себя и других людей вполне нравственно, и в личном аспекте я не вижу убедительных возражений против этого. Христианская заповедь «Не делай другому того, что не хочешь, чтобы делали тебе» тоже не исключает необходимости защищаться от бандита. И юридическое право включает понятие необходимой самозащиты вплоть до действий, имеющих внешние признаки преступления, так сказать, «преступления против преступления». Но не следует смешивать личный и социально-политический аспекты этой проблемы. Я твердо убежден, что неприменение насилия — это такой фундаментальный канон правозащитного движения, которому движение должно сохранить верность в самых неблагоприятных обстоятельствах, он обеспечивает движению высокой нравственный престиж и связанные с этим успехи. Я убежден, что диктатуре всегда выгодно спровоцировать своих противников на сопротивление насилеием, чтобы выставить себя в глазах общества защитницей порядка против «хулиганов» и чтобы круче расправиться со всеми неугодными под этой завесой. Такой аспект событий мы сейчас ясно видим в действиях польской ВРОНЫ, сочиняющей лживые, клеветнические обвинения против «Солидарности». И я расцениваю как мужественное и мудрое поведение руководителей «Солидарности», которые в столь напряженной, провокационной обстановке продолжают бороться за общественный компромисс пробой сил и демонстрацией силы, но не применением силы для

«игры с нулевым результатом». Такое может позволить себе только исключительно зрелое общественное движение. Быть может, это самый главный урок польских событий для правозащитного движения у нас: не бросаться в бой на предлагаемой противником территории, выгодной ему. Проблема реализации воли большинства против превосходящей военной силы — нелегка. И нельзя искать ее решения на путях прямой конфронтации. Политика — искусство возможного, и она учит, что «полная победа» не оправдывает потерь в борьбе за ее достижение, и что именно социальный компромисс является не тактической, а стратегической целью борьбы. Как отмечают лидеры польского сопротивления, сейчас оружие в «ярузельско-польской войне» — не отряды ЗОМО и не забастовки, а ИНФОРМАЦИЯ. Смеем сказать, что этому они научились у нашего правозащитного движения. Обращение к насилию нецелесообразно, пока противник сильнее в этом отношении, и потому необходимо избирать и навязывать противнику иные поля сражения с ним. И насилие будет излишне, когда противник окажется слабее, когда сила окажется на нашей стороне, а это обязательно случится, если мы избежим соблазна «полной победы» вместо стратегически провозглашенного общественного согласия как подлинной, благородной цели движения. Решение проблемы не простое, и нам есть чему поучиться у поляков.

6. Что может сделать человек в эмиграции для правозащитного движения? — Это зависит от способностей и возможностей каждого, кто причисляет себя к политической эмиграции. Главная задача — это, конечно, практическая помощь тем, «кто не с нами». Но мне представляется также необычайно важной задача обеспечения престижа политической эмиграции в глазах влиятельных сил Запада. При всем желании мы, выброшенные судьбой на Запад, не можем оказать движению той помощи, какая ему необходима со стороны мировой демократии. Предметом нашей особой заботы должны быть «поиски взаимопонимания» между эмигрантами. Я уже упомянул о необходимости повышать культуру спора, о диалоге идей, а не полемике людей. Быть может, это звучит наивно. Люди — всегда люди. Но очень важно противодействовать влиянию «авторитарных комплексов» на духовную жизнь политической эмиграции. Тогда она

будет внушать к себе больше уважения, и внутренние элементы независимой общественности будут относиться к ней как к своей интегральной части, отделенной от страны территориально, но не духовно.

Сентябрь 1982

С. Пирогов

В. СОРОКИН

Виктор Сорокин (1941 г. рожд.) —экономист, участник правозащитного движения в СССР. Окончил экономический факультет МГУ, преподавал экономическую кибернетику в Московском институте управления. Сотрудник свободного московского журнала «Поиски», один из составителей самиздатского альманаха «В защиту экономических свобод». Эмигрировал в июне 1982 года. Живет в Париже.

1. Каждому ясно: чтобы сократить последствия, необходимо уменьшить причины. Поэтому, усиливая репрессии против демократического движения в СССР, власти, сами того не желая, провоцируют активизацию этого самого движения. Это собственно и происходит. Ведь у каждого репрессированного есть родственники, друзья, а то просто и знакомые, которые не могут спокойно взирать на творящееся беззаконие.

Однако ужесточение репрессий в последние 2-3 года не могло не привести к изменению форм сопротивления преступным действиям государства и борьбы с этими действиями. Для меня к 1979 году стало ясным, что ОТКРЫТАЯ правозащитная деятельность исчерпала свое политическое (но не моральное!) предназначение: реакция «советских» властей на общественное движение в стране убедительно показала всему миру, что эти власти не собирались и не собираются ни предоставить своему народу ими же обещанные конституционные права, ни соблюдать Хельсинкские Соглашения, ни позволить своему народу как бы то не было контролировать деятельность государства. Диссидентские жертвы доказали, что у советского государства есть права, но нет обязанностей, а у «советского» народа, наоборот, есть обязанности, но нет никаких прав. Доказывать же уже доказанное-нелепо, тем более, что повторное доказательство стало требовать троекратных жертв. Поэтому я с

пониманием отнесся к сообщению о роспуске Московской Хельсинкской группы, а еще ранее — к приостановке издания журнала «Поиски».

Я считаю, что после бессудной ссылки А. Д. Сахарова и оккупации Афганистана польский декабрь 81-го года ЗАВЕРШИЛ собой целую эпоху в мировом общественном сознании — эпоху осознания сущности реального социализма. Понял Запад — на уровне власть придержащих. Понял и... успокоился. Все ясно, все понятно — больше не интересно. Понял КГБ (или кто там еще?): можно — Запад проглотит — и нужно — пока «советский» народ не взял пример с братского польского — бить наотмашь. Несколько растерялось открытое правозащитное диссидентство, не до конца еще осознав: началась НОВАЯ эпоха, впереди — поиск форм РЕАЛЬНОЙ борьбы с самым чудовищным явлением в человеческой истории.

В результате репрессий последних лет заметно поредел круг открытых правозащитников. Выкристаллизовавшиеся межличностные отношения играли до 79 года положительную роль, надежно защищая от внедрения в правозащитную среду всякого рода стукачей и провокаторов. Но с массовыми арестами это преимущество обернулось слабой стороной — вставшие на место арестованных были из той же самой среды. Пополнение этого слоя извне оказалось незначительным.

Вместе с тем, апрельские массовые обыски и аресты показали, что в стране определенное развитие получили нелегальные формы общественного движения. Я не спешу дать отрицательную оценку этому явлению и вот почему: во-первых, на повестку дня ставится выработка позитивных и реализуемых моделей будущего общественного устройства, а для такой работы нужны и время, и условия; во-вторых, систематическое распространение информации, следовательно, и демократических идей в условиях ужесточения репрессий может быть только нелегальным.

С другой стороны, не следует опасаться, что и открытое правозащитное движение иссякнет. Поскольку усиление репрессий совпадает с процессом общего хозяйственного и морального упадка в стране, то непрерывно растет число граждан, чьи права ущемляются теми или иными государственными чиновниками. Приемные всех органов Советской власти, милиции, прокуратуры буквально забиты жаждающими правды. И

хорошо, если один процент получает ожидаемую помощь. Остальные же 99% в организованном порядке принуждаются быть инакомыслящими. И нередки случаи, когда эти самозащитники превращаются в правозащитников.

Хотелось бы отметить, что в СССР есть еще одно, я бы сказал, изолированное, демократическое движение. Его участниками являются инженеры и ученые экономико-математических наук. Число представителей этого сугубо научного движения невелико, всего несколько сотен, однако их место в общественно-экономической структуре таково, что они имеют возможность влиять не только на сознание окружающих их людей. Вообще, экономико-математические науки в Союзе — это удивительный феномен. Это, пожалуй, единственная область в общественных науках, где внутри довольно больших разделов допускается сохранять верность истине. Соединение же небольшого числа разделов в единое целое и применение к целому метода системного анализа — нетрудоемко. Но результаты такого анализа потрясающи. Нехватка места не позволяет мне остановиться на этом интересном явлении. Скажу лишь, что большинство существенных социологических идей, выработанных и выстраданных либерально-демократической мыслью, казавшихся нам в свое время откровением Всевышнего, просто и ясно являются в процессе кибернетического анализа экономических и социологических моделей.

Любопытно, что органы уничтожения свободной общественной мысли не хотят и не могут расправиться с экономистами-математиками. Не хотят, потому что дельные экономисты-математики являются в научном плане инакомыслящими, и если уж с ними бороться, то их надо за решетку всех. А без них окончательно развалится не только скользкое, простите, сельское хозяйство. Не могут, потому как не умеют да, наверное, и никогда не смогут читать по-математически. Образование для этого явно недостаточное...

Несколько слов еще о двух направлениях движения, которые, может, и не попадают в разряд общепринятого демократического движения, но их общественная значимость, на мой взгляд, довольно велика. Первое из них — КСП—Клуб самодетальной песни. Большая численность этой сопротивляющейся идеологической обработке организации не может не вызывать страха у власть имущих. Волгоградский слет в 200 000

человек—это не шутка! Власти вначале пытались взять под свою эгиду программу Клуба. Но из этого ничего не вышло, и тогда деятельность КСП была просто запрещена. К чему это приведет, мы еще увидим.

Другое направление я назвал бы хозяйственно-предпринимательским. Чтобы было понятно, о чем идет речь, я бы разбил всю «советскую» экономику на четыре подгруппы: 1) государственная (на долю которой, по моей оценке, приходится около 50% стоимости национального продукта); 2) «левая аморальная» (около 25%), основанная на использовании государственных технических средств и ворованных у государства материальных ресурсов; 3) частная, «морально-допустимая» (около 10%), хотя и противозаконная; в отличие от предыдущей сырье и оборудование здесь приобретаются на рынке (например, частный ремонт квартир, использование личного автомобиля в качестве такси и т. п.); и наконец, 4) частная «в рамках закона» (около 15%) (например, аграрно-рыночный бизнес, работы по частным лицензиям и т. п.). Для демократического движения интерес могут представить участники последних двух экономик.

Специфические качества этих людей — их трудовая энергия, напористость, вечная конфронтация с «советскими» учреждениями — требуют к себе внимательного отношения и правильной общественной оценки обществоведами-советологами. Хорошо бы получить точные данные об их численности. По моей чисто субъективной оценке, распределение предпринимателей (последних двух экономик), для которых доход от частного предпринимательства соизмерим (сопоставим) с доходом от работы на государство, выглядит следующим образом:

	(в млн. человек)	
	1981 г.	1971 г.
сельское хозяйство	3	1
бытовое обслуживание	3	0,3
торговля	1	0,1
кустарный промысел	2	0,1
шабашки на государственных предприятиях	1	1
натуральное хозяйство горожан	5	1

В СССР я общался с десятками представителей этого сословия и смею утверждать, что оно, еще почти не изученное, представляет собой заметную общественную силу. По крайней мере, если в стране когда-нибудь будут созданы нормальные условия для экономической деятельности, то именно это сословие создаст в стране материальное изобилие.

2. Мне представляется истинным следующее утверждение: для торжества демократии требуется довольно *длительный* срок, ибо основой ее прочности является проникновение демократических идей в ПСИХОЛОГИЮ (а не только в сознание!) людей. А психология, как известно, явление *крайне* инертное. Насильственный же путь достижения демократии представляется неприемлемым и порочным уже в силу того, что в *психологию* людей проникают антидемократические принципы, избавиться от которых за короткий срок невозможно (и начинать все сначала!).

Одним из основополагающих аспектов борьбы за демократию остается стремление к личному демократичному поведению *в широком плане*: в отношениях не только с властями, но и с рядовыми гражданами, с друзьями, с членами семьи. В этом случае идеи демократии не только приобретают притягательную силу примера, но, проникая, как говорится, в плоть и кровь, овладевают психологией.

Проблема самовоспитания с необходимостью требует глубокого исследования категорий «демократия», «демократичность», «свобода и насилие», «права и обязанности». Мне представляется, что ответы на эти вопросы тесно связаны с выработкой понятийного аппарата и позитивной программы демократического движения.

3. По моим впечатлениям, демократическая оппозиция замкнута на самой себе. Ограничение внешних связей, несомненно, вызвано соображениями осторожности. В условиях, когда рабочие и интеллигенция не имеют пока мощного импульса к установлению контактов, считаю такое положение вещей целесообразным. Контакты же демократической оппозиции с национальным и религиозным движениями заметны.

4. Польский август 80-го показал всему миру ахиллесову пята коммунизма. Если бы это произошло в СССР, коммунизм был бы повергнут. На сегодняшний день это, пожалуй, един-

ственный способ взорвать тоталитаризм изнутри. Время, прошедшее с 13 декабря 81 года, только подтверждает данное предположение.

5. Ближайшие перспективы борьбы за демократию и права человека мне представляются мрачными. Все деятели демократического движения, имеющие практический опыт организаторской работы или обладающие какими-либо привлекательными для народной среды чертами, пожизненно изолируются в концлагерях и психушках либо в отдаленной ссылке. Одновременно с этим экономическая политика нынешних большевиков, напроць отбившая всякий интерес к добросовестному труду на государственных предприятиях и всеми мерами сдерживающая развитие труда частного, не может не привести к катастрофе и, в частности, к продовольственному голоду, так что в ближайшие 2-3 года следует ожидать еще и волны голодных бунтов. Бунтов, по-русски разгульных и неорганизованных. Без танков и крови дело не обойдется, и, как мне представляется, нет силы, способной помешать этому. В будущем же, как и в России в 1905 году, как в Польше в 70-м, «Кровавое воскресенье» может побудить рабочий класс осознать свой статус в так называемом «рабочем» государстве и пойти на союз со свободомыслящей интеллигенцией.

6. Очень многим, и не только правдивым информированием о событиях внутри страны и за рубежом. Но самое главное, в эмиграции имеются все условия для теоретического осмысления общественных процессов, происходящих в Польше, СССР и остальном мире. Возможно также, что со временем удастся расшевелить западное общественное мнение с тем, чтобы оно через свои правительства умерило бы пыл «советских» властей в отношении репрессий. Хотя надежды на это у меня меньше всего.

20 сентября 1982 г.

Б.ШРАГИН

Борис Шрагин (1926 г. рожд.)—канд. философских наук, автор многих работ по теории и истории искусств, активный участник

правозащитного движения. В 1974 г. эмигрировал в США. Написал книгу «Противостояние духа»—о нравственных и социальных аспектах проблемы борьбы за права человека в СССР. Живет в Нью-Йорке.

ВОПРОС 1. Для начала, по-моему, надо ответить на вопрос о характере репрессий и раздвинуть их хронологические рамки вплоть до сегодняшнего дня. Репрессии стали более массовыми и бесцеремонными. Если прежде они представляли собою акты мести властей за уже совершенное тем или иным лицом, то за последние годы они становятся, по большей части, ПРЕВЕНТИВНЫМИ. Иначе говоря, сделан еще один шаг к террору и запугиванию всего населения.

Я бы указал на несколько причин этой тревожной перемены:

а). Симптомы загнивания советской социально-политической системы становятся все более явными. Положение с продовольствием—катастрофическое, как и неспособность (или даже нежелание) властей что-либо исправить. При таких обстоятельствах возможны в ближайшем будущем вспышки стихийных беспорядков. И властям тем легче будет с ними справиться, чем более стихийными они окажутся, чем меньше огласки они получают. Следовательно, с точки зрения властей, необходимо устранить те элементы, которые могли бы привести хоть какую-то сознательность и послужить связующим звеном между недовольными (наподобие польского КОРа).

б). Развитие в сторону «детанта» в международных отношениях сменилось развитием в сторону «холодной войны». В связи с этим для советского руководства пропала значительная доля стимулов считаться с тем, что о нем могут подумать на Западе. Выяснилось к тому же, что независимо от того, как советское руководство обходится со своими подданными, западные капиталисты все равно готовы снабжать Советский Союз необходимой ему технологией.

в). В первую половину 60-х годов, когда правозащитное движение только еще начиналось (о различии понятий «правозащитное движение» и «демократическое движение»—см. ниже), престиж коммунистического режима в СССР в глазах западной общественности был еще сравнительно высок. Режиму было в этом отношении что терять; перспектива, что его бесчинства окажутся достоянием международной гласности, оказывала сдерживающее воздействие. Однако, внушительные выступле-

ния правозащитников нанесли в предшествующие годы советскому престижу непоправимый урон. Тайное стало для мира явным. Таким образом, сами правозащитники постепенно ослабили тот рычаг давления на правительство, которым пользовались прежде.

г). Тактические и программные установки правозащитного движения—насколько они вообще обдуманы—были и остались по сей день таковы, что оно поднимает свой голос лишь в защиту тех, кто становится жертвой репрессий. Но тем самым совершался процесс самоизоляции репрессированных от нерепрессированных. Правозащитное движение превращает себя—как говорить сейчас в Москве—в «самозащитное». Остальным предоставлялась возможность, в лучшем случае, лишь сострадать и оказывать посильную (по большей части, тайную) материальную помощь.

д). Правозащитное движение мало интересовалось возможностями социальных, экономических и политических реформ в Советском Союзе. Предложения А. Д. Сахарова представляют собою в этом отношении, скорее, исключение. Характерно и то, что вопреки всеобщему преклонению перед ним как перед личностью, его практические идеи спокойно пропускаются мимо ушей. А в результате правозащитное движение за почти два десятилетия своего существования не предложило обществу каких-либо более или менее конкретных перспектив, за которые стоило бы бороться. Не была найдена и высказана социально-политическая формула, которая выразила бы общественный интерес и могла бы послужить платформой объединения людей в противовес тоталитарному режиму.

Итак, текущие репрессии, сами являясь фактором, который меняет обстановку в стране, стали возможны, с одной стороны, в результате перемен и во внутренней, и во внешнеполитической ситуации. При это важно не упускать из виду, с другой стороны, что эти неблагоприятные перемены случились хотя бы отчасти из-за внутренних недостатков правозащитного движения, которые с течением времени все больше дают о себе знать. Необходимо критически пересмотреть предшествующий опыт. Тогда, само собою, изменится и «характер демократического движения». Более точно я бы определил задачу как ПЕРЕРАСТАНИЕ правозащитного движения в демократическое.

ВОПРОС 2. Прежде всего пора уж внести больше четкости в

терминологию; пора перестать путать «борьбу за демократию» с «правозащитным движением». Между ними есть, конечно, общие точки, но они—не синонимы.

То, что отчетливо прослеживается в Советском Союзе уже почти два десятилетия как важнейший фактор его новейшей истории, как наиболее громко заявившая о себе форма оппозиции,—это, главным образом, правозащитное движение. Насколько помнится, термин «демократическое движение» (сокращенно-ДД) был введен в оборот Виктором Красиным как очередная «потемкинская деревня» на потребу западным корреспондентам. Фактически же речь шла о том, чтобы добиться от правительства уважения к существующим уже нормам законности, но отнюдь не о преобразованиях советских государственных институтов в сторону их демократизации. Правозащитное движение не выдвигало политических или социальных требований, не разрабатывало и не предлагало какой бы то ни было программы реформ. Существующий в Советском Союзе режим, при любых его интерпретациях, навряд ли можно признать демократическим. Поэтому действительно «демократическое» движение не может не выдвигать вопроса о его политической реформе.

Конечно, правозащитное движение придерживается таких принципов, как, например, свобода слова или идеологическая терпимость, которые, говоря всерьез, могут быть гарантированы только демократией. Однако опыт показал, что некоторые из достаточно известных деятелей нашего правозащитного движения вовсе не так уж сильно симпатизируют демократии. Монархисты, например, (а, ведь, есть среди нас и монархисты) тоже нуждаются в современных советских условиях в правовых гарантиях, в свободе слова, хотя бы и для самих себя, в более цивилизованной процедуре судопроизводства.

Терминологическая путаница, которую я считаю прямым последствием нашей политической неопытности и поразительной нашей беззаботности в области принципов и идей, явилась и остается до сих пор серьезным тормозом для развития именно ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО движения. С одной стороны, оно вроде бы существует, но с другой—не существует вовсе.

Демократическое движение должно конституционализироваться, вобрав в себя и развив дальше те демократические тенденции, которые содержатся в правозащитном движении,

открыто отделившись от других тенденций, которые содержатся там же. Сточки зрения истории, правозащитное движение, как мы его знаем, соответствовало тому рудиментарному этапу, когда достаточно было высказать свое критическое отношение к советскому режиму, в чем бы оно ни состояло, и потребовать своего права на это. Но теперь, по-моему, наступило время, когда уже недостаточно объединяться на негативной почве, на том, против чего мы можем выступать все вместе. Надо отдать серьезный отчет в своих ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ целях. Демократическое движение должно стать СЛЕДУЮЩИМ ЭТАПОМ развития правозащитного движения.

Отделение от других, не-демократических тенденций не предполагает тотальной вражды к ним. У демократов есть с ними общие цели; известную часть пути—пока что исторически достаточно долгую—нам идти с ними вместе. Но следует постоянно подчеркивать, в чем мы вместе, а в чем—не вместе, никогда не допуская уступок в принципах. Первый шаг в политике, которой у нас пока что нет, — умение анализировать общественные тенденции, взвешивать соотношение сил между ними и заключать максимально соответствующие НАШИМ целям компромиссы.

С этой точки зрения, надо признать также, что и среди демократически настроенных людей есть разные тенденции, которые я бы назвал условно либерально-демократической, социал-демократической и еврокоммунистической. Надо предоставить возможность свободного развития каждой из них. Демократическая государственная структура немыслима без наличия нескольких партий, которые отражали бы разные полосы политического спектра. Поэтому, если мы хотим быть демократами и добиваться демократизации советского государства, мы должны стимулировать консолидацию разных партий и способствовать здоровой конкуренции между ними.

Сейчас нам, по-моему, больше всего нужна разработка демократической теории применительно к конкретным современным советским условиям, а затем — возможно более широкая и интенсивная пропаганда этой теории в СССР. Что же касается тактических форм работы, то, по-моему, от принципиальной гласности действий правозащитников в прошлом надо перейти к сочетанию открытых и скрытых действий, не рассчитанных на немедленную и постоянную гласность. К

этому, насколько можно судить на расстоянии, в Советском Союзе уже пришли.

ВОПРОС 3. Здесь мне тоже хотелось бы высказать одно общее соображение.

До сих пор — скорее инстинктивно, чем вполне сознательно и ответственно — получалось так, что «диссидентами» признавались лишь те, кто оказывался вне существующей структуры советского общества. Например, уважение оказывалось лишь тем писателям, которые публикуются в самиздате или за границей, но не в советской подцензурной прессе. Пока человек так или иначе живет и трудится применительно к условиям советского общества, его склонны считать потенциальным или даже явным коллаборантом.

Такой взгляд на вещи, конечно, утешителен для «диссидентов», когда они попадают в затруднительное положение. И он особенно приятен для эмигрантов, давая им повод думать, будто, уехав, они сложили с себя ответственность и вину за то, что делается в стране. Но он совершенно не продуктивен, если ставится вопрос о конструктивных демократических реформах.

В диссидентской позиции до сих пор содержалось вопиющее противоречие. С одной стороны, отвергаются — и, по-моему, совершенно правильно — насильственные методы преобразования общества; с другой стороны, ни один слой этого общества не признается способным к конструктивным преобразованиям или даже активно заинтересованным в них. Речь обычно идет о протесте и героизме одиночек, но не групп, слоев и классов советского общества. Одного этого достаточно, чтобы вызвать в обществе политический паралич. (А действует, конечно, не только это).

а). Необходимо отказаться от тотального отрицания того, что делает интеллигенция. Надо признать тот факт — а это, по моему, факт, — что многим интеллигентам удается все-таки делать нечто доброе и конструктивное, оставаясь внутри советской структуры, а хотелось бы им делать еще больше. Надо перестать огульно забрасывать этих людей грязью в заграничных листках, возбуждая в них вражду и развивая в них комплекс бессилия. Не только отдельные писатели, художники и ученые, но и врачи, и учителя, и агрономы, и инженеры, и администраторы — по крайней мере, какая-то часть из них — недовольны существующими условиями, при которых они оказываются в

разладе со своей профессиональной совестью. Демократическое движение должно ставить вопросы о повышении социального статуса интеллигенции, об улучшении условий ее жизни и работы, выступать в защиту интересов интеллигенции. В интеллигенции должно найти демократическое движение свою политическую базу и опору.

б). Надо, по-моему, честно признать, что правозащитное движение, несмотря на некоторые и достаточно робкие попытки, до рабочих не дошло. Это и понятно. Демократия может увлечь за собою рабочих только при условии, что она становится СОЦИАЛЬНОЙ демократией. Даже в капиталистических демократиях Запада, когда рабочие добились всеобщего избирательного права, под влиянием их голосов и в соответствии с их интересами начались глубокие социальные реформы, гарантировавшие свободу профсоюзов, право на забастовки, на социальное страхование по болезни и старости и т. д. Эти реформы привели в конечном счете к созданию общества «всеобщего благосостояния». Советские рабочие, хотя они и были грубо обмануты коммунистическими демагогами, не составляют, по-моему, исключения. Как бы ни были они политически неразвиты и апатичны (на рубеже XIX-XX веков русские рабочие были не более развиты, чем сейчас), они не пойдут за деятелями, которые ненавидят социальные реформы как таковые и ретроградно мечтают о переделке советской системы не то по модели Адама Смита, не то по модели Столыпина. Надо добиваться передачи предприятий не в руки частных собственников, — которых, ведь, нет, — а под контроль самих трудящихся; надо ставить вопрос не о ликвидации, например, бесплатной медицинской помощи или общественного образования, а об их решительном усовершенствовании и об отмене существующего в этих областях неравенства; надо разъяснять, что глубокий и необратимый экономический кризис советской системы, который выражается сейчас особенно остро и наглядно в неспособности государства обеспечить трудящихся необходимыми для нормального существования продуктами, вызван не тем, что экономика обобществлена, а тем, что управляют ею бюрократически, но не демократически.

в). Национальные движения в республиках, говоря теоретически, являются серьезным резервом демократического движения. Антидемократизм советского режима в значительной мере

обусловлен его великодержавными и империалистическими устремлениями; свобода национального развития возможна лишь при последовательном проведении демократического принципа права наций на самоопределение вплоть до отделения.

Но, чтобы реализовать этот резерв полностью, демократическое движение должно научиться поддерживать не только те национальные элементы, которые сами попадают в «диссиденты», но и те, которые отстаивают свою самобытность в рамках существующих советских структур. Правозащитное движение нашло себе союзника, например, в крымских татарах, но только потому, что в данном случае национальное угнетение было доведено до геноцида. По-моему, бесспорно, что в республиках Средней Азии или Закавказья имеются серьезные силы, которые добиваются довольно-таки многого и путем давления на центральную власть в Москве, и путем хитрости. Тем не менее, если ставить вопрос о реформистском развитии советского общества в сторону демократии, можно найти опору и в них.

г). Свобода религиозной совести—одно из органических требований демократии. В этом смысле демократия не имеет ничего общего с атеизмом. Но наши серьезные расхождения с движением за «религиозное возрождение» начинаются тогда, когда это последнее покушается на демократический принцип отделения церкви от государства. Свобода религии должна быть осуществлена по образцу Америки, а не Ирана.

В заключение своего ответа на данный вопрос, я хотел бы подчеркнуть, что демократия, в отличие от авторитаризма, по самой своей природе должна искать для себя опоры не в отдельных меньшинствах, а в большинстве населения. Поэтому, если мы считаем себя демократами, мы обязаны взять на себя большой труд, чтобы понять положение и интересы различных групп советского населения с тем, чтобы привлечь их на свою сторону. Только после такой—сначала теоретической, а затем и практической—работы, демократия имеет шансы выступить как представительница синтетических интересов всего советского общества.

ВОПРОС 4. Изложенное выше, отчасти — результат моих размышлений над польскими событиями. Польский опыт для нас

неоценим. Он давал и продолжает давать нам образец демократической тактики и стратегии в условиях коммунистического тоталитарного режима. Но то же самое нужно сказать не только об опыте Польши, которая отстаивает демократию почти непрерывно с 56-го года, но и о других странах Восточной Европы, — особенно Венгрии и Чехословакии. Эти страны более развиты политически по сравнению с нами, имеют более глубокие демократические традиции. В Польше, в частности, события августа 80-го года не были стихийными. Они были подготовлены и продуманы заранее активистами КОРа, которые сумели своевременно перейти от правозащитной деятельности к более широкому политическому плану.

По-моему, не стоит ставить на одну доску события августа-80-го года и декабря 81-го года. В польском августе был сделан решительный шаг по пути к социальной демократии; в декабре мы наблюдаем всего лишь одну попытку обанкротившейся власти воспрепятствовать свободному волеизъявлению польского народа. Не следует повторять ошибку кое-кого из наших диссидентов, которые восприняли август 68-го года как бесспорное доказательство неосуществимости «социализма с человеческим лицом». На самом же деле тогда было доказано всего лишь превосходство военной мощи советских интервентов по сравнению с силами маленького народа. Если отвергать возможность «социализма с человеческим лицом», то автоматически отвергается и возможность какого-либо позитивного выхода из сложившейся в СССР социально-исторической ситуации. Куда же тогда поворачивать — к капитализму или к остаточному крепостничеству царского времени? Вопрос о «социализме с человеческим лицом» — это не вопрос идеологии, но — практики. Демократически реформированная советская система и была бы «социализмом с человеческим лицом». А пока что за отвлеченными спорами о «социализме» мы проглядели доскональный план демократических преобразований, уже разработанный чехословацкими реформаторами, не обнаружили даже любопытства узнать о нем подробнее.

Восточная Европа — это самое слабое звено той цепи, в которую закованы народы советской империи. Там — эпицентр политического кризиса; там — наиболее богатые потенции демократического развития. Поэтому демократическая оппозиция в СССР должна налаживать не только идейные, но и

организационно-политические контакты с оппозициями в странах Восточной Европы, выработать в перспективе предпосылки для единства действий с ними.

В этой связи я считаю нужным подчеркнуть значение журнала «Проблемы Восточной Европы», который издается на русском языке и в котором я участвую. Думаю, что в нем содержится начинание, которое заслуживает всяческой поддержки со стороны нашего демократического движения.

ВОПРОС 5. Я верю, что, вопреки жестоким репрессиям, эта борьба не прекратится. Однажды научившись говорить вслух о своих правах, люди от этого уже не откажутся. Времена, когда жертвы репрессий оставались безвестны и безгласны, миновали и навряд ли вернуться.

Но, по-моему, мы теперь не можем уже довольствоваться тем, что правозащитное движение просто сохраняется. Надо, чтобы оно развилось и программно, и тактически. Будущее, как и всегда в истории, зависит от людей, которые берут на себя труд участия в историческом творчестве.

Права человека обычно делят на гражданские и политические. До сих пор мы защищали, почти исключительно, гражданские права. Но, как известно из опыта западных демократий, гражданские права могут быть действительно гарантированы только при условии, что народ обладает политическими правами, — прежде всего, правом голосовать, избирать и контролировать путем выборов свое правительство. Это задача для СССР — не близкая, но нет оснований полагать, будто она исторически неразрешима. Фактически, мы еще не пробовали.

ВОПРОС 6.

а). Прежде всего, не мешать ему. К стыду нашему, наша эмиграция в целом, взяв под свой контроль заграничные издания на русском языке, наводит цензуру, не допуская до публикации именно демократические произведения, создаваемые внутри страны. С другой стороны, то, что публикуется в эмигрантских изданиях, по большей части, пропитано ненавистью к демократии. В нашей эмиграции за предшествующие годы возобладали силы, которые — сознательно или по глупости — лишают демократическую оппозицию в Советском Союзе поддержки со стороны демократов Запада, противопоставляют себя демократическим эмиграциям из стран Восточной Европы. В политике нет ничего хуже изоляции. Но именно на изоляцию

обрекают наши эмигранты демократическое движение.

б). Диссиденты за границей, если им дороги идеалы демократии, должны четко отмежеваться от той тенденции, о которой я сказал только что. В противоположность наметившейся пагубной тенденции, они должны взять на себя роль посредников между демократическими силами внутри страны и вне ее.

в). Может быть, важнейшей работой на ближайшее время должна стать для нас учеба, политическое самовоспитание и пропаганда демократических принципов среди советского населения. Нужно не только читать, но и переводить на русский язык классические книги и документы, в которых запечатлен западный демократический опыт. Нужно возможно полнее использовать в целях пропаганды демократии радиостанцию «Свобода».

г). Следует никогда не забывать о скромности своей роли. Не столько мы нужны демократическим силам внутри страны, сколько они — нам. Потеряв живой контакт с ними, мы неизбежно выйдем в осадок, как это уже не раз случалось с политическими эмиграциями.

21 сентября 1982 г.

От редакции: Дискуссию о положении в демократическом движении, его трудностях и перспективах, мы намерены продолжить в следующих номерах. Правозащитников желающих принять участие в дискуссии, просим присылать свои ответы на вопросы журнала.

ВСТРЕЧА С ПРЕЗИДЕНТОМ США

В начале апреля мне позвонил советник Президента Ричард Пайпс и сообщил, что Президент приглашает к себе на ланч группу инакомыслящих из СССР и я в числе приглашенных. Этой честью я обязана тому, что была среди основателей Московской хельсинской группы, а эмигрировав стала ее зарубежным представителем. «Запишите себе, — сказал Пайпс, — ланч состоится 2 мая в 12 часов». Я не выполнила совета записать дату — я не боялась ни забыть, ни перепутать ее (тем более что дня через три пришло и официальное приглашение — изящная карточка, выполненная каллиграфическим почерком в старомодном стиле).

Одновременно такое же приглашение получили:

Петро Григоренко — зарубежный представитель Украинской хельсинской группы;

Георгий Винс — зарубежный представитель независимой церкви евангельских христиан-баптистов, самой преследуемой из церквей (из 300 находящихся в лагерях «за веру» половину составляют баптисты);

Валерий Чалидзе — главный редактор издательства «Хроника», представляющий за рубежом «Хронику текущих событий» — информационный бюллетень правозащитного движения, выходящий с 1968 г.;

Айше Сеитмуратова — зарубежный представитель крымскотатарского народа;

Андрей Синявский — русский писатель, он был из первых, решившихся печататься на Западе (под псевдонимом Абрам Терц);

Павел Литвинов — один из зачинателей правозащитного движения, участник демонстрации протеста против советской оккупации Чехословакии.

Позже, за несколько дней до ланча получил приглашение Марк Азбель — активист еврейского движения, вместе с Воронелем основавший неофициальный семинар физиков в Москве, сейчас — профессор Иерусалимского университета.

Мы знали, что на этот ланч приглашен Александр Солженицын, но было неизвестно, принял ли он приглашение —

по этому поводу ходили разные толки.

Чем ближе подходил день ланча, тем больше росло нервное напряжение. Из-за того, что моя жизнь в Америке заполнена интенсивной работой, живу я очень уединенно, мало с кем вижу, английский мой беден и я не усвоила до сих пор даже элементарных правил здешнего общения. Например, что полагается отвечать на «How are You»? Достаточно буркнуть «fine» или надо добавить «Thank You», или полагается задать тот же вопрос? Из-за неясности этого обстоятельства я всегда стараюсь опередить встреченного американца своим «How are You?» — и пусть он выпутывается из положения. К тому же, увы, прежде иметь ланчи с президентами мне не случалось, и как они проходят, было мне неизвестно.

Ничуть не меньшее смятение испытывала я при мысли, что на ланче будет Солженицын. Я никогда его прежде не видела, только по телевизору во время выступления в Гарварде, так что личного отношения у меня к нему нет. Отношение же к нему как писателю в течение многих лет можно назвать восторженным почитанием автора тех произведений, которые и принесли ему мировую славу. Однако восторг сменился настороженностью после солженицынского «Письма вождям Советского Союза» (1974 г.) и перешел в решительное неприятие его политических статей, написанных в изгнании. Из выступлений Солженицына очевидно, что людей, отвергающих его нынешние концепции, он воспринимает как врагов. Я представляла себе, как усилится с его присутствием напряжение, неизбежное в непривычной обстановке Белого Дома.

Только накануне ланча, уже в Вашингтоне, я узнала, что Солженицын отказался от приглашения. Тогда же стало известно, что на ланче, кроме Р. Пайпса и Р. Кларка, будут присутствовать Государственный секретарь Александр Хейг и главные советники Президента — Бэйкер, Тайсон и Мак Фарланд.

Г-н Пайпс просил приглашенных собраться за час до начала ланча у него в кабинете. Я явилась точно в назначенное время, назвала свое имя офицеру, дежурившему в холле Old Executive Building и стала ждать секретаря, который должен был провести меня внутрь здания. В это время появился Марк Азбель. Мы были знакомы в те времена, когда я не была правозащитницей, а он не был еврейским активистом, потому что ни правозащитного, ни

еврейского движения еще не существовало. Марк не очень изменился, хотя с тех пор прошло без малого 20 лет. И тем не менее меня потряс его вид: он был в клетчатой ковбеечке, какой-то выцветшей голубенькой курточке и в джинсах! Я тут же успокоила себя тем, что, может быть, Марк лучше знает, как следует одеваться на ланч в Белый Дом. Однако и Пайпса смутила маркова ковбеечка, хотя не очень: он вышел из положения, предложив Марку свой запасной галстук, сыскавшийся в офисе. Гораздо большее впечатление, чем одяние Марка, произвела на Пайпса моя, как мне казалось, невинная шутка. В 11.30, когда прибыл Чалидзе, все оказались в сборе, кроме Павла Литвинова. «Ну из 8 наших хоть один-то должен опоздать», — сказала я по этому поводу, и Пайпс спросил с нескрываемым ужасом: «Вы думаете, он не придет к 12?».

Павел примчался минут через пятнадцать. И Пайпс тут же повел нас по внутренней галерее в Белый Дом. Мы шли какими-то коридорами, узкими лестничками. Мимо сновали люди с занятым видом, иногда попадались вохровцы в форме, имитирующей военные мундиры прошлого столетия. Все выглядело не казенно, но и не по-домашнему. Не то солидная старомодная гостиница, не то музей «Дом помещика XIX века».

Нас привели в большую комнату, кажется, совершенно пустую, но устланную ковром в розовых тонах и с картинами на стенах. Стоявший у дверей вохровец — тоже в карнавальном костюме — сказал нам по-русски: «Здравствуйте», чем очень поразил Айше. Одна дверь вела в парадную столовую для больших приемов, другая — в Old family dining-room, где был накрыт стол для нашего ланча.

Появились служители с подносами (предложили бокалы с напитками) и еще несколько человек — переводчики. Сразу же вслед за ними вошел невысокий мужчина в темносером костюме — я узнала Александра Хейга. Он подошел по очереди ко всем присутствующим, г-н Пайпс представлял нас. Пожимая руку, Хейг каждому задавал какой-нибудь малозначащий вопрос. У меня спросил: «Где Вы живете сейчас?» — «В Территауне». — «А, я знаю это место — это недалеко от Вест-Пойнта». Ему представили Григоренко, бывшего советского генерала, и служаки стали хлопать друг друга по плечу. Кто-то из наших шепнул мне: «Правда, Хейг похож на Буковского?» Действительно, не в лице, но в манере очень большое сходство. (Первое

впечатление от внешности Хейга, когда я несколько лет назад увидела его по телевизору, было: какое русское лицо).

Ровно в 12 нас пригласили в столовую — она тоже имела отельно-музейный вид: полированная мебель — серванты, стол овальной формы, картины, люстра. Чисто, красиво, солидно, но не роскошно.

Около тарелок (тот самый сервиз, покупка которого, судя по волнению на этот счет в прессе, стала основной причиной большого дефицита в нынешнем государственном бюджете) стояли карточки с именами. Моя была рядом с Президентом, слева от него. Его место было не во главе стола, а посередине длинной стороны. Переводчики тихо предупредили, что садиться можно, когда сядет Президент.

Он вошел сразу вслед за нами вместе с другими участниками ланча, и все стали рассаживаться. Президент попросил пастора Винса прочесть молитву. Все поднялись. Президент уже положил салфетку на колени, но узнав, что русские во время молитвы стоят, он вскочил с салфеткой в руке.

«Всемогущий Бог, — начал пастор Винс, — благодарю Тебя за то, что Ты позволил нам собраться для беседы с Президентом Рейганом в этом доме американского народа — Белом Доме. Ты знаешь, как сегодня много людей страдает на нашей родине за Истину, и наши сердца — вместе с ними. И в этот час посети их, Господи, невинно томящихся в тюрьмах, лагерях и психбольницах. Прошу Тебя, Господи, за всех узников совести — православных, баптистов, пятидесятников, адвентистов, лютеран, католиков, иудеев и мусульман. Не оставь сиротами их детей, посети страдающих вместе с ними их жен, отцов и матерей.

Великий Господи, пошли свободу для проповеди Евангелия в Советском Союзе, пошли свободу выезда для тех, кто стремится выехать на свою историческую родину, помоги всем, кто ищет Истину и защищает ее.

Великий Бог, я верю в Твое всемогущество и Твою премудрость, в Твою любовь и Твое милосердие, и я верю, что Ты вступишься за гонимых. Ты любишь Америку, но Ты любишь и Россию. Благослови, Господи, Твоим обильным духовным благословением американский народ, русских, украинцев, народы Прибалтики, татарский народ и все другие народы

Советского Союза. Прими благодарность, Отец Небесный, за гостеприимство американского народа, давшего нам, изгнанникам, приют на своей земле. Боже, пошли духовное пробуждение народам всего мира, чтобы люди искренне любили Тебя, дорожили Твоей святой книгой Библией, ценили свободу. Милостивый Господь, благослови эту трапезу в этом гостеприимном доме, а также благослови и руки, приготовившие и подавшие ее нам. Все сие мы просим во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Да будет Тебе, Отец наш Небесный, вечная слава и поклонение. Аминь».

Все снова уселись. Г-н Пайпс представил по очереди всех нас — who is who. Я искоса разглядывала своего соседа. В отличие от Хейга, который был совершенно таким же, как перед телевизором, Президент показался мне иным: во-первых, он выглядел старше и казался очень усталым, во-вторых, манера была иной. Он был у себя дома, и не было отработанных жестов, свойственных ему при публичных выступлениях. Возможно, эта естественная, домашняя манера оказала такое действие, но напряжение, которое каждый раз охватывало меня при мысли об этом ланче, исчезло где-то в самом его начале. И другие, я видела это, тоже почувствовали себя непринужденно.

Президент поблагодарил нас за честь, оказанную ему этим посещением. Он сказал, что с восхищением следит за людьми, которые отстаивают права и достоинство человеческой личности в советских условиях. И еще сказал, что хотел бы прежде всего послушать своих гостей.

Речей не было, был общий застольный разговор. Переводчики тихо журчали каждый в ухо своему подопечному, так что беседа почти не прерывалась ради перевода, хотя, за исключением Чалидзе и Азбеля, все приглашенные говорили по-русски. Никто из советников Президента в течение ланча не проронил ни слова. Только г-н Пайпс говорил: он слегка дирижировал происходящим и, кроме того, переводил Григоренко, рядом с которым сел.

Пастор Винс подарил Президенту Евангелие величиной со спичечный коробок — такие выпускает подпольное баптистское издательство «Христианин» специально для заключенных, которым запрещают иметь священные книги. Винс очень трогательно говорил о людях, осужденных за веру. Мне

понравилось, что он вспомнил не только о членах своей церкви, но, как и в молитве, обо всех: о «христианах и людях других вероисповеданий». Винс просил использовать все возможности, чтобы помочь двум из них: православному священнику Глебу Якунину, который печаловался за всех, и баптистскому пастору Якову Скорнякову, больному раком.

Григоренко рассказал о репрессиях на Украине; недавно было несколько смертных приговоров бывшим партизанам Украинской повстанческой армии, действовавшей во время войны и против фашистских войск, и против советских. И еще сказал об украинцах, прежде отбывших огромные сроки заключения за участие в национальном движении, и сейчас вновь судимых за то же самое, так что они стали вечными узниками.

Азбель напомнил о нынешнем трагическом положении евреев-отказников из-за почти полного прекращения выезда. Он утверждал, что если выезд не будет возобновлен, это приведет к гибели советских евреев как народа.

Айше Сеитмуратова очень экспансивно рассказала о высылке крымских татар из Крыма в мае 1944 года — она пережила это 6-летней девочкой и до сих пор помнит запломбированные телячьи вагоны, где живые соседствовали с мертвыми. Я видела, что ее рассказ произвел сильное впечатление на Президента.

Валерий Чалидзе объяснил природу правозащитного движения в СССР: правозащитники отстаивают права человека, исходя из той же ценности, которая дорога людям свободного мира, — ответственность каждого за свою жизнь и свободу.

Президент ответил, что поддержка этих идеалов — его постоянная забота, но он больше верит в эффективность тихой дипломатии, чем открытых протестов, и именно с этой точки зрения он критиковал политику своих предшественников в области прав человека.

Чалидзе заметил, что тактикой Киссинджера была тихая дипломатия в защиту прав человека со стороны правительства в сочетании с их открытой поддержкой со стороны Конгресса (например, в виде поправки Джексона). В переговорах с Советским Союзом указывалось на позицию Конгресса, с которой приходилось считаться и госдепартаменту, и советским партнерам США.

Президент даже повернулся к говорившему всем телом: «Именно это и я имею в виду». В своей реплике Валерий Чалидзе упомянул о Сахарове. В ответ Президент рассказал, что год назад, когда он лежал в госпитале, он написал Брежневу письмо — от руки, подчеркивая этим его личный характер. «Я писал ему не как президент президенту, а как человек человеку, не о проблемах, а о людях, в частности о Сахарове». В ответ он получил машинописный текст, который заставил его усомниться, что послание дошло до Брежнева: там значилось, что СССР всегда боролся за мир и будет бороться за мир.

Я сказала по этому поводу, что если Президент США не получает ответа по существу, то каково же положение рядовых советских граждан. Правозащитники много лет пытались идти на диалог с властями, но единственной возможностью быть услышанными оказались апелляции через Запад, это и подтолкнуло к созданию Хельсинкских групп. Невозможность коммуникаций не только со своими властями, но и со своими согражданами придает особую важность радиовещанию из свободного мира на Советский Союз: документы о нарушениях прав граждан в СССР Московская хельсинкская группа направляла не только на Запад, но и в канцелярию Брежнева, но о них никто бы не узнал без помощи Запада. От своих властей мы ни разу не получили ответа, если не считать ответом репрессии.

Президент спросил, что за человек Брежнев. Ему предстоит встреча с ним, но он видел его лишь однажды, во время приезда Брежнева в США 10 лет назад, когда был губернатором в Калифорнии. Он не знает, можно ли полагаться на какие-то человеческие чувства Брежнева.

Чалидзе ответил на это, что после покушения на Президента, когда мы все ждали с надеждой его выздоровления, у советских правителей были совсем иные надежды.

Григоренко, который встречался с Брежневым во время войны (они были на одном фронте) сказал, что тот — службист, никогда ничего не сделает по собственной инициативе, только то, что прикажут «сверху». «Но кто же у него сверху сейчас? — спросил кто-то. — Разве что Господь Бог». — «Тогда верх был», ответил генерал.

Пока шли эти разговоры, нас обносили блюдами. Ритуал таков: сначала подходят к Президенту, а потом — по кругу. Если служитель входил с блюдом в то время, когда Президент

говорил, он не ждал, пока тот закончит фразу — Президенту приходилось замолкать, пока он брал с блюда. Так обнесли сначала телячьими отбивными с итальянской лапшой; затем отдельно — капуста брокколи. На сладкое был торт-мороженое, красиво сделанный внутри дыни с узорно вырезанными краями, и затем — кофе. Все вкусно, хорошо приготовлено, но ничего такого, чего не мог бы позволить себе на ланч средний американец — никакой икры, потрясшей Билли Грэма в нашем полуголом отечестве.

Как ныне почти неизбежно при русском застолье, были за этим ланчем и анекдоты. Не помню, кто начал, но и Президент захотел поддержать этот обычай, и попытался рассказать анекдот, что, мол, в СССР тоже демократия не хуже чем в Америке: у Белого Дома можно крикнуть «долой американского президента» и ничего не будет, и у Кремля можно крикнуть «долой американского президента» — и тоже ничего не будет. Но досказать он не успел — все рассмеялись на середине. «Вы знаете этот анекдот», — сказал он огорченно. Но кто же в СССР его не знает? По-моему, я его помню с детства.

Ланч планировался на полтора часа, и ровно в 1. 30 примчался какой-то чиновник и тронул Президента за плечо: пора, мол, в другое место. Но он сказал, что еще должен сделать заявление. Он поднялся из-за стола, встал за какое-то приспособление вроде нотного пюпитра, украшенное президентским гербом, достал из кармана бумажку (впервые за весь ланч этот жест был телевизионным) и прочел заготовленный текст. Я запомнила его очень хорошо, во-первых, потому, что слушала внимательно, и, во-вторых, потому, что каждую фразу слышала дважды: сначала по-английски — от Президента, и тут же по-русски — от переводчика.

Президент сказал, что мы являемся первой группой борцов за свободу и права человека из Советского Союза, принимаемой в Белом Доме, и он очень рад нашему визиту.

«Но есть что-то более важное в этом визите, — продолжал Рональд Рейган. — Вы происходите из различных мест и принадлежите к различным религиям и национальностям, но все Вы объединены столь же сильным, сколь и редким свойством: Вы живете ради Истины, Вы боретесь за Истину и Вы доказали готовность рисковать своей жизнью ради нее. Внешне всемогу-

шее советское государство приходит в ужас от Ваших смелых слов и мужественных действий. Жертвы, которые Вы принесли, восстанавливают вашу национальную честь.

Вы продемонстрировали, что русские и другие национальные группы в Советском Союзе верят в те же идеалы, что и мы, а действия советского правительства вовсе не представляют настоящие чувства и чаяния народов этой страны».

Президент выразил сожаление, что за этим столом нет Андрея Сахарова, Анатолия Щаранского, Юрия Орлова и всех тех, кто лишен свободы «за преступление, которое выразалось в жажде свободы для своего народа».

Рейган сказал, что не желает, чтобы они покинули свою родину, но лишь надеется — когда-нибудь наступит день, и эти люди проснутся с сознанием, что нет больше преследований, нет больше страданий, выпавших на их долю только за то, что они любят Истину, стремятся к Добру, верят в Бога. И здесь Президент напомнил слова Александра Герцена, который говорил, что уклоняться от слова в защиту преследуемого так же плохо, как и совершить преступление. Он пообещал, что Соединенные Штаты будут решительно защищать общие для нас ценности.

Президент заявил: «Коммунисты бахвалятся, что они способны подавить демократические свободы. Хорошо, мы ответим им: Вы можете лишить свободы ваших граждан, вы можете закрыть их школы, вы можете изымать их книги, вы можете преследовать их священнослужителей, вы можете громить их профсоюзы, но вы никогда не сможете сокрушить любовь к Богу и свободе, которая горит в их сердцах, — они одержат над вами победу».

Андрей Сахаров, лишенный свободы, но не сломленный, сказал Западу, что в СССР все осталось ныне так, как это было при системе власти и экономики, созданной Сталиным. Но он добавил, что считает Соединенные Штаты Америки исторически детерминированным лидером движения к плюралистическому и свободному обществу — движения, столь важного для человечества. Американцы должны ответить на этот призыв. Мы должны помнить, что наша свобода была завоевана не без помощи других, что люди, которые отворачиваются от своих друзей, часто теряют самое ценное для самих себя и что каждое новое поколение должно бороться за новый уровень свободы.

В заключение Президент Рейган поблагодарил нас за то, что мы пришли, что напомнили американцам об их ценностях, о том, за что они стоят и что нам вместе надлежит сделать.

Последние слова Президента были: «Да благословит Вас Господь!»

Закончив читать, он выскочил чуть не бегом — на следующее мероприятие, куда опоздал по крайней мере на 10 минут.

Г-н Пайпс повел нас обратно теми же коридорами и лестницами. Когда мы проходили мимо офиса Президента, он спросил у охранявшего входную дверь, не там ли Президент. Так как там его не было, г-н Пайпс смог показать нам эту часть дома, куда экскурсантов не пускают. За дверью оказался комплекс из трех комнат: приемная (the Oval Office) с белым камином, которую часто показывают по телевизору — здесь Президент принимает государственных деятелей других стран; дверь налево ведет в Roosevelt's room, где происходят совещания Президента с его советниками, дверь направо — в кабинет, большой и светлый. На наружной овальной формы стене — окна от пола до потолка, и выходят они в розовый сад (но роз там — нет!). От этих комнат такое же впечатление, что и от всего Белого Дома: чисто, добротнo, красиво, но не роскошно. И это оставило такое же приятное впечатление, как домашняя манера общения нынешнего хозяина Белого Дома.

Когда мы вышли наружу, там стояла толпа корреспондентов с телевизионными камерами и магнитофонами. Павел и Валерий им что-то говорили, я почти не слушала. Рядом со счастливой улыбкой стоял Пайпс. Он был явно доволен этим ланчем, а может быть, тем, что он уже позади. В руке у советника Президента был синий галстук в полоску — Азбель, едва покинув Белый Дом, избавился от этой непривычной части туалета.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

Егор Давыдов

ОБЫЧНИЙ УГОЛОВНЫЙ ЛАГЕРЬ 70-Х ГОДОВ

Мужской лагерь общего режима ЯЦ-34/2 во многих отношениях типичен для нынешнего времени. Отмечу лишь две его особенности. Лагерные режимы, за исключением особого, отличаются друг от друга, прежде всего, количеством денег, которое заключенный может ежемесячно тратить в лагерьном ларьке, количеством свиданий, на которое он имеет право, а также количеством писем, которое он ежемесячно может отправлять через лагерную цензуру. Указанные различия следует иметь в виду, помятуя, что описываемый лагерь является лагерем самого легкого — общего режима. Кроме того, численность заключенных этого лагеря раза в три выше численности заключенных, приходящейся в среднем на лагерь.

Почтовый адрес лагеря: 625014, Тюменская обл., г.Тюмень, учреждение ЯЦ-34/2. Лагерь находится в северных предместьях Тюмени в 3-5 км от города или в 8-10 км от городского вокзала. Лагерь возник примерно в 1966 году. Со слов замполита этого лагеря известно, что в первое время заключенные жили в палатках, позднее построили одноэтажные бараки, а затем на месте этих бараков выстроили двухэтажные кирпичные корпуса. В 1976 году кое-где стали надстраивать третьи этажи.

В 1966 году в лагере было около 600 заключенных, в 1974 году число их выросло до 3000, а в 1977 году количество заключенных превысило 4000 человек.

Приводимые ниже сведения относятся в основном к середине 70-х годов.

Количество заключенных в лагере — число непостоянное. Ежегодно весной (апрель-май) 600-700 заключенных переводят на «химию». Осенью более половины из них возвращают

обратно в лагерь. К тому же осенью и зимой лагерь пополняется новыми заключенными за счет больших этапов, поступающих из следственных тюрем.

Заклученные лагеря разбиты на отряды. В каждом отряде от 50 до 200 (иногда более) человек. Отряды имеют буквенную индексацию. В 1974 году в лагере было 17 отрядов, а в 1977 году их стало уже 23 (или 24). Отряды в свою очередь разбиты на производственные бригады. В каждом отряде 2-3 бригады. Они имеют цифровую индексацию.

Примерный состав заключенных. Около 70% осуждены за кражи и хищения; около 20% — за хулиганство; менее 1% — по религиозным мотивам и около 9% — за прочие преступления: растрата, мошенничество, изнасилование и др.

В лагере существуют такие неформальные группы заключенных.

1. «Работяги» или «пахари». Они составляют около 60% всех заключенных.

2. Привилегированные заключенные (или «придурки») — около 15%.

3. «Воры» или «блатные» (не работают) — около 10%.

4. «Бичи» или «холуи» (низшая каста) — около 10%

5. «Педерасты» (самая низшая каста) — около 5%.

Характеристика и отношения между неформальными группами заключенных:

«Работяги» ненавидят привилегированных, но подчиняются им; ненавидят «блатных», но боятся их; жалеют «бичей», но тоже эксплуатируют их; «педерастов» считают за отбросы человеческого общества, ограждаются от них, но не издеваются над ними.

«Привилегированные», занимая руководящие должности, нередко готовы на подлость и жестоки по отношению к другим заключенным; подхалимничают перед более влиятельными заключенными и перед любым начальником. Угодная начальству во всем, добиваются досрочного освобождения. Про них справедливо говорят: «Идут по костям на волю». Больше всего боятся попасть в немилость к начальству, которое их тогда жестоко карает: снимает с должности, сажает в ПКТ и оставляет на произвол разъяренных заключенных. К «работягам» они

относятся с высокомерной строгостью, но стараются избегать открытых конфликтов; «блатных-воров» — не трогают, делая им всякие поблажки; «бичей-холуев» жестоко эксплуатируют, заставляя работать на самых тяжелых работах в промзоне и в нарядах по жилой зоне; «педерастов» не считают за людей, пинают ногами и бьют, заставляя выполнять самые грязные и унижительные работы.

«Воры-блатные» держатся на зоне обособленно; редко питаются в столовой; чисто одеваются и выглядят лучше «работяг»; часто попадают в ПКТ и ШИЗО на большие сроки; всячески поддерживают друг друга. На работу выходят, но не работают. «Работяг» не трогают; «бичей» эксплуатируют, заставляя работать за себя; «привилегированных» ненавидят, но сами конфликты не провоцируют; «педерастов» ненавидят и жестоко издеваются над ними; к «политическим» проявляют дружелюбие и интерес.

«Бичи-холуи» — до крайности обездоленные «работяги», которые по слабости характера, трусости, недоразвитости или из-за неумения сориентироваться в новой, жестокой обстановке легко поддаются под жестокий гнет окружающих преступных элементов. Они работают больше всех и меньше всех получают, но боятся жаловаться. «Блатные» часто заставляют их работать за себя, а заработок при этом приписывается «блатным». К «педерастам» относятся более терпимо и за это часто сами попадают в эту группу.

«Педерасты» — всеми презируемые, никем не защищаемые заключенные. В столовой они едят отдельно, пользуются отдельной посудой, спят отдельно, работают отдельно, дышат отдельно. Любое покровительство им становится для заступника роковым.

Существование кастовых групп приводит к разобщенности заключенных. Администрация лагеря, заинтересованная в такой разобщенности, всячески поддерживает кастовое деление, искусственно углубляя разрывы между отдельными группами заключенных.

Лагерь, занимающий площадь около 54 га, окаймляет «запретная зона», представляющая собой два ряда сплошных деревянных заборов, усиленных с внешних сторон ограждениями из колючей проволоки и вспаханной земли. По углам запретной зоны установлены караульные вышки. В западной

части запретной зоны находятся двойные ворота шлюзового типа. Справа от ворот расположена центральная вахта с КПП*. Слева от ворот стоит двухэтажное здание «Дома свиданий». Внутри периметра площадь лагеря разделена трехрядным забором на три части. В западной части расположена жилая зона, в восточной — промзона, а в северной — склады и пилорама. Жилая зона соединяется с промзоной воротами, возле которых свои вахтенные постройки с КПП.

Чтобы свести контакты между заключенными из разных отрядов до минимума, каждые два жилых корпуса обнесены двухметровым забором из проволочной сетки. Поверх этого забора бежит метровый венец из колючей проволоки. Общая высота ограждения около 3 метров. Эта минizona официально именуется «локальной зоной», а в лагерном просторечии — просто «локалкой». Отряды размешены в жилых корпусах поэтажно. Каждый этаж жилого корпуса, а, следовательно, и каждый отряд, имеет автономный выход. Нижние этажи имеют выход во двор, образованный двумя параллельно расположенными корпусами; верхние — в противоположную сторону корпуса. При поверках** в жилой зоне каждый отряд выстраивается против своего выхода из корпуса.

Выйти из локальной зоны можно только через специальную проходную, устроенную в сеточном ограждении. Рядом с проходной стоит караульная будка, где дежурит один, а чаще два, члена СВП***. Они впускают или выпускают заключенных из локальной зоны. Караульные будки оборудованы телефонной связью с центральной вахтой. Стоит только поднять телефонную трубку, и на вахте уже знают, откуда поступил сигнал. Немедленно дежурный наряд надзирателей спешит на место тревоги, даже и в том случае, если вызов ложный (т.е. телефонная трубка поднята случайно). Заходить или выходить из локальной зоны заключенные могут только в сопровождении бригадира, культорга или завхоза отряда.

Вообще всякое передвижение заключенных по лагерю: в баню, в парикмахерскую, в столовую, в библиотеку, в клуб на лекцию или в кино, в ларек или на работу, — разрешается только строем в сопровождении указанных выше лиц. Даже в санчасть

* КПП — контрольно-пропускной пункт.

** Поверка — проверка наличного состава заключенных.

*** СВП — секция внутреннего порядка. Одна из форм так

заклученный в одиночку пойти не может. Его должен сопровождать завхоз, бригадир или культорг. При вызове заклученного по какому-либо поводу к администрации лагеря, его сопровождает посыльный. Те заклученные (диспетчеры, бригадиры, контролеры или пожарники), которые в силу специфики их работы должны посещать промзону в первую и во вторую смены, имеют пропуск с фотографией и подписью начальника режима. Пропуск действителен только на данный месяц и на каждый следующий продлевается подписью начальника режима. На бланке пропуска указаны фамилия, имя и отчество заклученного; статьи, по которым он был осужден; срок по приговору суда; его нынешняя лагерная должность, а также время суток, в течение которых предъявитель пропуска имеет право без сопровождающего проходить КПП промзоны. На КПП локальной зоны, где живет обладатель пропуска, и на КПП промзоны висят списки лиц, имеющих такие пропуска. И охранники, прежде чем пропустить заклученного, сверяют поданный им пропуск с этим списком. Заклученные, имеющие пропуска, обязаны утром, в обед и вечером вместе со своей бригадой заходить или выходить из промзоны. Затем без сопровождающего они могут вернуться в промзону для продолжения работы до указанного в пропуске времени.

Барак 12-го отряда не имеет локальной зоны. Однако заклученные, живущие в этом бараке, имеют право самовольно ходить только по территории, прилегающей непосредственно к зданию барака, а также посещать ближайший туалет.

Во время развода на работу (вывод заклученных в промзону), а также во время съема с работы (вывод заклученных в жилзону), проверка производится побригадно и сопровождается обыском заклученных.

Распорядок дня:

6.00	— подъем, физзарядка, заправка постелей и умывание;
6.15-7.30	— завтрак;
7.30-8.00	— развод на работу, проверка;
8.00-12.00	— работа;

называемых «самодеятельных организаций» заклученных, созданных в порядке ст.ст. 45 и 46 ИТК РСФСР и исполняющих по указанию администрации лагеря надзорные функции.

- 12.00-13.00 — обед;
13.00-17.00 — работа;
17.00-17.30 — съём с работы, поверка;
18.00-19.00 — ужин;
19.00-21.00 — лекции, политзанятия, работа по нарядам в жилзоне, а для учащихся — занятия в вечерней школе или производственное обучение;
21.00-21.30 — личное время;
21.30-22.00 — подготовка к отбою;
22.00 — отбой и проверка наличия заключенных в постелях;
22.00-6.00 — сон.

Для ночных смен, а в нерабочие дни для всех заключенных, поверка проводится в 10.00 и в 16.00 поотрядно на улице перед входом в бараки.

РАБОТА

По официальным документам промзона ИТК-2 (так упрощенно называют ЯЦ-34/2) числится филиалом Тюменского моторного завода. Изготавливаемая заключенными продукция засчитывается как плановая продукция, выпускаемая моторным заводом. По словам вольнонаемного лагерного экономиста, годовой доход предприятия промзоны ежегодно увеличивался и к концу 1976 года достиг 18 миллионов рублей.

Промзона ИТК-2 выпускает три вида готовой продукции: электросветильники, клеточные батареи, а также выполняет военные заказы.

Клеточные батареи представляют собой комплект клеток для домашней птицы: кур, уток и др. Длина батареи может быть любой и ограничена лишь длиной помещения, в котором устанавливается такая батарея. Заказы поступали от сибирских птицефабрик. Иногда клеточные батареи несушек (КБН) отправляли в Улан-Батор (Монголия).

По военным заказам (всегда срочным) изготавливались электрораспределительные шкафы для кораблей, контейнеры для морских снарядов и какие-то поддоны.

В промзоне находятся три рабочих корпуса и различные подсобные постройки.

Штамповочный цех (6-й отряд).

Механический цех (10-й отряд) — сверловка, шлифовка и сварка деталей для КБН. Здесь же красили готовые детали. В

механическом цехе между котельной и литейкой было установлено оборудование для гальванической обработки деталей.

Токарный цех.

Кузнечный цех.

Инструментальный цех (13 отряд) — ремонт слесарного, токарного, сверлильного и другого инструмента, а также станков.

Цех сборки КБН (2 отряд) — сборка клеточных батарей производится только для демонстрации заказчикам. Готовую продукцию они получают в разобранном виде, упакованную в ящики.

Цех изготовления сеток — изготовление проволочных сеток для КБН.

Экспериментальный цех (9 отряд) — освоение технологии серийного производства новых видов продукции под руководством опытных специалистов из заключенных и вольных. Здесь, в частности, была разработана технология изготовления передних и задних стоек КБН. Выполнение разовых военных заказов.

51-я бригада, состоящая из заключенных 12-го отряда, занималась окраской, упаковкой и транспортировкой готовой продукции.

«Крематорий» служил исключительно для сжигания мусора и горючих отходов производства и жилой зоны.

В отгороженной треугольной части лагеря находились три склада, пилорама и будка кладовщика. На эту территорию без разрешения начальника лагеря или его заместителя по режиму заключенных не допускали. На пилораме бригада заключенных, помимо распиловки леса, сколачивала шиты для упаковочных ящиков КБН. Вечером, после вывода из промзоны дневной смены, эти шиты на автопогрузчике перевозили в промзону. Здесь обычно в ночное время (третья смена) из этих шитов сколачивали ящики (до 100 штук и более), а 51-я бригада упаковывала в эти ящики готовую продукцию КБН и отправляла их башенным краном за зону.

В помещении «Техучеба» находилась техническая школа, где в зимнее время некоторых молодых заключенных, не имеющих специальности, обучали профессии сварщика, токаря, слесаря или тракториста-бульдозериста. Школа работала днем для учеников, работающих в вечернюю или ночную смены, и

вечером — для работающих в дневную. Обучение проводилось нерегулярно, скорее для рекламы и отчета.

Рабочие смены. Работа в промзоне была организована в три смены. В первую смену выводили в промзону около 2/3 заключенных, во вторую — около 1/3, а в третью — около 1/10. Заключенные, работавшие в третью, ночную смену, в основном подготавливали фронт работ для первой смены: рубили проволоку на станках-автоматах, штамповали кронштейны, сколачивали упаковочные ящики, красили готовые детали. В конце месяца во время штурмовщины в третью смену работал и токарный цех.

На обед все бригады по счету выводили из промзоны в столовую, находящуюся в жилой зоне. А после обеда вновь по счету вводили в промзону.

Условия работы и состояние техники безопасности. В результате низкого уровня техники безопасности в промзоне часты случаи производственных травм. Оборудование, на котором работали заключенные, часто было изношено, неисправно, а нередко просто списанное за негодностью с других заводов. Так, штамповочный цех, где работали заключенные 6-го отряда, был оборудован именно такими списанными с «вольных» заводов огромными штамповочными станками. При работе этих станков дрожал пол и стоял невыносимый шум. Пусковой механизм этих пресс-штампов был крайне изношен и при снятии ноги с пусковой педали в самые критические моменты, когда руки рабочего находились под прессом, пусковой механизм вдруг заедало, пресс падал вниз и отрубал пальцы или руку заключенному. Очень часто аналогичные случаи происходили и в механическом цехе, где стояли пресс-штампы меньших размеров. Помимо негодного оборудования частый травматизм объяснялся также тем, что штамповочные станки обслуживала в основном не обученная и не подготовленная к этой работе молодежь, которая бралась за эту работу не по доброй воле, а направлялась сюда по распоряжению лагерного начальства в качестве наказания за «нарушение лагерного режима». Завышенные нормы выработки вынуждали заключенных работать в слишком высоком темпе, что также приводило к несчастным случаям. Так например, за 8-часовую смену заключенный должен был наштамповать 25000 кронштейнов для стоек КБН. Иногда плохо закрепленные тяжелые станки падали во

время работы и калечили работающих на них заключенных. Токарные, точильные и сверлильные станки не были оборудованы специальными защитными сетками ограждения, а работающие на них заключенные не имели защитных очков. Известны случаи, когда заключенные теряли глаза на этой работе.

Люди, занятые гальванической обработкой деталей, обжигались кислотой. Случалось, что человек падал в ванну, наполненную серной кислотой. Красильщики нередко получали отравления во время работы без защитных масок в плохо вентилируемых помещениях. Эта работа считалась «вредной» и заключенные, выполняющие ее, должны были получать ежедневно по 0,5 литра молока. Однако молоко низкого качества выдавалось 1 или 2 раза в месяц сразу по несколько литров.

Администрация лагеря своеобразно боролась с производственным травматизмом. Конечно, все эти несчастные случаи нигде не регистрировались, а пострадавшие заключенные после излечения жестоко карались. По приказу начальника лагеря Казакова их лишали права на получение посылок, свиданий с родственниками и даже получения писем.

Наиболее опасные и вредные работы в лагере считались штрафными. К ним относились штамповка, окраска, а также работа по очистке наружных туалетов, которую выполняли по ночам. На штрафных работах все время не хватало рабочих, и начальник направлял сюда «провинившихся» заключенных.

Некоторые данные об оплате труда заключенных. Средняя зарплата кладовщиков, диспетчеров и других заключенных, занимающих должности с постоянным окладом — 72 руб. в месяц («зарплата по з/к», т.е. с учетом 50% вычетов на содержание лагеря - 36 руб. в месяц). Среднемесячная зарплата рабочих-сдельщиков — 80 руб. (по з/к — 40 руб.).

Продолжительность рабочего дня. Официальная продолжительность рабочего дня заключенных — 8 часов при 6-дневной рабочей неделе. Однако нередко, особенно во время «штурмовщины», заключенных выводили на работу в выходные и праздничные дни. Сверхурочная работа по таким дням не записывалась в рабочие табели заключенных и никаких отгулов за переработанные часы и дни не предоставлялось.

Другие виды работ. Строительные работы. Строительная бригада помимо работ, выполняемых внутри лагеря, строила

также дома для офицеров и надзорсостава за пределами лагерной зоны.

Лесоповал. Бригаду «лесовиков» возили на лесоповал далеко от лагеря на специально переоборудованных для перевозки заключенных грузовиках-рефрижераторах (МАЗ, «Колхида»).

Подсобное хозяйство. В находящемся вне лагерной зоны подсобном хозяйстве разводили свиней и выращивали картофель и капусту. В подсобном хозяйстве работали так называемые «бесконвойники», т.е. заключенные, которым разрешалось без конвоя выходить на работу за зону. На эту работу попадали заключенные, которые вскоре должны были освободиться по окончании срока лишения свободы, или ожидавшие исполнения решения суда об условно-досрочном освобождении. Иногда осенью «малосрочников» — т.е. заключенных с небольшими сроками лишения свободы — возили под конвоем на поля для уборки картофеля.

Работы в жилой зоне. Кроме основной работы, заключенные в свое свободное время обязаны были выполнять работы по нарядам в жилой зоне: работа на кухне, уборка территории лагеря и т.п.

Работа в ШИЗО и ПКТ. Заключенных, содержащихся в камерах ШИЗО и ПКТ, также заставляют работать. Они гнут из жести крючки, которые в большом количестве используются при сборке клеточных батарей. Это трудоемкая ручная работа, не требующая почти никакого оборудования.

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ.

Жилые бараки. Заключенные живут в двухэтажных кирпичных бараках. Каждый отряд занимает отдельный этаж здания. Внутри этаж разделен на 4 секции: две большие секции площадью от 50 до 80 кв. метров и две поменьше (площадь одной — около 50, другой — около 40 кв. метров). Высота помещения — 2,5 м. Полы деревянные, обшарпанные. Окна большие, с форточками. На каждом этаже находится также кабинет начальника отряда, умывальная и каптерка. Туалеты расположены на улице. Секции оборудованы двухъярусными железными койками, сдвинутыми, как правило, вплотную по

две. В проходах между койками стоят тумбочки. Обычно на четыре человека приходится одна тумбочка. Раздевалки находятся прямо в жилых секциях. В больших секциях, где живут «работяги» и «бичи», установлены в одной — 28, а в другой — 39 двухъярусных коек, так что в среднем на одного заключенного приходится приблизительно по 1 м² площади секции. Однако осенью, во время массового возврата в лагерь «химиков», спальных мест не хватает, и люди спят в проходах между койками и под койками. В двух других секциях, меньших по размерам, живут попросторнее. В зависимости от количества заключенных в лагере в этих секциях на человека приходится от 2 до 3 м² площади. Здесь живут «привилегированные» заключенные: бригадиры, завхоз, культорг и другие, занимающие в лагере те или иные должности. Себя они называют «чистыми людьми», основная же масса заключенных кличет их «придурками». Каждому заключенному выдается матрас, подушка, наволочка и одна простыня. Ежедневно простыня и наволочка обмениваются на чистые.

Особый интерес представляет П-образный трехэтажный корпус нового типа, строительство которого было начато в 1976 году и закончено в 1977. Жилые секции этого корпуса оборудованы необычно: 2-х ярусные железные койки снабжены шарнирами и от подъема до отбоя убирались в специальные шкафы-ниши и закрывались дверями. В результате такой операции пространство секции освобождалось и все построения заключенных (на поверку и т. п.) проходили в помещении, а не на дворе, где в связи с новым типом оборудования секций места для построений выделено не было.*

Прочие лагерные постройки жилой зоны. В двухэтажном здании — так называемом «Доме техники» — находились различные лагерные службы. На первом этаже размещалась лагерная санчасть, оборудованная терапевтическим, рентгеновским, физиотерапевтическим и зубным кабинетами, перевязочной и аптекой. Здесь же находился стационар на 6 коек. Медперсонал санчасти состоял из начальника санчасти, врача-

* Введение в строй жилого корпуса нового типа усилило слухи о предстоящем ужесточении лагерного режима. Источником этих слухов были заключенные (нарядчики, СВП-ешники и т. п.), тесно связанные с администрацией лагеря.

терапевта и двух медсестер. Изредка в лагерь для приема больных приезжал зубной врач. Перевязкой и наложением шин при переломах занимался заключенный — ветеринарный фельдшер по образованию. Рентгеновский кабинет и электроприборы в кабинете физиотерапии обслуживал также заключенный-фельдшер.

На втором этаже «Дома техники» располагался штаб лагерной администрации: кабинеты начальника лагеря и его заместителей по режиму, политработе и оперативной работе. Рядом с кабинетами начальства находилась комната нарядчиков, библиотека. Еще одна комната площадью около 30 м² была отведена под конструкторское бюро (отсюда и название всего «Дома техники»). Конструкторское бюро не имело производственного значения. Оно скорее играло рекламную роль и служило для показа «высоким гостям».

До осени 1976 года в зале «Дома техники» проводились лекции для заключенных. Позднее все «культурные мероприятия» были перенесены в клуб. А в зале «Дома техники» стали проводить заседания суда, разбиравшего дела о переводе заключенных в колонии-поселения, на «химию» или решавшего вопрос об условно-досрочном освобождении заключенных.

Библиотека размещалась в одной из комнат площадью 20-25 м², в которой стояло несколько столов и табуреток. На столах лежали подшивки газет «Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и «Тюменская правда». За невысоким барьером стоял стол библиотекаря и небольшой книжный стеллаж с крайне бедным выбором книг. Единственный источник поступления в библиотеку книг — это освобождающиеся или уходящие на этап заключенные, которые перед уходом из лагеря сдавали в библиотеку книги, приобретенные ими ранее в лагерном ларьке. Мало кто из заключенных пользовался лагерной библиотекой.

Посреди жилой зоны располагалась теплица, в которой выращивались цветы. Летом цветы из теплицы высаживали на улицу. Теплица и цветы — гордость начальника лагеря, который всегда показывал их «гостям из центра». Однако цветы служили не для украшения лагеря, а для удовлетворения офицерских заказов. Ежедневно заключенный-садовник снабжал букетами цветов офицеров по их запискам-заявкам. Заключенные не имели права трогать цветы. А если какой-нибудь неосторожный

арестант решался сорвать цветок, то он рисковал попасть в ШИЗО.

Строительство здания столовой и двух примыкающих к ней жилых барачков было закончено в 1976 году. Во время строительства этот участок был огорожен и северного прохода в промзону не существовало. Заключенных водили на работу через ворота, расположенные в южной части ограждения, разделяющего жилую и промзоны. Вторые этажи этих барачков в 1976 году были заселены заключенными. Нижний этаж барака, примыкающего к столовой, по-видимому, был отведен под продсклад. В нижнем этаже другого барака была каптерка, где заключенным выдавалась одежда и постельные принадлежности. В одном из этих барачков располагалась сушилка, где заключенные сушили мокрую одежду и обувь. Поговаривали, что здесь будут оборудованы прачечная и душевая.

Никакой спортплощадки в лагере нет. Нет и возможности заниматься спортом. Тем не менее летом устраиваются спортивные соревнования. Победителям в этих соревнованиях обещали различные льготы (дополнительное отоваривание в ларьке и даже досрочное освобождение), которых они впоследствии не получали. Подавляющее большинство заключенных даже не подозревало о проведении этих соревнований.

Питание заключенных: общее, дополнительное и больничное. По общей норме довольствовались рабочие, инвалиды и вообще все непривилегированные заключенные.

Дополнительное питание получили бригадиры и другие привилегированные заключенные по спискам, составленным начальниками отрядов. Количество пайков дополнительного питания было строго ограничено начальником лагеря.

Большое питание, число пайков которого было также строго ограничено, получали по назначению начальника санчасти больные заключенные, находившиеся в стационаре санчасти, и только незначительная часть заключенных, страдающих язвенной болезнью, но живущих и работающих в зоне, как и все прочие заключенные. Больничное питание получали также особо привилегированные заключенные: руководители СВП, СКК и СКО*, — а также те заключенные, которые заслужили у

* СКК — Совет коллектива колонии, СКО — Совет коллектива отряда.

начальства особое доверие и покровительство: завхозы, культторги, «стукачи».

Все три категории заключенных питались в столовой, отдельно, и рядовой арестант даже не знал, чем кормят привилегированных.

Примерное меню (общий паек):

Завтрак: 200 г хлеба; суп — обычно картофельно-капустный (осенью из свежей, а зимой из кислой, почти несъедобной капусты), иногда уха из одних рыбьих голов, а по особо торжественным дням или во время посещения проверочных комиссий — суп с лапшой или крупой.

Обед: 250 г хлеба; суп с крупой или сушеным картофелем, попадались и свиные косточки; на второе обычно жидкая каша, часто без соли и жиров.

Ужин: 200 г хлеба; жидкий суп тот же, что и на завтрак, иногда уха.

Периодически для заключенных резали свиней, выращенных в подсобном хозяйстве. Но на арестантскую кухню попадали только тщательно очищенные от мяса кости. Свежую картошку заключенные получали только осенью во время уборки урожая, а затем доедали гнилую. Зимой иссякали запасы и этой гнили, и из овощей оставалась лишь переокисшая и почти несъедобная капуста. Весной в котел иногда добавляли сушеную картошку и овощные консервы, списанные из магазинов как негодные к употреблению в пищу. С подсобного хозяйства снабжалась мясом и овощами администрация лагеря.

Кража продуктов заключенными, работающими на кухне и в столовой, была обычным явлением. Они нередко попадали за кражи в ШИЗО и ПКТ, и кухонная «обслуга» постоянно менялась. Часть «блатных» также тайно снабжалась продуктами из кухни или продскладов. Крали все, что можно было украсть: сахар, суррогат кофе, томатное пюре, сливочное масло, предназначенное для больных и т. д.

Лагерный ларек. Работал нерегулярно (2-4 раза в неделю): с 14 до 16 часов — для второй смены, и с 16 до 20 часов — для всех остальных. Иногда ларек работал и по воскресным дням с 10 до 12 часов. Заключенные могли посещать ларек дважды в месяц только вместе со своим отрядом и только по специальному расписанию, в соответствии с которым в ларьке одновременно

отоваривались до 4 отрядов. И заключенные разных отрядов перед открытием ларька, обгоняя друг друга, спешили занять в очереди первые места. У ларька скапливалось несколько сот человек, возникали свалки и драки. «Воры», «блатные» и «привилегированные» оттесняли «работяг» назад, занимая места у окошка выдачи продуктов. И «работяга», который сначала стоял у самого окошка, часа через два оказывался оттесненным к входной двери, а то и вовсе на улицу. Если какой-либо заключенный не успел купить продукты в те дни, когда его отряд допускался в ларек, то он вообще терял право на покупку продуктов в этом месяце. Члены СВП с красными нарукавными повязками дежурили в ларьке в его рабочие часы. Формально задача их состояла в поддержании порядка, но они открыто пропускали вне очереди членов СВП и других «привилегированных». Нередко дежурные не могли сдержать напор арестантов у входа в ларек, и тогда в помощь СВП-ешникам вызывался дежурный наряд охраны.

Если у заключенного были на лицевом счету деньги, заработанные в лагере, и если он за какие-либо «провинности» не был «лишен ларька», т. е. права на покупку в ларьке продуктов питания, то он на 7 рублей в месяц мог купить продукты.

Заключенные бригад, перевыполнивших план, получали право покупать продукты дополнительно на 2 рубля в месяц. Список имеющих право на это заключенных составляли прорабы, мастера или начальники цехов. Затем списки проверяли и подписывали начальник режима, оперуполномоченный, замполит и начальник соответствующего отряда. Каждый из них вносил изменения в список, вычеркивая фамилии тех заключенных, которые, по его мнению, не достойны дополнительной отоварки в ларьке. Затем список своей подписью утверждал начальник лагеря. Он тоже вносил поправки и иногда по своим соображениям вовсе лишал целые бригады, а то и полностью какой-нибудь отряд, права на дополнительное отоваривание.

Неполный перечень продуктов, продававшихся в ларьке: периодически бывали белый и серый хлеб; иногда — топленое свиное сало (смалец), сливочное масло, повидло; несколько раз продавали соленую рыбу, раза два был сыр (не чаще одного раза в год). Не всегда в ларьке была и махорка, и курящим нередко приходилось покупать дорогие для них папиросы и сигареты.

Почти всегда были конфеты «подушечки» по 1,05 руб. за кг или более дорогие конфеты по 1,50 — 2,00 руб. за кг. Постоянно был плиточный чай (иногда в ларек не завозили): маленькие плитки (125 г) — по 80 коп., и большие (250 г) — по 1,60 и 2,00 рубля за плитку. С 1974 по конец 1976 года продажа чая не нормировалась, а с начала 1977 года заключенный мог купить не более двух плиток чая в месяц.

Помимо продуктов в ларьке продавались: трусы, майки, полотенца, мыло, зубной порошок и зубные щетки, брезентовые рукавицы, нитки (иголок не было, т. к. пользование ими в этом лагере было запрещено), тетради, шариковые ручки, почтовые открытки и марки, конверты и мелкие дешевые сувениры. Можно было купить в ларьке и книги, выбор которых был крайне мал и беден, а также старые журналы, такие как «Наука и жизнь», «Вокруг света», «Здоровье».

Продукты, продаваемые в лагерном ларьке, отличались низким качеством. Зачастую это были списанные из-за непригодности в пищу продукты. Так, хлеб (круглый или кирпичный) поступал в ларек из разных пекарен города, но всегда нестандартный или испорченный. Иногда хлеб был еще теплым, но недопеченным и расплывающимся, или горелым и твердым, как камень. Но чаще продавали черствый старый хлеб, внутри и под коркой зелено-черный от плесени. Маргарин чернел сразу же после покупки и вызывал понос. Сливочное масло всегда было прогорклым. Овощные консервы: капуста, свекла, морковь нередко вызывали тошноту и поносы, и их приходилось выбрасывать. Прессованные плитки чая состояли из чайных сметок (чайные отходы и пыль) с посторонними примесями: деревянными шепками, мусором и т. п.

Одежда. Выдавалась заключенным на 2 года в зависимости от сезона. Рабочую спецодежду получали лишь те заключенные, которые в зимнее время работали на улице. Им выдавали в качестве спецодежды валенки, ватные брюки и теплые рукавицы. Все остальные заключенные работали в своей повседневной одежде. Стоимость одежды, кроме спецодежды, высчитывалась с лицевых счетов. В посылках или передачах заключенные могли получать нижнее теплое и летнее белье неярких расцветок, а также носки и варежки.

Заключенным было запрещено иметь иголки и поэтому в лагере они представляли большую ценность. Их прятали столь

же тщательно, как и ножи. Если у арестанта отбирали какую-либо вещь, в которой была запрятана иголка, он более жалел об утрате иголки, нежели вещи. Для пришивания пуговиц и починки одежды многие арестанты пользовались тонкой медной проволокой, обрывки которой всегда можно было подобрать в промзоне.

Свидания. Заключенные этого лагеря имеют право на два личных (длительных) и три общих (краткосрочных) свидания в год, если они не лишены этого права в качестве наказания. Продолжительность личного свидания — от 1 до 3 суток, а общего — от 2 до 4 часов. Свидания предоставляли по графику очередности. «Дом свиданий», находившийся в запретной зоне возле центральной вахты, представлял собой двухэтажное здание. На втором этаже располагалась лагерная бухгалтерия, а на первом — 10 комнат для личных свиданий. Здесь же находились еще две комнаты: в одной из них проводили обыски родственников заключенных до и после свидания, а в другой заключенных обыскивали и переодевали в обычную арестантскую одежду, специально выделенную для «Дома свиданий» (в своей одежде на свидания не допускали, опасаясь, что в ней арестанты могут пронести запрещенные предметы). Комнаты для свиданий, обращенные окнами в сторону лагеря, были вытянуты вдоль длинного коридора. В конце коридора находился вход в туалет и умывальную, а также в общую кухню. На кухне имелись электроплиты и кухонная посуда: кастрюли, сковороды, чайники, тарелки, миски, ложки и эмалированные кружки. Здесь же был водопровод и шкаф для хранения продуктов, которые родственники привозили с собой на свидание. В каждой комнате, где проходили личные свидания, стояли стол, два стула и две застеленные кровати. Заключенный-дневальный, который убирал помещения «Дома свиданий», следил по поручению начальника режима за некоторыми из арестантов и их родственниками и обо всем подозрительном доносил начальству. Иногда внезапно свидания прерывались и проводился обыск. Неиспользованные продукты дневальный должен был относить на вахту и сдавать дежурному офицеру. По словам дневального, некоторые офицерские семьи таким образом дополнительно снабжались продуктами.

Санитарно-гигиенические условия жизни заключенных. Баня, прачечная и парикмахерская находились в одном из

зданий жилой зоны. Заключение поотрядно мылись раз в неделю по определенному расписанию. Часто в бане не хватало то горячей, то холодной воды. За тазами выстраивались очереди, и заключенные были вынуждены по несколько человек одновременно мыться из одного таза. В те дни, когда в лагерь прибывал этап, баня и парикмахерская занимались санобработкой только этапников и для заключенных лагеря они были закрыты. В промзоне были душевые кабины, но только для кочегаров.

В парикмахерской одновременно могло бриться до 10 человек и поэтому здесь всегда выстраивались очереди.

В прачечной арестанты сами стирали свои вещи. Здесь имелось всего 6 корыт — на большее число корыт просто не было места. Редко кому удавалось постирать свое белье в прачечной, и заключенные вынуждены были стирать белье в умывальниках в жилых бараках или на работе. За это их наказывали: лишали посылок, свиданий и т. д., а белье отбирали и часто рвали на глазах у хозяина.

Зараженность насекомыми. У рабочих, не имевших возможности регулярно менять нательное белье, нередко заводились вши. Так, в конце квартала, а особенно в конце года, когда промзона «делала план», многие бригады (особенно 51-я, занятая упаковкой готовой продукции) редко попадали в баню. Несколько раз по приказу директора производства для бригады № 51 (заключенных этой бригады одолели вши) устраивали баню после вывода этой бригады из промзоны в час ночи.

В переполненных жилых секциях часто водились клопы, которых никогда не удавалось вывести полностью. Клопы заносились в лагерь и с этапами (пересыльные камеры Тюменской тюрьмы также были заражены клопами).

В каптерках водились тараканы. Вместе с продуктами, которые после получения посылки или покупки в ларьке заключенные хранили в каптерках, тараканы заносились в жилые секции.

Иногда бригады вызывали в санчасть, где проверяли на вшивость, и в случае обнаружения вшей заключенных заставляли после работы почти ежедневно сдавать всю одежду в дезинфекционную камеру на «прожарку». Летом на день, а то и на два, всех заключенных зараженного корпуса выселяли на

двор под открытое небо, а в секциях проводили дезинфекцию и побелку.

Эпидемии. Периодически в лагере возникали эпидемии гриппа и других инфекционных заболеваний. Опасные эпидемии дизентерии случились в 1975 и в 1976 годах.

Дизентерия вспыхнула в начале лета 1975 года и стихла только к концу лета. С наступлением теплых дней дизентерийный понос начался у некоторых заключенных, работавших за зоной в лесу на берегу р.Тобол. В лагерной санчасти их обвинили в том, что они пили сырую воду из реки. От работы заболевших не освободили, а по приказу начальника лагеря Казакова всех «поносников» наказали: лишили посылок, ларьков, свиданий и т.п. Однако вскоре число заболевших стало слишком большим, появились и тяжело больные. В центральной больнице для заключенных (ИТК № 4) делали анализы, диагностировали дизентерию, и в лагере был объявлен карантин. Больных изолировали в отдельных корпусах, ими же было заполнено здание лагерной школы.

Причины, способствовавшие вспышке эпидемии дизентерии. В жаркие летние дни в лагере не было воды. Всю воду из водокачки разбирали на полив частных огородов и другие нужды семей лагерного надзорсостава и вольнонаемных служащих лагеря. Их дома находились возле лагеря и снабжались водой вместе с лагерем от одной и той же водонапорной башни. В лагере опустели «титаны» с кипяченой водой, людям негде было умыться. Не было воды ни в бане, ни в прачечной. Вода в лагерном водопроводе появлялась лишь по ночам, и заключенные вставали и шли в умывальные комнаты, чтобы напиться из-под крана. Когда об этом узнало начальство, умывальные комнаты заперли на замок. Люди искали воду где кто мог: бригада «лесовиков» пила воду из реки; когда вода появлялась в промзоне — люди пили ее прямо из-под кранов.

В 1974-1975 годах в лагере было много крыс, постоянно шнырявших между столовой и огромным деревянным туалетом, стоящим в центре зоны. В этом туалете и обитали крысы.

В лагере, особенно в районе столовой, расплодилось настолько много мух, что замполит заставлял заключенных, которые шли в столовую без строя, ловить там по 1000 мух на каждого «провинившегося».

Поносы возникали и из-за употребления гнилых овощных консервов и других испорченных продуктов, продававшихся в ларьке; от негодной рыбы, которой кормили арестантов в столовой. Да и обшая обстановка антисанитарии в лагере, где на малой площади находилось несколько тысяч человек, способствовала распространению эпидемии.

Наказания. За любые провинности заключенных наказывали лишением ларька, посылки или передачи, свидания, переписки, возможности попасть под условно-досрочное освобождение.

Стоит особо остановиться на лишении заключенных права на переписку, т. к. эта мера наказания не предусмотрена ИТК РСФСР. Причинами лишения права на переписку могли быть отправка писем минуя лагерную цензуру; подозрение в подготовке к побегу; переписка с «нежелательными лицами»: с заключенными из других лагерей, с диссидентами, с лицами, проживающими за границей, и т. п. Эта форма наказания всегда была дополнительной и сопровождалась «лишением ларька», свидания и т. д. Заключенных лишали права на переписку приказом начальника лагеря или без всякого приказа простым распоряжением заместителя начальника по режиму.

Запрет на переписку относился лишь к письмам, которые отправлял заключенный. На письма, приходящие на его имя, этот запрет официально не распространялся. С ними расправлялись с помощью лагерной цензуры, вычеркивая любые строки, а то и вовсе конфискуя письма. Помимо «цензурной» расправы с письмами, в лагере бытовал и другой более простой и эффективный способ. Вот пример. Однажды весной 1976 года тогдашний заместитель начальника по режиму Коротков вызвал к себе заключенного. На столе, за которым сидел Коротков, лежало более десятка писем, адресованных вызванному. Начальник режима брал в руку письмо, читал адрес отправителя и спрашивал арестанта, каким родственником тот является ему. Перебрав таким образом все письма, Коротков отдал заключенному лишь те, которые были написаны его родственниками. «Напиши жене — пусть она позаботится о том, чтобы тебе писали только родственники», — сказал Коротков арестанту, предупредив, что в противном случае он будет лишен переписки.

Существовали и другие способы наказания. Заключенных избивали, «наказывали работой», т. е. переводили на штрафные

работы (низкооплачиваемые, тяжелые или опасные для здоровья и жизни); наказывали голодом, заставляя выполнять тяжелые работы при голодном рационе питания; водворяли в ШИЗО и ПКТ.

Вот описание некоторых случаев такого рода наказаний. Майор-оперуполномоченный обрабатывал свои жертвы кулаками, прежде чем отправить их в ПКТ. Один заключенный (из г. Минска) рассказывал, что его и его земляка (бригадира жестянщиков из 3-го отряда), майор, подозревая в нелегальной отправке писем «на волю», избивал до тех пор, пока они не дали показаний в несовершенно нарушении друг против друга. Бригадира сняли с должности и водворили в ПКТ, а после освобождения из ПКТ отправили на штрафную работу (штамповку). Его друг откупился от наказания, став доносчиком.

Другой случай. В лагере отбывал срок один татарин. Он имел высшее образование и до ареста работал преподавателем. Этот татарин стал инвалидом во время боев с китайцами на советско-китайской границе. У него была медицинская справка, подтверждавшая, что ему показан только легкий труд. Но его заставляли грузить в контейнеры ящики с готовой продукцией, которые приходилось таскать из цеха на большое расстояние. В одно из воскресений, объявленное рабочим днем, татарин отказался выйти на работу. Его пинками погнали на вахту, там повалили на пол и избили до потери сознания. Затем бросили в камеру ШИЗО к «ворам» на дальнейшее истязание. Те загнали его под нары. А когда татарин отказался от пищи, его снова избили. Ночью он вскрыл себе вены, и его в бессознательном состоянии отправили в лагерную больницу. После «выздоровления» заставили досидеть 10 суток ШИЗО, а затем добавили еще 5 суток «за вскрытие вен». Он опять вскрыл вены — ему добавили еще 15 суток. Это повторялось трижды, и таким образом татарин отбыл в ШИЗО 45 суток подряд. После всего этого он уже не мог работать, и ему дали легкую работу, назначив контролером ОТК готовой продукции. Освободился он из лагеря полным инвалидом.

Внутрилагерная тюрьма, в которой имеются камеры ШИЗО и ПКТ, находится в жилой зоне между клубом и столовой и обнесена трехрядным забором. В одни камеры ШИЗО водворяют «краткосрочников» — заключенных, которые получили одни или двое суток ШИЗО. Другие — отведены для «неопасных»

заклученных и таких, которых из-за возможности убийства опасаются помещать в камеры третьего типа. В последних содержатся опасные преступники, жестоко издевающиеся друг над другом, а особенно над слабыми. Нередко в этих камерах происходят дикие убийства.

Как-то зимой 1977 года во время политзанятий начальник лагеря подполковник Казаков сказал заключенным: «В нашем ПКТ происходят такие зверства, которые даже у меня вызывают ужас. Мне не понятно, как эти звери — людьми их не назовешь — выросли в нашей советской стране, воспитывались в наших советских школах». Впрочем, такая характеристика внутри-лагерной тюрьмы не мешает лагерной администрации запугивать заключенных угрозой водворения в камеру, где обитают «эти звери», а бывает, и бросать туда непокорных арестантов на расправу руками зэков-садистов.

ПИСЬМО ИЗ СЛЕДСТВЕННОГО ИЗОЛЯТОРА

Здравствуйтесь, мои дорогие!

Следствие продлено до 17 апреля (1982 г. — ред.). Никто никуда не вызывает ни на какие допросы. Фактически «дело» по обвинению по ст. 190-1 УК РСФСР сфабриковано еще в сентябре 1981 г. Об этом мне признались сами сокамерники, которых вызывали работники ГБ и шантажом склоняли к лжесвидетельству против меня. Притом брали с них слово, чтобы те не проболтались мне об этих «беседах». Если верить этим уголовникам, то их шантажировали возбуждением нового дела по старым «грехам» в случае отказа дать показания против меня. Показания давались едва ли не под диктовку. С их слов, один из ГБ приезжал из Москвы. У него какая-то легкая травма носа. Ну, это все мелочь.

С первого дня по прибытии в Елец я попросил работника местной оперчасти содержать меня в одиночке во избежание возможных провокаций. Однако у них все было запланировано иначе. Меня поместили в камеру со специально подобранными людьми, в так называемую «пресс-хату». Вел я себя крайне сдержанно, всячески избегая всяких споров, конфликтов.

Короче, избивая меня, с угрозой искалечить или даже убить, уголовники Киселев Владимир (около 30 лет), Гуков Юрий и Ломакин Сергей (оба моложе 25 лет) стали требовать, чтобы я под их диктовку (образец у них уже был) написал так называемое «извинительное письмо», т. е. обращение к заключенным лагеря, из которого я прибыл. Я переписал текст, однако, пользуясь их неосведомленностью, написал в письме вымышленную фамилию начальника лагеря и искажил адрес.

Как только они передали это письмо начальнику отряда старшему лейтенанту Малыну Валерию Николаевичу, я тут же вызвался на беседу с ним. Подробно рассказал, как «выбивалось» это письмо, в доказательство указал на «ошибки» в письме и потребовал его уничтожить. Далее, несмотря на уговоры его и работника оперчасти лейтенанта Лаптенкова, категорически отказался возвращаться в эту камеру. Довольно неохотно, но все же меня перевели в другую камеру.

На следующий день написал протест на имя Прокурора Липецкой области (17 июня 1981 г.), однако за пределы тюрьмы заявление не вышло, его попросту уничтожили, чтобы не фигурировало отрицательно в моем деле. Все же, как я убедился позже, горпрокурор по надзору Гоменюк был осведомлен о моем заявлении. Позже, уже когда был в санчасти в июле, я подробно рассказал эту историю приезжавшему по своим делам сюда работнику областного управления УИТУ полковнику (кажется, Янову по фамилии). Никаких результатов это не дало. Начальник тюрьмы подполковник Тарасов на беседе в июле лишь заверил, что ко мне не будут больше применяться подобные меры.

Как я убедился, все, что творилось и творится в этой тюрьме, давно известно областному и наверняка республиканскому УИТУ. Мало этого, наверняка неофициально ими инспирировано. Проводится некий «вологодский метод», когда самым отъявленным бандитам дают полную свободу рук в камерах с целью перевоспитания остальных и выполнения плана по работе. Здесь с благословения начальства творились страшные вещи. Унижение человеческого достоинства без предела, случаи мужеложества насилием — обычное явление. Немало из этой тюрьмы ушло физическими и психическими калеками. Были случаи и прямого убийства. Однако все «списывалось», и никто не понес ответственности. Кстати, Кирилл Подрабинек хотел поднять этот вопрос, но его упрятали снова.

Как обычно, 30 октября и 10 декабря я проводил голодовки протеста. Это было всегда и будет впредь.

Спасибо за посылки и передачи. Следственным разрешается передавать и колбасы. А вот некоторые сорта конфет мне не переданы. Говорят, что это витамины. А витамины относятся к лекарствам, которые запрещено получать заключенному.

Привет всем друзьям и знакомым.

Кстати, еще в сентябре 1981 г. я получил краткое письмо-открытку из Дании, из Копенгагена.

М. Кукобака.

Кукобака Михаил Игнатьевич (1939 г. рожд. белорус). За инакомыслие был помещен в 1970 г. в «психушку», где провел 6 лет. Еще дважды госпитализировался в ноябре 1976 и октябре 1977 г. С

октября 1978 г. отбыл 3-летнее заключение по ст.190-1. До окончания срока КГБ возбудило против него новое дело, в соответствии с нынешней практикой «судебной» расправы с диссидентами.

Автор самиздатских работ: автобиографический очерк «На свидание с детством», 1977, «Защита прав человека и разрядка неделимы», апрель 1977, «Украденная Родина», март 1978, рассказ «Как проходила экспертиза», после апреля 1979, «Показания».

В апреле 1977 г. заявил об отказе от советского гражданства.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

ПОДПОЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ТЕЗИСЫ ПРОГРАММНОЙ ДЕКЛАРАЦИИ
ВРЕМЕННОЙ КООРДИНАЦИОННОЙ КОМИССИИ НЕЗАВИСИ-
МОГО САМОУПРАВЛЯЮЩЕГОСЯ ПРОФСОЮЗА (НСПС)
«СОЛИДАРНОСТЬ».

Временная координационная комиссия (ВКК) передает на широкое общественное обсуждение Предварительные тезисы декларации «Подпольное общество».

1. Опыт восьми месяцев военного положения учит, что борьба за наши цели требует участия всего общества, сознающего свои неотъемлемые права и организованного для долговременной деятельности.

Война власти против общества продолжается — меняется только тактика. Сегодня власти формально борются против НСПС «Солидарность», но фактически, ставя под сомнение Августовские соглашения, они покушаются на основные интересы общества. Под прикрытием военного положения ликвидируется завоеванная в результате Августа независимость организаций, а послушный Сейм утверждает законы, отнимающие все то, чего мы добились до декабря 1981 года. Общество оказалось лишенным возможности независимо действовать и активно влиять на политическую жизнь. Власти стремятся создать такой политико-юридический порядок, при котором какая бы то ни было независимая общественная деятельность станет невозможной. Их решения и обещания имеют целью выиграть время: власти рассчитывают, что общество, измученное борьбой за существование и лишенное перспективы,

отречется от программы реформ, смирится с потерей правосубъектности.

ВКК твердо стоит на том, что только общественное согласие может вывести Польшу из нынешнего кризиса. Предложения соглашения уже были выдвинуты «Солидарностью», Церковью и многими общественными группами. Молчание было ответом. Власть требует только спокойствия, то есть покорности и работы, работы в условиях бесхозяйственности и угнетения.

2. Наша цель — создание самоуправляющегося общества, самоуправляющейся Республики, в соответствии с Программой, принятой на I Общепольском съезде НСПС «Солидарность». В нынешней ситуации мы можем достичь этой цели только движением подпольного общества.

ВКК призывает организовывать всеобщее движение сопротивления и создавать подпольное общество. Это движение должно отвечать требованиям жизни и деятельности общества. Все группы и слои общества, в городе и деревне, являются основой его силы — силы, способной помешать властям создавать и сохранять раскол, источник социальных антагонизмов. Подпольное движение сопротивления должно ослаблять у людей чувство одиночества, должно учить действовать коллективно, укреплять сознание того, что только благодаря самоорганизации и инициативе мы сможем достичь наших целей, должно показывать обществу скрытую в нем силу.

3. Подпольное общество должно прежде всего:

а) сделать невозможной работу властей по расколу общества;
б) развить способность общества к самоорганизации и самозащите;

в) повышать уровень политической культуры и приготовить общество к жизни в демократической Польше.

4. Движение подпольного общества создается группами, организованными по предприятиям, профессиональным кругам, месту жительства или среди друзей. Характер, охват и формы работы каждой группы зависят от их возможностей.

5. Особое внимание следует обратить на молодежь. На ней, по природе своей наиболее самоотверженной и бескомпромиссной, будет и впредь лежать основная тяжесть организации всех форм сопротивления. Массовое участие молодежи в движении подпольного общества будет залогом нашей победы.

6. Каждый участник организованной группы должен найти возможность действовать в рамках подпольного общества. В нем найдется дело для всех, кто одобряет нашу программу. В движении подпольного общества нет больших и малых дел. Значение имеет общий итог позиций и действий, выражающих независимость мысли, готовность к активной работе или оказанию помощи нуждающимся. Важны настойчивость, твердость и смелость в борьбе, когда возникнет в ней необходимость.

7. Мы предлагаем следующие основные направления действий в движении подпольного общества:

а) организация акций помощи репрессированным, уволенным с работы, живущим в нужде, больным и всем тем, кому нужна материальная и моральная поддержка,

б) организация независимой сети информации — издание, размножение, распространение, массовые акции с листовками, разоблачение целей официальной пропаганды,

в) организация образования и самообразования — независимое просвещение и независимые исследования, курсы, рабочие и народные университеты, дискуссионные клубы, издание научно-просветительной литературы, подготовка организаторов и активистов движения, библиотеки, стипендии и пособия для учащейся молодежи, преподавателей и творческих работников, создание общественных фондов и т. п.;

г) организация акций, демонстрирующих общественное сопротивление — празднование годовщин, плакаты, листовки, участие в акциях протеста, назначенных региональным руководством или ВКК;

д) организация хозяйственной деятельности (кооперативы, мастерские), а также воздействие на экономические процессы.

8. Подпольное общество борется против псевдоорганизаций, создаваемых властями, организует бойкот средств официальной пропаганды, собраний, обсуждений и мероприятий политического или пропагандистского характера, выступает против коллаборантов и коллаборации. Подпольное общество содействует развитию национальной культуры, выступая в то же время против стремления власти использовать ее односторонне — лишь как орудие своей политики. Особая ответственность лежит поэтому на литературных, журналистских и научных кругах, и границы, за которыми начинается коллаборация и

деятельность, противоречащая национальным интересам, должны устанавливаться моральными кодексами этих кругов.

9. Подпольное общество должно — путем давления на власть — создать условия, приближающие общественное соглашение, и в то же время постепенно завоевывать позиции, увеличивающие объем его социальных и политических прав.

10. Движение подпольного общества должно быть децентрализовано. Все звенья профобъединения обязаны предпринимать действия, способствующие организации подпольного общества. Консультативно-координационные функции в регионах выполняют находящиеся в подполье региональные органы руководства. Они определяют направление работы, публикуют в подпольной печати рекомендации и программные инструкции и воззвания. Координацию в масштабе всей страны обеспечивает ВКК.

11. Мы полагаем, что движение подпольного общества станет дополнительным фактором, формирующим международное положение, и что оно отвечает интересам Польши.

12. Предлагаемые действия создадут движение народного единства, сплоченного идеей «Солидарности». Подпольное общество будет базой для политической деятельности также и в случае объявления «Солидарности» вне закона, спасет общество от разгрома, будет оказывать постоянное давление на власть, угрожая ей полной изоляцией, и заставит ее признать, что только путь согласия ведет к решению проблем, стоящих ныне перед Польшей.

Движение подпольного общества создает необходимые условия для успешной борьбы за актуальные цели — освобождение политзаключенных и интернированных, отмену военного положения, восстановление независимого профсоюзного движения — и за долговременную цель — создание самоуправляющейся Республики.

28 июля 1982г.

Временная координационная комиссия НСПС «Солидарность»:

Збигнев Буяк (регион Мазовии)

Богдан Лис (регион Гданьск)

Владислав Фрасынюк (регион Нижняя Силезия)

Владислав Хардек (регион Малая Польша)

Эвгениуш Шумейко (член Президиума Общепольского правления «Солидарности»).

ПРОГРАММА СОГЛАШЕНИЯ*

Для движения, возникшего на базе «Солидарности», угрозой являются различные выдвигаемые властями политические концепции перестройки профобъединения «Солидарность» в такую урезанную форму, чтобы оно не было в состоянии противостоять чехизации Польши.

Примечание автора:

Я специально пользуюсь термином «чехизация», потому что общепринятый термин «советизация» представляется мне неадекватным. Этот последний связан непосредственно с господствующей в СССР системой и включает в себя элементы, вытекающие из восточных традиций этой страны.

Эти концепции настолько опасны, что хотя они и не встречают одобрения, но их всерьез рассматривают некоторые круги более пораженчески настроенной интеллигенции: «Ведь ВРОНа не допустит воссоздания «Солидарности» в ее первоначальном виде, а потому может быть только такая «Солидарность», на которую согласится ВРОНа; что ж, даже и урезанная «Солидарность» могла бы играть позитивную роль в формировании профсоюзного движения, а иные ожидания нереальны».

Я думаю, что такие представления практически состоят из одних недоразумений, осложненных еще приобретенной за

* Фрагменты большой работы члена общепольской НСПС „Солидарность” и регионального комитета Мазовии Збигнева Ромашевского, вышедшей в польском самиздате. Текст озаглавлен „Август 1980 — Что дальше?” и имеет посвящение „Моим друзьям, арестованным за то, что хотели жить в свободной, демократической Польше.”

В опушенной части автор дает анализ ситуации до введения в Польше военного положения. Он рассматривает ее в широком политико-экономическом плане. Одновременно автор характеризует нарождающееся движение сопротивления.

31 августа 1982 года Збигнев Ромашевский был арестован ВРОНой.

годы коммунистической власти в Польше привычкой употреблять слова в ином значении, чем это обычно принято.

Так что начнем с уточнения понятий. Возможна ли урезанная «Солидарность»? Разумеется, нет. Это прямо вытекает из ответа на вопрос, что́ есть «Солидарность» (и не «была», а «есть», ибо даже ВРОНа не приняла еще решения распустить «Солидарность»). Так вот, «Солидарность» — это свыше 10 миллионов членов плюс Устав. Эти 10 с лишним миллионов людей договорились между собой, что будут верны некоторым принципам Устава. Например, принципу, что высшим органом объединения является Съезд, который может принимать такие решения, как изменение устава и программы, выбор руководящих органов профобъединения и т.п. Съезд может даже распустить объединение, если такое предложение получит необходимое для этого большинство голосов, но это может решить только съезд. Таких решений не может принять никто иной, ни Председатель, ни Общепольская комиссия, ни тем более случайно подобранные ВРОНой органы. Странно, что факт этот как-то упускается при рассуждениях о поисках формулы компромисса. Если это упускают люди, стоящие вне руководства «Солидарностью», то это их личное, частное дело, но если бы так поступил кто-либо из избранных деятелей профобъединения, то это было бы нарушением Устава, игнорированием воли тех, кто их избрал не для самовольного управления, а для реализации принятых договоренностей.

Я лично считаю, что формула компромисса возможна, что съезд может внести изменения как в Устав, так и в программу, но сделать это должен Съезд. Никто иной не уполномочен принимать такие решения от имени всех членов. Для профобъединения «Солидарность» важнейшими оказались не организационные моменты, содержащиеся в Уставе, не те или иные положения программы; самым существенным были определения, включенные в его название: независимость, самоуправление — и только указанный выше способ достижения компромисса позволил бы их сохранить. Такой компромисс *прежде всего требовал бы освобождения профсоюзных активистов, содержащихся в заключении, а также легализацию деятельности Объединения, хотя бы в объеме, делающем возможным созвать съезд.* Но такого компромисса ВРОНа не даст, такой компромисс мы должны завоевать.

Другое недоразумение — это надежда на ограниченную деятельность профсоюза, занятого исключительно делами профсоюзными и не вмешивающегося в политику. Такой взгляд может быть у людей, которые в профобъединении видели лишь платформу для политической игры и никогда в действительности не занимались проблематикой трудовых отношений. Так уж оказалось, что в регионе Мазовии мне, помимо других дел, пришлось заниматься и комиссией по труду, зарплате и занятости. Это, без сомнения, проблемы, тесно связанные между собой, но не менее тесно они связаны и с проблемами трудового законодательства или хозяйственного права. Наем на работу является в руках работодателя средством давления и репрессии, угроза безработицей стала одной из существеннейших проблем нашей экономики и источником социальных конфликтов. Так как же профобъединение, обязавшееся защищать трудовые интересы своих членов, может избегать вмешательства в так называемую политику? Я, право же, этого не понимаю.

Конечно, профобъединение не должно определять политических программ, не должно участвовать в управлении, но должно иметь достаточно полномочий для защиты своих членов. Союз, лишенный таких возможностей, станет витриной для распределения лука, яблок да картошки. Я не отрицаю, что такие инициативы могут быть полезны и при некоторых условиях могут сыграть положительную роль в развитии профсоюзного движения. Если кто-нибудь из деятелей имеет такую концепцию, то пусть ее реализует. В зависимости от того, кто это будет и каких людей он сможет вокруг себя объединить, такая инициатива сыграет в истории профсоюзного движения роль либо «Пакса», либо «Знака»^{**†}; но пусть он не называет такую организацию «Солидарностью», ибо такое действие направлено на раскол представляемого ею единого фронта. И называть эрзац союза «Солидарностью» — это коллаборационизм с властями.

Наконец, последний вопрос, вопрос так называемого реализма. Так вот, по моему убеждению, все концепции создания псевдо-«Солидарности» как лекарства для нормали-

* * см. примечания в конце статьи.

зации жизни в стране являются еще менее реалистическими, чем мечты о возвращении к положению до декабря 1981 года. Ведь реализм концепции требует не только ее одобрения властями, он требует еще ее одобрения значительной частью общества. Тут не помогут никакие манипуляции *Только честно достигнутое путем переговоров согласие, одобренное подавляющим большинством общества, может умерить излишний радикализм и стать платформой устойчивой стабилизации политической жизни в Польше.*

Если значительная общественная группа не одобрит инициативы создания организации, то судьба такой концепции будет predetermined, никакая стабилизация не будет достигнута, а кризис будет нарастать и далее. Псевдо-«Солидарность», поддающаяся нажиму со стороны властей и ограниченная ими в своих действиях, потеряет общественное доверие, поляризуется и расколется, а поддержка со стороны тех, кто был в первый момент дезориентирован, передвинется в сторону тех, кто не отрекся от борьбы за свои права, от борьбы за достойное соглашение.

От реализации такой концепции выгоду получили бы только власти, а общество оказалось бы в дальнейшей борьбе дезинтегрировано.

Примечательно, что говоря столь много о так называемом «политическом реализме», официальная пресса забывает об одном из главных представителей этого направления мысли — *Велёпольском*^{**2}, которого «реализм» привел к национальной измене и чей «реализм» стал причиной одной из величайших трагедий — Январского восстания.

Реализм, учитывающий только намерения властей, — не есть реализм и вовсе не устраняет возможности национальной трагедии. Мы должны бороться за такое соглашение, которое могло бы быть одобрено всем польским обществом.

Трудно в данный момент предсказать форму согласия — более того, я убежден, что не следует пытаться это делать. Выставление минимальных требований создаст у властей уверенность, что возможно склонить руководство «Солидарности» к полной капитуляции. А далеко идущие требования без реально определенной программы их осуществления подрывают веру общества в возможность их выполнения. Условия соглашения могут быть сформулированы в момент его

заклучения и будут отражать соотношение общественных и политических сил сторон, участвующих в диалоге. Даже в конце августа 1980 года никто не мог представить, что уже через несколько дней возникнет «Солидарность». Своей последовательной твердостью, решительной позицией, самоотверженностью и дисциплиной мы должны привести к возникновению ситуации подобного общественного давления. Тогда воссоздание действительно независимого и самоуправляющегося Союза не будет утопией.

ПРОГРАММА ОБЩЕСТВЕННОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

Если попробовать наметить пути дальнейшей деятельности, то тут многое зависит от оценки ситуации. Так вот, по-моему, ночь с 12 на 13 декабря 1981 года не была поражением народного восстания, она была просто проигранным сражением. Сражением, в результате которого — пользуясь этим сравнением — мы потеряли немного оружия, оказались уничтоженными организационные структуры, но уцелели два наиболее существенных элемента, позволяющие продолжать борьбу: моральных дух и 10 миллионов людей, входящих в наш Союз. В таких условиях нет оснований для капитуляции, нам надо готовиться к следующему сражению, на этот раз в нашу пользу. Говоря о понесенных потерях, я бы выделил потери материальные и организационные. Первые из них не кажутся в данный момент самыми существенными. Независимо от кризиса, который уже ошущает либо будет ошущать каждая семья, жертвенность общества и чувство ответственности у рядовых членов «Солидарности» будут, по-видимому, столь велики, что материальные трудности не станут, вероятно, препятствием для нашей деятельности.

Самым важным в данный момент представляется создание новых организационных структур, приспособленных к нуждам ситуации и принятой программе действий. Конечно, унификация этих структур и выработка соответствующей программы действий требуют создания центра, принимающего решения. Создание такого центра ни в коем случае не должно вести к централизации исполнительной структуры, поскольку в условиях подпольной борьбы это чревато провалом и разгромом

движения. В сфере исполнения движение должно быть максимально децентрализованным и сохранять те ценности, которые обеспечивают спонтанность действий. В то же время, руководящий центр, опираясь на завоеванный общественный авторитет, должен устанавливать цели, определять направления борьбы, ее тактику, назначать время выступлений, которые намечены в этой борьбе. А в случае действий, предпринимаемых в более широком размере в масштабе страны или региона — в задачи центра входила бы принципиальная координация таких мероприятий.

В настоящий момент возникновение такого центра кажется делом неотложным. Лозунг «Солидарность» находится на знаменах всех политических группировок, всех групп сопротивления. И если эти организации действительно ставят себе целью восстановление «Солидарности», то я не вижу никаких оснований для беспокойства, ибо программа нашего Союза включала политический плюрализм, а потому мировоззренческие и политические различия не должны становиться проблемой. Проблемой могут стать методы действий, которые, как, например, террор, противоречили бы исходным моральным принципам «Солидарности». Такой центр силой своего общественного престижа определил бы сферу действий, проводимых от имени «Солидарности», в отличие от тех, кто не вправе ссылаться на нее. Это бы воспрепятствовало распространяющейся дезориентации и провокациям, которые готовят власти.

До сих пор имело место несколько попыток создания такого центра, но все они были не согласованы между собой и не оправдали возлагаемых на них обществом надежд.

При новых попытках разработки программы борьбы и соответствующих ей организационных структур следует отдавать себе ясный отчет в том, что эта деятельность имеет две стороны. Одна из них — это работа срочного характера, дающая ответы на каждодневные действия властей, другая — это подготовка к генеральному сражению за восстановление Профобъединения. Конечно, эти две стороны деятельности должны быть в какой-то мере согласованы, они часто будут накладываться одна на другую, но они требуют одновременного существования двух отдельных структур: на предприятиях и за их пределами.

Поскольку полем конечной конфронтации несомненно остаются предприятия и так или иначе будет использована забастовка как оружие борьбы, то необходимо сохранять подпольные структуры профсоюза на предприятиях. Их главной задачей остается подготовка действий внутри предприятий, как технически, так и в смысле сохранения морального духа коллектива. Это зависит от организации внутри предприятия сети связей между отдельными цехами, сети распространения информации или даже, на крупных предприятиях, выпуска собственного журнала. Это требует также установления контактов с соседними предприятиями для координации забастовок. В задачи заводских ячеек должно также входить создание фондов, из которых могло бы идти финансирование работы вне заводов, а также, в какой-то мере, и деятельности более широкого характера. Учитывая специфику работы на предприятиях, заводские группы должны действовать особенно осторожно, чтобы не обнаруживаться раньше времени. Чрезмерная активность этих групп может привести к устранению с заводов людей, наиболее идейных и наиболее необходимых в решительный момент.

Независимо от указанного выше направления внутризаводской работы при достаточно четкой организационной структуре необходимо также движение внезаводского характера, нечеткая структура которого позволила бы избегать провалов и быть в состоянии вести наиболее активную текущую работу. В рамках этой работы на первый план выдвигаются такие действия, как обеспечение связей в масштабах всей страны, информация или, наконец, действия против коллаборации. Конечно, за такой работой может следовать раскрытие и вынужденный уход в подполье. В рамках таких структур должны быть, значит, и возможности перехода на нелегальное положение.

Говоря о характере организационных структур, я напомнил в то же время о принципиальных направлениях их деятельности. Одним из принципиальных направлений я считаю формирование сознания рядовых членов «Солидарности». Главную роль в этом должна сыграть профсоюзная печать и независимые издательства. Но не надо ожидать, что нам удастся организовать профсоюзную печать за счет создания и развития издательства в центре. Характер подпольной деятельности обуславливает создание небольших тиражей, доходящих до

ограниченного числа читателей. Так что предлагаемая модель деятельности требует существования целой сети независимых издательств, обеспечивающих общественную потребность и использующих поступающую из центра информацию. Распространение центральных изданий прежде всего должно иметь целью — обеспечить тех, кто способен полученные материалы использовать, размножить и передать другим. Такая модель издательской деятельности, помимо значительной устойчивости перед действиями милиции, обладает еще одной ценной чертой: она обеспечивает в рамках Союза демократию, хотя и ограниченную условиями подполья. Предоставление десяткам или даже сотням редакций возможности выбора информационных и публицистических материалов позволит им лучше воздействовать на читателя и будет противоядием против чрезмерно централизованных подпольных структур.

В рамках подпольной деятельности достаточно важное место занимает распространение и расклейка листовок. Значение такого рода акций я бы видел, с одной стороны, в возможности передать большой массе людей каких-то простых сообщений, а с другой стороны, — учитывая их явность и демонстративность — они являются как для общества, так и для властей свидетельством существования и деятельности подпольных структур. Таким образом, они поддерживают моральный дух общества и досаждают противнику.

Невозможность удовлетворить запросы читателей на путях развития центральных издательств, конечно, создает значительный пробел в информации, необходимой для проведения скоординированных действий, будь то демонстрации или забастовки. Мне кажется, что такие пробелы можно было бы восполнить развитием радиосвязи уже теперь. Деятельности по широкой радиофикации страны следовало бы уделить больше внимания.

Другое из важных направлений деятельности — это борьба с коллаборационизмом. Социальная база нынешнего режима необычайно узка и исключительно непривлекательна. Расширение этой базы является одной из главнейших задач, которую ставит себе власть. Разумеется, люди должны как-то жить, должны где-то работать, вынуждены с этой властью как-то контактировать. Осуществить полную внутреннюю эмиграцию целого общества невозможно. Однако мы должны помнить, что

режим объявил войну собственному народу, оккупировал страну своей армией, госбезопасностью, милицией и ЗОМОВцами, и вступая в контакты с режимом, мы тем самым контактируем с оккупантом. Сотрудничество, которое переступает определенные рамки, становится коллаборационизмом. Конечно, по-разному выгладит коллаборационизм рабочего, мастера или служашего и совсем иначе — врача, журналиста, учителя или композитора. Различна также и степень вреда от их сотрудничества. Однако оно может иметь место независимо от места работы, и должны существовать вполне ясные критерии его оценки: каждый акт коллаборационизма должен встречать общественное осуждение, так чтобы всякий, кто решается на него, отдавал бы себе отчет, что возможные материальные и иные выгоды он покупает ценой общественного позора.

Акции против коллаборантов несут в себе опасность террора, которого непременно нужно избегать, но проведенные в форме широкой акции оповещения о факте коллаборационизма, преследование коллаборанта методами, примененными в акции «Вавер»^{**з} ...? или в действиях малого саботажа — такие действия являются здоровым рефлексом общества. Наконец, следует остановиться на вопросе о забастовках. На нынешнем этапе объявление забастовок на отдельных, изолированных предприятиях мне представляется нецелесообразным, кроме случаев, когда они ставят себе цели, весьма ограниченные, несомненно обоснованные и легко достижимые, либо если они ограничены во времени в качестве протеста и предупреждения властям. Одно несомненно — они должны быть хорошо подготовлены и нести в себе малый риск поражения. В нынешней ситуации каждая неудавшаяся или проигранная забастовка будит в людях настроения сомнения и отказа от борьбы, настроения, столь выгодные властям.

Говоря о генеральном решении, я имею в виду, разумеется, какую-то из форм всеобщей забастовки. Неудача всеобщей забастовки в декабре 1981 года привела к тому, что все чаще появляются мнения о непригодности забастовки как оружия борьбы. Применение насилия было шоком для общества, впавшего в панику. Теперь мы знаем, что забастовка в Варшаве была подавлена в сущности одной бригадой ЗОМО и фактически не было препятствий для начала забастовок на других предприятиях или для возобновления забастовки после ухода

сил милиции. Отдавая себе отчет о тактике, которую могут применить власти, мы в состоянии выработать собственную тактику забастовок, такую, при которой действия властей оказались бы безуспешными. Выбор той или иной формы такой забастовки, конечно, зависит от характера ситуации, и обсуждение этого вопроса сейчас мне кажется преждевременным. В конце концов может оказаться, что сама организационная фаза, демонстрирующая способность «Солидарности» действовать в подполье, окажется для властей достаточным давлением для принятия более гибкой позиции по отношению к требованиям общества.

Каковы же шансы успеха предлагаемой концепции действий?

По моему убеждению, значительные. Остро очерченные противоречия в стане власти, ведущие к его ослаблению, продолжающееся в стране и неустранимое состояние напряжения (букв: кипения), усиливаемое экономическим кризисом, в то же время давление Запада — вот те элементы, которые могут вызвать изменение концепции советского руководства относительно решения польской проблемы. *Политическая стабилизация, даже при уменьшении советского влияния на внутренние дела Польши может оказаться для СССР достаточно привлекательной альтернативой неугасимому конфликту в центре Европы.*

В таких условиях и в правящих кругах ПНР найдутся сторонники более гибкой политики, способной привести к устойчивому общественному согласию.

Возникновение такой группы в рядах, казалось бы, полностью скомпрометировавших себя властей — это не благодушное пожелание, оно прямо вытекает из законов политической игры. По мере нарастания общественного сопротивления в правящих кругах будут вызревать самые различные концепции решения конфликта. Система общественного давления, решимость общества, неотвратимость национального катаклизма и одновременно реализм и справедливость выдвинутых требований должны стать теми элементами, которые сдвинут равновесие в сторону сил, выступающих за политическое решение.

Я сознаю психологическую трудность обсуждаемой проблемы. Людей, которые готовы были бы даже жизнь отдать за обретение Польшей полной независимости, немало. Но нынеш-

ная ситуация требует от нас иного — полной решимости и последовательности в борьбе за расширение полосы гражданских свобод.

Конечно, нарисованная здесь программа действий должна быть выполнена буквально до конца. Может быть, фактором, который решит всё, будет какой-либо элемент, который трудно предвидеть сейчас. Таким элементом может оказаться, например, стихийно возникшая и распространяющаяся забастовка, вызванная трагическим материальным положением людей. Однако, во всяком случае проведение организационной деятельности даст Союзу возможность корректировать действия и направлять их в нужное русло.

В конце я хотел бы еще раз выделить мысль, которая меня воодушевляла в то время, когда я писал эту статью. Независимо от личных интересов, мы не можем признать нормальной такую жизнь в стране, когда заключенные оказываются лучшими, самыми самоотверженными и наиболее активными гражданами. Борьба за их свободу — наш нравственный долг, и ничто не может нас освободить от обязанности его исполнить.

15 марта 1982 г.

Примечания переводчика:

· «ПАКС» — католическая организация, сотрудничавшая с властями на базе свойственной ей неприязни к западной демократии и склонности к тоталитарному национализму.

«Знак» — организация католиков. Она была легальной оппозицией, (имела депутатские места в сейме) с 1956 по 1976 годы.

‡ Александр Велёпольский (годы жизни с 1803 по 1877) был сторонником союза Польши с Россией по мотивам так называемого «политического реализма». Получив от царизма ключевые государственные посты, он стремился ликвидировать антиросийскую оппозицию в стране. Одной из таких мер — набором в рекруты учащейся молодежи — он спровоцировал январское восстание 1863 года. Уже в апреле того же года он ушел в отставку и вскоре эмигрировал в Германию (умер в Дрездене).

∴ «Вавер» — молодежная организация, созданная польскими гарцерами в 1940 году для проведения антигитлеровской пропаганды, борьбы с коллаборантами и актов «малого саботажа». Свое название она приняла от варшавского предместья Вавер, где оккупанты расстреляли 107 поляков-заложников.

(Переводы с польского С. Пирогова)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

К 60-летию образования СССР

В. Малинкович

ЗИГЗАГИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ БОЛЬШЕВИКОВ: ЛЕНИН И СТАЛИН

I

Господствующая в Советском Союзе система — система тоталитарная. Именно поэтому она стремится утвердиться во всем мире и подчинить себе все стороны общественной жизни народов и даже частной жизни каждого человека. Цели своей эта система добивается всеми доступными ей средствами.

Не всякая система, претендующая на универсальность, является тоталитарной. Иудаизм, например, подчиняя Закону практически всю жизнь верующих, далеко не безразличен к средствам достижения религиозной цели: лишь примером своей праведной жизни должны, в принципе, иудеи привлечь на свою сторону иноверцев. Никак не относится к тоталитарным системам и христианство. Царство Духа здесь решительно отделено от царства кесаря. Путь к Богу свободно избирается христианином: Церковь Христа — не государство, не политическая и даже не общественная организация, это — духовный союз христиан (разные конфессии по разному смотрят на отношения священников и паствы, но ни одна из них не требует всемирной политической власти церкви).

Социализм также не является тоталитаризмом до тех пор, пока его сторонники признают в качестве метода для достижения цели мирное соревнование различных социально-экономических систем в условиях плюралистической демо-

кратии и руководствуются этим методом на практике (как, например, социалисты западных стран).

В то же время, одна из форм социалистической идеологии (самая популярная, но отнюдь не единственная) — марксизм — дает теоретические предпосылки, которые в определенных исторических условиях могут быть использованы для построения тоталитарной системы.

Первая в мире тоталитарная система была создана В. И. Лениным. Будучи убежденным социалистом, но плохим философом, Ленин игнорирует указания Маркса о необходимости строго следовать объективным законам, находящим свое отражение в условиях реальной исторической действительности (за основу своей философии Маркс взял поставленную с ног на голову гегелевскую диалектику). Человек крайне нетерпеливый, воспитанный в традициях русского политического терроризма, Ленин считает, что скорая победа пролетариата может быть достигнута при помощи хорошо организованных, готовых использовать в борьбе любые средства, революционных партий, во главе которых будут стоять испытанные вожди (и среди них — Ленин, разумеется). Очевидное отступление от марксизма к бланкизму и русскому революционному народничеству.

У коммунизма времен Маркса врагов много — и римский папа, и русский царь, и французские радикалы. Обилие врагов — результат неравномерного социально-экономического развития различных стран. Для успешной борьбы с ними необходимо умение увидеть, оценить и использовать в своих интересах множество внутренне противоречивых сил, по разному проявляющих себя в различных исторических условиях. Этот путь очень сложный и, главное, долгий. Ленин упрощает дело. Революционным рабочим партиям Ленин предлагает одного главного врага. Он делает «открытие»: капитализм превратился в свою «высшую стадию — империализм». Единой цепью опутал, по Ленину, международный финансовый и промышленный капитал всю землю, подчинив интересам «финансовой олигархии» все государственные, национальные и общественные интересы. Прорвать эту цепь в ее наиболее слабом звене — и вспыхнет мировая пролетарская революция, и наступит эра социализма, и все прочие проблемы решатся сами собой.

Ленин был утопистом. Но одновременно и ловким прагматиком. Рухнула, не выдержав напряжения социальных и национальных противоречий, обострившихся в связи с войной, огромная царская империя. И хотя Ленин никак не ожидал такой удачи (самым слабым звеном в цепи мирового империализма он в то время считал Швейцарию), он сумел, проявив недюжинные способности политического демагога и интригана, с помощью своей хорошо организованной и не стесняющейся в выборе средств партии прийти к власти в России. Мировой империализм сразу победить не удалось, но в руках у Ленина оказались бразды правления огромной, разваливающейся на глазах, многонациональной империей.

II

Открыв «империализм как высшую стадию капитализма», Ленин тем самым признал возможность существования классовых империй. Если есть империализм буржуазный, то почему же не может быть империализма пролетарского, всемирной пролетарской империи (под названием «Интернационал»^{*}). Поскольку «пролетариат не имеет родины», марксов лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» означал для Ленина то, что в будущей пролетарской империи будут разрушены все границы, ликвидированы все нации. Вопрос заключался лишь в том, когда, на каком этапе борьбы за всемирную пролетарскую империю, эта ликвидация должна произойти.

Согласно ленинскому догмату международный финансовый империализм должен был подготовить окончательное решение национальных проблем — наследия феодализма и эпохи становления капитализма. Однако «империалистическая» война не превратилась в гражданскую войну между мировой буржуазией и объединенными силами пролетариата всех стран.

* — Впрочем, империя эта будет отличаться от классических (напр. британской или французской). В ней не будет наций господствующих и наций колониальных, потому что наций вообще не будет, а будет «всемирное царство социализма».

Напротив, разрушив несколько империй (российскую, австро-венгерскую, турецкую и молодую германскую), война привела к возникновению новых национальных государств и способствовала необычайному подъему национального самосознания у многих народов. Ленинская идеология очутилась в тупике, а сам Ленин, получив власть в стране с острейшими национальными противоречиями, оказался не готовым к их решению.

Посмотрим, как собиралась решать национальные проблемы народов Российской империи ленинская партия накануне революции. Собственно говоря, никакой последовательной национальной программы у партии большевиков не было. Национальный вопрос всегда рассматривался ею как второстепенный, который необходимо решать таким образом, чтобы он помог (или, во всяком случае, не помешал) решению главной задачи — захвату власти пролетариатом. 9-й пункт программы РСДРП, принятой в 1903 году на II съезде партии, признает «право на самоопределение государства за всеми нациями». И еще, в пункте 8-м: «Право населения получать образование на родном языке, обеспечиваемое созданием за счет государства и органов самоуправления необходимых для этого школ: право каждого гражданина объясняться на родном языке на собраниях; введение родного языка наравне с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях».

Будущее государство должно быть унитарным. Для национальных окраин — даже не автономия — областное самоуправление. Пункт 3-й: «Областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения».¹

Вот так партия пролетариата России (страны с 57% нерусского населения) надеялась решить национальный вопрос. Право на самоопределение — это лишь дань «общедемократической, т. е. буржуазно-демократической»² моде. А какова пролетарская (точнее, ленинская) позиция в это время?

«Не дело пролетариата проповедовать федерализм и национальную автономию, не дело пролетариата выставлять подобные требования, неминуемо сводящиеся к требованию создать автономное классовое государство», — писал в те годы

¹ — КПСС в резолюциях и решениях съездов..., изд. 7, Москва, 1953, с. 63.

² — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 19, с. 456.

Ленин. — «Дело пролетариата — теснее сплачивать как можно более широкие массы рабочих всех и всяких национальностей, сплачивать для борьбы на возможно более широкой арене за демократическую республику и за социализм... Требование признания права на самоопределение за каждой национальностью означает само по себе лишь то, что мы, партия пролетариата, должны быть всегда и безусловно против всякой попытки насильем или несправедливостью влиять извне на народное самоопределение. Исполняя всегда этот свой отрицательный долг, мы сами со своей стороны заботимся о самоопределении не народов и наций, а пролетариата в каждой национальности».³ Правильно. Чтобы затем объединить рабочих всех национальностей против «капиталистов всех наций», которые «сливаются самым тесным, неразрывным образом в акционерных предприятиях, в картелях и трестах, в союзах промышленников и т. п.»⁴

Буквально понимая лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!», Ленин борется за единую партию российского пролетариата и решительно сопротивляется попыткам БУНДа (еврейских социал-демократов) организовать сотрудничество социал-демократических национальных фракций в партии на федеративных началах.

«У рабочих нет и не может быть родины!» — вот суть пролетарского (по Ленину) подхода к решению национальных проблем. Человек, стоящий во главе наиболее прогрессивной, т. е. наиболее твердо следующей законам объективной необходимости, партии, совершенно не знает и не хочет знать реальной жизни.

Но бесконечно закрываться шорами от окружающей действительности невозможно. Через десять лет после принятия II-м съездом Программы РСДРП национальные противоречия в мире настолько накалились, что стали угрожать катастрофой (в следующем году началась мировая война).

— «Насчет национализма вполне с Вами согласен, что надо этим заняться посерьезнее»,⁵ — пишет Владимир Ильич Горькому в феврале 13-го. И занимается.

³ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 6, сс. 293-294.

⁴ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 19, с. 456.

⁵ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 35, с. 58.

«Что национальный вопрос выдвинулся в настоящее время на видное место среди вопросов общественной жизни России, это очевидно. И воинствующий национализм реакции, и переход контрреволюционного, буржуазного либерализма к национализму (особенно великорусскому, а затем также польскому, еврейскому, украинскому и пр.), и, наконец, усиление националистических шатаний среди разных «национальных» (т.е. невеликорусских) с.-д., дошедшее до нарушения партийной программы, — все это безусловно обязывает нас уделить больше, чем прежде, внимания национальному вопросу»⁶, — вынужден признать Ленин. И пересматривает свою позицию по отношению к национальной автономии. Помните: «Не дело пролетариата проповедывать... национальную автономию»? А теперь: «Мы з а а в т о н о м и ю (разрядка Ленина) для всех частей... Автономия есть наш план устройства демократического государства». Но Ленин по-прежнему против самостоятельных нерусских республик: «Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем мы против отделения».⁷

Да и автономия понимается Лениным весьма своеобразно. Он категорически против автономии культурной: «Лозунг национальной культуры есть буржуазный обман. (Почему, собственно, буржуазный, если «всемирно-историческая тенденция капитализма» ведет «к ломке национальных перегородок, к стиранию национальных различий, к ассимилированию наций»?⁸). Наш лозунг есть интернациональная культура демократизма и всемирного рабочего движения».⁹ «В каждой национальной культуре есть, хотя бы не развитые, элементы демократической и социалистической культуры... Но в каждой нации есть также культура буржуазная... в виде господствующей культуры.»¹⁰ Боже, помоги решить задачу: к какой части национальных культур — буржуазной или пролетарской — относятся лезгинка, украинские «пысанки» или романсы Глинки? «Может ли великорусский марксист принять лозунг

⁶ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 3.

⁷ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 19, с. 453.

⁸ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 12.

⁹ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 7.

¹⁰ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 8.

национальной, великорусской культуры? Нет... Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова». ¹¹ Как жалко выглядела бы русская культура, если бы ее характеризовали лишь имена Пуришкевича и Чернышевского, а не Пушкина, Гоголя, «архиреакционейшего» Достоевского... Здесь становится страшно. Человек, идущий во главе партии к власти над сотнями миллионов людей, не знает, не чувствует, а потому и ненавидит культуру. Воистину — «г. ядуший хам».

«Борьба за всякое национальное развитие, за „национальную культуру“ вообще — безусловно нет!» ¹² — восклицает Ленин. Ради осуществления своей основной идеи «безусловного единства и полного слияния рабочих всех национальностей» в борьбе «против капитала, который уже стал и все более становится интернациональным» ¹³ Ленин готов принести в жертву национальную жизнь народов: «Пролетариат... не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а, напротив, предостерегает массы от таких иллюзий, отстаивает самую полную свободу капиталистического оборота, приветствует всякую ассимиляцию наций». ¹⁴

«При едином действии пролетариев великорусских и украинских свободная Украина возможна, без такого единства о ней не может быть и речи», — написано сегодня на памятнике Ленину в Киеве. Но кому нужна свободная Украина, если факт «ассимиляции великорусского и украинского пролетариата несомненен. И этот факт б е з у с л о в н о (разрядка Ленина) прогрессивен». Sic! «Было бы прямой изменой социализму и глупенькой политикой... ослаблять существующую теперь, в *пределах одного государства*, связь и союз украинского и великорусского пролетариата». ¹⁵

«Пока и поскольку разные нации составляют единое государство», — пишет Ленин, — «марксисты ни в коем случае не будут проповедывать ни федеративного принципа, ни децентра-

¹¹ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 9, с. 16.

¹² — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 18.

¹³ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 6.

¹⁴ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 19.

¹⁵ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, сс. 13-14.

лизации. Централизованное крупное государство есть громадный исторический шаг вперед от средневековой раздробленности к будущему социалистическому единству всего мира, и иначе как через такое государство нет и быть не может пути к социализму».¹⁶

В будущем ленинском государстве возможна и национальная автономия. Но «ведь пределы автономии определит *центральный* парламент! Мы за демократический централизм, безусловно. Мы против федерации... Федерация есть союз равных, союз, требующий о б щ е г о согласия. Как же может быть п р а в о одной стороны на с о г л а с и е с ней другой стороны? Это абсурд. Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип государства. Хочешь отделяться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь... Не хочешь отделяться? Тогда извини, з а меня не решай, не думай, что ты имеешь <п р а в о> (всюду — разрядка Ленина) на федерацию.»¹⁷

Ленинский план автономии 1913 года, в отличие от Программы РСДРП 1903 года, не предусматривает создания национальных школ: «Пока разные нации живут в одном государстве, их связывают миллионы и миллиарды нитей экономического, правового и бытового характера. Как же можно вырвать школьное дело из этих связей? Можно ли его изъять из ведения государства? ...Напротив, надо добиваться с о е д и н е н и я наций в школьном деле, чтобы в школе подготавливалось то, что в жизни осуществляется (ассимиляция — В. М.)»¹⁸ «Своя программа в своей национальной школе!... У марксистов... есть о б щ а я школьная программа... С точки зрения марксистов, в демократическом государстве недопустимо нигде и никогда о т с т у п л е н и е от этой общей программы».¹⁹ Вот так и демократия!

Потребности экономического оборота (по Ленину) «сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно». Во всяком случае, все «легко и быстро научатся понимать друг друга и не будут пугаться «ужасной» мысли, что в общем парламенте раздадутся речи на разных

¹⁶ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 29.

¹⁷ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 19, с. 453.

¹⁸ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 19, сс. 455-456.

¹⁹ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 26.

языках».²⁰ Впрочем Ленин не был столь наивным, как может показаться с первого взгляда. Дискуссию по национальному вопросу со своими товарищами по партии (в большинстве своем — нерусскими) он вел на языке Российской империи. И хорошо знал на каком языке будут говорить в будущей Российской социалистической республике. — «Как Вы не хотите понять», — пишет Ленин в письме Шаумяну, — «той психологии, которая особенно важна в национальном вопросе и которая ...поганит, пакостит, сводит на нет бесспорное прогрессивное значение централизации, больших государств, единого языка? Но еще важнее экономика, чем психология: в России уже есть капиталистическая экономика, делающая русский язык необходимым... Неужели отпадение паршивой полицейщины не удесятерит (утысячерит) вольные союзы охраны и распространения русского языка?»²¹

Таковы взгляды Ленина на задачи большевиков в области национальных отношений. Что же должна означать на практике ленинская национальная автономия? Национальной школы нет. Национальной культуры нет. Экономическая жизнь в государстве единая. Господствующий язык — русский. Разве что немного меньше «полицейщины»? Ну, это вряд ли. Послушайте только: «Недопустимо нигде и никогда о т с т у п л е н и е!» Не яркий ли пример «полицейщины?» Это он ещё не пришел к власти.

Ленинская позиция по национальному вопросу легла в основу программных решений Поронинского совещания ЦК РСДРП. С этой «программой» большевики пришли в революцию 1917 года.

III

В период двоевластия (в апреле-октябре семнадцатого года) ленинская точка зрения на национальную проблему, в принципе, не изменяется. Ленин по-прежнему против «культурно-национальной автономии», против национальных школ, за «слияние рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях».²²

²⁰ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 20, с. 5.

²¹ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 19, с. 453.

²² — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 24, с. 270.

Однако конец российского самодержавия резко стимулировал рост национальных движений народов империи. Требуют у Временного правительства реализации права на самоопределение Финляндия, Украина, Польша (требования последней — лишь формальность, т. к. к 17-му году Польша уже оккупирована немцами). В условиях продолжающейся войны и развала империи требования народов игнорировать было уже нельзя. Никому, в том числе и большевикам.

И Ленин делает тактический ход. Он предлагает поддержать требования Финляндии, Польши и Украины об отделении. «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, если Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет. Что тут худого? Кто это скажет, тот шовинист».²³ Bravo, Ленин! Самокритика — это хорошо. Ведь это ваши слова: «Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем мы против отделения». В апреле 17-го недавний ярый противник «ослабления существующей в пределах *одного государства* связи и союза украинского и великорусского пролетариата» заявляет: «Если будет Украинская республика и Российская республика, между ними будет больше связи, больше доверия».

За Лениным не поспеть. Верный ленинец Пятаков предлагает бороться за пролетарскую империю без границ, а Ленин, оказывается, — уже за социалистические г о с у д а р с т в а. Польские социалисты-ленинцы — за союз польских и русских пролетариев в одном государстве, а Ленин считает сегодня такой подход шовинистическим.

У Ленина есть одна отличительная особенность. При очень плохом знании реальной жизни, при полном невежестве во всем, что не касается проблем социализма и борьбы за власть, он, будучи утопистом в стратегии, обладает исключительной гибкостью в вопросах тактических. Никогда не отказываясь от достижения своей главной цели (какой бы фантастической она ни была), Ленин легко меняет лозунги в зависимости от обстоятельств, откровенно рассчитывая на привлечение любой ценой новых сил, т. е., попросту говоря, на обман широких масс. Думаю, что именно это его качество, а не объективная прогрессивность ленинских догматов, позволили Владимиру Ильичу добиться власти.

²³ — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 24, с. 267.

Летом семнадцатого года, на заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, большевистская фракция потребовала удовлетворения просьб Финляндии и Украины, завоевав тем самым репутацию поборника национальной свободы. Финляндии действительно удалось вскоре вырвать независимость, Украина же и до сего дня остается колонией. Так же в октябре семнадцатого ленинская партия предложила Декреты о Земле и Мире, а на деле — втянула народы на долгие годы в новую войну и разорила продразверсткой крестьян. Но лозунги свое дело сделали — обеспечили на какое-то время народную поддержку большевикам.

Завоевание большевиками власти мало повлияло на их политику в национальном вопросе. Лишь в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (заметьте — народа, а не народов) была сделана уступка требованиям эсеров о федерализации (до этого Ленин был безусловным противником федераций): «Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация советских национальных республик».²⁴ И провозглашение «Декларации прав народов России» и признание независимости Украины и Финляндии в декабре 1917 года вполне отвечали требованиям ленинской дооктябрьской национальной платформы. III съезд крестьянских депутатов Белорусской области под давлением большевиков заявил, что Белоруссия является неотъемлемой частью России.²⁵ Что же касается Украины, то вскоре после захвата украинскими большевиками Киева Ленин предложил им прекратить играть в независимость и воссоединиться с РСФСР. Однако игра затянулась. Большевиков вскоре выгнали из Киева. На развалинах бывшей Российской империи возникли новые государства: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Польша, Украина, Грузия, Армения, Азербайджан. Хива и Бухара. В Сибири, на севере, на Дону были белые. Новые независимые государства не только ограничивали пролетарскую империю размерами московского княжества, не только лишали ее важных экономических ресурсов, но и отрезали ее от остального мира, не позволяя тем самым

²⁴ — Декреты советской власти, т. I, М. 1957.

²⁵ — Великая Октябрьская социалистическая революция в Белоруссии, т. II, с. 235, Минск, 1957.

распространить пролетарскую революцию из Москвы в Европу и Азию. Положение было отчаянным. Национальная проблема встала на пути Ленина к мировой революции. Национальную политику партии необходимо было срочно пересмотреть. Лишь идя навстречу национальным требованиям нерусских народов империи, можно было рассчитывать на их поддержку социальной программы большевиков.

Летом-осенью 1918 года были созданы первые национальные компартии: украинская, белорусская, литовская, эстонская, латышская, компартия Туркестана. Революция в Германии вселила веру в победу социалистической революции на территориях бывшей Российской империи, ранее оккупированных немцами. Мелькнула на мгновение, и тут же исчезла, надежда на начало «мировой революции». Ленин теперь хорошо знает, как «социалистическая революция... будет перекидываться в другие страны» — с помощью независимых национальных социалистических республик. Мощная волна движений за национальную независимость, прокатившаяся в 17-19 годах по национальным окраинам бывшей царской России и другим многонациональным империям Европы и Азии, научила Ленина внимательно относиться к национальным проблемам.

В ноябре 18-го — феврале 19-го Всероссийский ЦИК Советов приветствует возникновение независимых советских республик в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии (правда, прибалтийские советские республики продержались недолго — их вытеснили «буржуазные»), на Украине. Конечно же, для Ленина все эти республики были лишь буфером, маскировочным средством для прикрытия борьбы за всемирную пролетарскую державу. Один из многочисленных примеров — 25 декабря 1918 года Совет Обороны Российской республики постановил: «Поручить т. Ленину подписать телеграмму т. Пятакову (председателю Временного рабоче-крестьянского правительства Украины — В. М.) о немедленном распоряжении местным властям беспрекословно выполнять распоряжения Шлихтера (уполномоченного Совнаркома РСФСР по вопросам вывоза продовольствия — В. М.)». Но сейчас Ленин признает национальную маскировку крайне необходимой и уделяет ей первостепенное внимание, понимая, что именно в национальном

вопросе интересы пролетарской революции могут особенно резко столкнуться с интересами народов.

В марте 1919 года будущая национальная политика партии стала предметом серьезного обсуждения на 8-м съезде РКП(б). Вопреки требованиям Бухарина вернуться от лозунга «Право наций на самоопределение» к старому лозунгу «Право трудящих и х с я на самоопределение» и требованиям Пятакова (между прочим, председателя правительства Украины — В. М.) совсем отказаться от признания права нации на самоопределение (такому руководителю Украины совсем нетрудно п р и к а з а т ь вывезти украинский хлеб в Россию), Ленину удалось добиться, чтобы съезд принял его нынешний план решения национального вопроса. Наряду с признанием необходимости ликвидировать все национальные привилегии и «признанием за колониями и неравноправными нациями права на государственное отделение», резолюция съезда содержит и признание «федеративного объединения государств, организованных по советскому типу». В резолюции также подчеркивается, что пролетариат нации угнетающей должен с особой осторожностью и особым вниманием относиться к национальным чувствам «у трудящихся наций угнетенных или неравноправных».²⁶

После окончания гражданской войны 10-й съезд партии принимает развернутую программу по национальному вопросу — «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Большевики вынуждены признать, что «многонациональные государства, строящиеся на господстве одной нации..., являют собою первоначальную родину и основную арену национально-го гнета и национальных движений». Резолюция 10-го съезда обращает внимание на общность национального вопроса и вопроса о колониях, на опасность империалистических устремлений многонациональных держав для других стран и народов: «Дальнейший рост капитализма ..., развитие империализма... усилили среди господствующих наций старых многонациональных государств стремление не только к удержанию старых государственных границ, но и к расширению этих последних, к подчинению себе новых (слабых) национальностей за счет соседних государств. Тем самым национальный вопрос был расширен и, в конце концов, слит ...с общим вопросом о

²⁶ — КПСС в резолюциях..., изд. 7, сс. 416-417.

колониях, а национальный гнет из вопроса внутрисоюзного был превращен в вопрос межгосударственный, в вопрос о борьбе (и войне) «великих» империалистических держав за подчинение слабых, неполноправных национальностей».²⁷ (Это — в 21 году, а еще в 13-м Ленин считал существование многонациональных централизованных государств явлением безусловно прогрессивным).

Гражданская война окончена. Как средство расширения пролетарской империи национальные советские республики больше не нужны — идея «мировой революции» отодвинута на второй план. Но Ленин боится прямого поглощения их Российской республикой — это не будет популярным у нерусских народов. Он ищет форму их объединения: «...изолированное существование отдельных советских республик неустойчиво, непрочно, ввиду угрозы их существованию со стороны капиталистических государств. Общие интересы... повелительно диктуют государственный союз отдельных республик». В качестве формы такого союза выдвигается федерация. «Опыт России, — говорится в резолюции съезда, — с применением различных видов федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, горцы, Дагестан), к федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан) и с допущением промежуточных ступеней между ними (Туркестан, Белоруссия), — целиком подтвердил всю целесообразность и гибкость федерации, как общей формы государственного союза советских республик».²⁸

Интересно, что новую национальную политику партии съезд большевиков определил одновременно с принятием новой экономической политики. Гражданская война многому научила Владимира Ильича. Теперь он очень осторожно относится к решению национальных проблем, одергивает зарвавшихся коммунистов-шовинистов, отвергает идею создания единого государства с автономией для окраин, настаивает на всяческих уступках «националам» при решении вопроса об объединении республик в Советский Союз. Заключительный аккорд ленин-

²⁷ — КПСС в резолюциях..., изд. 7, ч. I, с. 554

²⁸ — КПСС в резолюциях..., изд. 7, ч. I, с. 557

ской национальной политики — резолюция 12-го съезда РКП(б) «По национальному вопросу».

Оказывается в капитализме (причем не только в развивающемся, но и в развитом — финансовом империализме) обнаружены две четко выраженные тенденции: «к интернационализации способов производства и обмена, к хозяйственному сближению народов и постепенному объединению громадных территорий в одно связное целое», и «к уничтожению насильственных колоний и зависимых национальностей от империалистического гнета».²⁹ Буржуазия не смогла найти правильного решения противоречий между развитием этих двух тенденций. Лишь победа социалистической революции дает возможность выхода из сложившейся ситуации. И выход этот (по Ленину) — в объединении национальных республик в Союз советских социалистических республик, который «является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим ... характер объединения народов в единое многонациональное Советское государство».³⁰ Опять многонациональное государство. Но в основе его — братское добровольное сотрудничество народов (так хочет Ленин). Теперь Ленин уже хорошо понимает, что на пути к «братскому сотрудничеству» встанет шовинизм господствующей нации. Резолюция 12-го съезда подчеркивает, что «разговоры о преимуществах русской культуры и выдвигание положений о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурами более отсталых народов являются не чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности. Поэтому решительная борьба с пережитками великорусского шовинизма является первой очередной задачей нашей партии».³¹ Съезд указывает на недопустимость того факта, «что Союз Республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равноправных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого «единого-неделимого».

Несмотря на жестокие уроки реальной жизни, Ленин и в свои

²⁹ — КПСС в резолюциях..., изд. 7, ч. I, сс. 709-710.

³⁰ — КПСС в резолюциях..., изд. 7, ч. I, с. 712.

³¹ — Там же, с. 713.

последние годы все же остается неисправимым утопистом, свято верящим в идею всемирной пролетарской империи: «Союз Республик ...является ...первым шагом к созданию будущей всемирной Советской республики труда».³²

Главная цель В. И. Ленина — добиться того, чтобы система, которую он считал единственно прогрессивной, господствовала во всем мире. Для достижения этой цели годятся любые средства. Направлять движение общества к ленинской цели должна жестко централизованная партия во главе с вождями. Организовать партию необходимо таким образом, чтобы она могла подчинить своему влиянию буквально все сферы общественной жизни отдельных людей, целых народов и, в перспективе, всего человечества.

Все бесчисленные противоречия эпохи Ленин сводит к одному главному противоречию — противоречию между трудом и капиталом, между пролетариатом и буржуазией. Все прочие противоречия — лишь составные элементы главного, а потому должны быть использованы (где, как и когда — зависит от обстоятельств) в интересах борьбы пролетариата.

Ленин смог создать РКП(б) — организацию, готовую на все ради достижения намеченной цели. Ему удалось захватить власть на огромной территории бывшей Российской империи. Он всегда был готов (если представится возможность) «перекинуть» революцию из России на вес остальной мир.

Таким образом, Ленин заложил основы первой тоталитарной системы.

В то же время Ленин был вынужден периодически отступать перед сопротивлением реальной жизни, в том числе — перед мощным национальным движением. И он научился отступать (в отличие от многих своих коллег по партии). Но Ленин всегда оставался Лениным. Ни он сам, ни большевистская партия в целом, никогда не собирались всерьез решать накопившиеся между народами национальные противоречия. Национальная проблема сама по себе — их никогда не интересовала. Они всегда считали, что нации порождены развивающимся капитализмом (а значит: древние египтяне, евреи, греки — не нации) и потому должны вместе с капитализмом погибнуть. Как НЭП был

³² — Там же, с. 716.

временным отступлением перед полной победой социализма (т. е. того, что понимали под этим словом коммунисты), так и ленинская национальная политика последних лет была лишь временной уступкой «националам» перед будущим растворением наций в единой пролетарской империи.

IV

Шестьдесят лет назад, 30 декабря 1922 года, было провозглашено образование СССР. В Союз «добровольно» объединились РСФСР, Украина, ЗСФСР (Грузия, Азербайджан, Армения) и Белоруссия. Каким же он стал — запланированный Лениным — государственный союз, основанный «на договорных отношениях с независимыми союзными республиками»?

Прежде всего — независимость свою республики потеряли. Согласно положениям первой Конституции СССР в ведение центральных органов отошли: а) все международные отношения, включая дипломатические отношения с другими странами, вопросы границ, вопросы войны и мира, законодательство в отношении иностранцев и т. д.; б) вооруженные силы; в) внешняя торговля; г) транспорт и связь. В руках центра оказалась и финансовая система: центр определяет единый бюджет, обязательный для всех республик, размеры налогов, размеры отчислений в фонд общесоюзного бюджета от союзных республик; вводятся единые денежная и кредитная системы. Центру принадлежит доминирующая роль в руководстве промышленностью: центр устанавливает основы планирования и общий план развития всего народного хозяйства Союза, определяет те отрасли промышленности и отдельные предприятия, которые имеют общесоюзное значение и, соответственно, должны находиться в ведении общесоюзных наркоматов. Общие начала землеустройства и землепользования, пользования недрами, лесами и водами, основы судостроительства и судопроизводства, гражданского и уголовного законодательства, основы законов о труде — определяются центральными органами. Они же обладают правом на амнистию и на решение всех спорных вопросов между республиками. Центр также властен менять по своему усмотрению национальный состав населения республики, т. к. он определяет и законодательство о межреспубликанских переселениях (правом этим он впоследствии пользовался неоднократно). Даже основные директивы в

области народного образования и здравоохранения должны поступать из центра. Для всех устанавливается «единое советское гражданство». Советские республики не имеют своих граждан.

А дальше, как бы в насмешку, провозглашается: «Суверенитет союзных республик ограничен лишь (!) в пределах, указанных в настоящей Конституции. Вне этих пределов союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно. Союз Советских Социалистических Республик охраняет суверенные права союзных республик».³³

Посмотрим, что же остается «вне этих пределов». В ведении республиканских наркоматов остаются предприятия местной промышленности, коммунальное хозяйство, социальное обеспечение, искусства (?) и заготовки (для общесоюзных целей). Вот и все. Ах да, еще «право свободного отделения». Но кто будет считаться с желанием республики отделиться, если она не имеет ни собственной армии, ни сношений с внешним миром, ни независимых финансов, ни крупной промышленности, ни транспорта и связи? И органы госбезопасности (тогда ОГПУ) были общесоюзными. Имея в своем распоряжении лишь (вот здесь уж действительно — лишь) коммунальное хозяйство, многого не потребуешь. Пресловутое присоединение Украины к царской России в XVII веке и то давало украинцам больше прав, чем Конституция Союза суверенных республик. Ни одна союзная республика не имела никакой законной возможности защитить свои интересы перед центральной властью. В Совет национальностей — одну из двух палат Всесоюзного ЦИК — избиралось по 5 депутатов от каждой республики, которые всегда в случае конфликтной ситуации оставались бы в меньшинстве. Что уж говорить о правах автономных республик (такая республика имела одного представителя во ВЦИК). Несмотря на резолюции 10-го и 12-го съездов о будущем союзе независимых республик, первая Конституция СССР стала основным законом единого централизованного многонационального государства.

В целом — права и обязанности союзных и автономных республик, законодательно закрепленные в Конституции 24-го года, сохранились почти без изменений и в Конституции 36-го

³³ — Конституция СССР 1924 г.

года (сталинской), и в нынешней Конституции СССР (брежневской). Но это отнюдь не означало, что на протяжении десятилетий национальные проблемы в СССР всегда решались одинаково. В тоталитарном государстве, каким является Советский Союз, общественная жизнь определяется не законом, а волей руководства коммунистической партии. Воля же эта за шестьдесят лет, прошедших с момента образования Союза, менялась не раз.

V

Год принятия первой Конституции СССР — год смерти Ленина. К власти упорно и настойчиво, шаг за шагом, шел И. В. Сталин.

В партии Сталин считался специалистом по национальному вопросу. В 1913 году им была написана брошюра «Марксизм и национальный вопрос», он был первым наркомом национальностей, основным докладчиком по национальной политике партии на 10-м и 12-м съездах. Внешне сталинский подход к национальным проблемам порой напоминал ленинский. Сталин стремился приспособиться к линии руководителя партии, но давалось ему это нелегко. Сын грузинского сапожника был русским шовинистом. Именно его назвал Ленин «великодержавным держимордой».

Сталин всегда был активным противником федерации государств и предлагал «автономизацию» республик в составе РСФСР. Самыми грубыми методами противодействовал он любому проявлению самостоятельности в национальных компартиях. Порой шовинистические настроения Сталина были настолько сильными, что он решался открыто выступить против ленинской позиции. В 22-м году, во время болезни Ленина, Сталин разработал «проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками», где предлагал попросту включить советские республики Украину, Белоруссию, Азербайджан, Грузию и Армению в состав Российской Федерации и распространить на них компетенцию центральных органов РСФСР. Несмотря на то, что республики не согласились на сталинский план, он 24 сентября был принят Оргбюро ЦК, на котором отсутствовал по болезни Ленин.³⁴ Ленин пытался

³⁴ — Ф. Силницкий, Национальная политика КПСС в период с 1917 по 1922 год, Сучасність, 1981, сс. 272-273, 280-282.

противодействовать сталинскому плану, т.к. считал, что в сложившейся обстановке он может помешать решению общих задач пролетарской революции (только в этом все дело — ожидали новых революционных выступлений, причем не только на Западе, но и на Востоке). И все же ЦК РКП(б) принял за основу план Сталина, заменив (под давлением Ленина) «вступление в состав РСФСР» на «объединение в СССР». Но изменилась лишь фраза, а не сущность. Резолюция 12-го съезда партии была также принята по основному докладу Сталина, но отражала еще ленинскую политику уступок «националам», чье сопротивление политике создания «единого и неделимого» было весьма значительным (С критикой сталинского доклада на съезде выступали Раковский, Скрыпник, Гринько, Мдивани, Цинцадзе и др.). Попробуем сравнить сталинские тезисы к 12-му съезду РКП(б) и резолюцию этого съезда. На 90% тексты совпадают. Но чего нет у Сталина? При определении практических мер, необходимых для образования Союза ССР, в тезисах Сталина нет фраз о том, что должно быть «обеспечено равенство прав и обязанностей отдельных республик как во взаимных между ними отношениях, так и в отношении центральной власти Союза», что должны быть «предоставлены республикам достаточно широкие финансовые и, в частности, бюджетные права, обеспечивающие возможность проявления их собственной государственно-административной, культурной и хозяйственной инициативы», должно быть обеспечено «употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях», должны быть «предприняты практические мероприятия по организации национальных войсковых соединений, с соблюдением всех мер, необходимых для обеспечения полной обороноспособности республик».³⁵ И в Конституции СССР, принятой после смерти Ленина, действительно не обеспечены реальное равенство между республиками и центральной властью, самостоятельная обороноспособность республик, финансовые права. Если резолюция 12-го съезда была, в основном, «ленинской», то Конституция 24 года была, без сомнения, «сталинской».

³⁵ — КПСС в резолюциях..., изд. 7, Москва, 1953, сс. 716-717, и И. В. Сталин, Сочинения, т. 5, с. 191.

Уже при жизни Ленина в сталинских руках оказался аппарат ЦК партии. Но аппарат — это еще не вся партия. Личный авторитет Сталина в партии несравним с авторитетом Троцкого, Бухарина, Зиновьева. Прийти к руководству партией, а значит и государством, Сталин мог только через их трупы. Борьбе за партию отдает Сталин все свои силы в первые годы после смерти Ленина. Национальный вопрос интересует его пока мало.

В своих работах двадцатых годов, касающихся национальных проблем, Сталин прежде всего пытается оправдать колебания национальной политики большевиков. Изменения в подходе к решению национальных проблем связаны, по мнению Сталина, с победой Октябрьской революции. Если раньше марксисты считали, что нации должны погибнуть вместе с капитализмом, то и теперь они не отказываются от этой точки зрения, но считают нужным добавить, что отомрут нации буржуазные, а их место займут нации социалистические (какой блестящий пример «диалектики»).³⁶ Сталин также утверждает, что нациям совершенно не обязательно иметь самостоятельные государства, и приводит в качестве примеров для подтверждения своего тезиса не только буржуазные многонациональные государства, но и современный Советский Союз, давая тем самым понять, что не считает союзные республики суверенными государствами.³⁷

В ряде случаев Сталин открыто выступает против «националов» (дело Султан-Галиева, борьба с «национальным уклоном» Хвылевого, Волобуева, Шумского, таинственное исчезновение председателя ЦИК Крымской АССР Ибрагимова).

И все же в двадцатые годы сталинская политика существенно не влияла на национальную жизнь в республиках.

На землях бывших окраин империи начинается подлинное национальное возрождение. У получивших, благодаря НЭПу, относительную экономическую самостоятельность, а с нею и освобождение от гнета нищеты, крестьян растет национальное

³⁶ — И. В. Сталин, Сочинения, т. 11, сс. 338-340.

³⁷ — Там же, сс. 334-335.

самосознание. Национальные языки становятся в республиках доминирующими. Активизируется и национальная интеллигенция. Идет речь и о коренизации, т. е. развитии форм национальной жизни рабочего класса («Даешь пролетариат!» — лозунг Хвylieвого. Впрочем Сталин тут же осудил его за национальный уклон — это уж слишком). Ликвидируется неграмотность.

Преступным пренебрежением к культуре народов своих колоний отличалась царская империя. Более 75% населения Украины — где еще в 17-м веке, накануне присоединения к России, была всеобщая грамотность — оказалось неграмотным к началу революции. Что уж говорить о народах азиатских колоний России. В школах Ферганской, Самаркандской и Сырдарьинской областей в 1912 году занимался лишь 1% мальчиков школьного возраста.

К 28 году на Украине введено всеобщее начальное образование. Уже в 25 году здесь было свыше 30 высших учебных заведений. В том же году выпустил первых специалистов Ереванский университет. К 27 году 1870 выпускников закончили вузы Азербайджана. В это же время уже работали 4 вновь созданных вуза в Белоруссии, в которых обучалось 5000 студентов, и Среднеазиатский университет в Ташкенте. В каждой республике были созданы десятки техникумов и сотни школ.

Обучение в школах, техникумах и вузах ведется, главным образом, на языках республик. Готовятся национальные кадры специалистов. В 27 году, например, 11 техникумов Армении выпустили 1420 выпускников, из них — 1316 армян, 102 азербайджанца и 2 русских. Начиная с 22-23 годов открываются школы для национальных меньшинств, проживающих в республиках: еврейские — на Украине и в Белоруссии, украинские — в России, курдские, ассирийские, абхазские и аджарские — на Кавказе и т. д.

Начинает развиваться и национальная наука. В эти годы образованы Академии наук на Украине и в Белоруссии. В Армению вернулись из эмиграции десятки представителей технической и художественной интеллигенции, среди них — бывший премьер дашнакского правительства Тер-Оганесянц и бывший начальник Армянской железной дороги Юзбашев, известный архитектор Таманян. Не отказываясь от своей привязанности идее национальной независимости, они работа-

ли в системе советских учреждений. Вернулся на Украину и бывший Председатель Центральной Рады, известный историк М. Грушевский. Начало выходить его многотомное исследование «История Украины-Руси». Вся пресса и книгоиздательство в союзных республиках также были переведены на национальные языки.

В республиках создаются национальные литературные объединения: «Голубые роги», «Академики», «Арифони» — в Грузии; «Молодняк», «Узвышше», «Полымя» — в Белоруссии; «Гарт» и «Плуг» — на Украине и т. д. Работают национальные театры, возникают фольклорные ансамбли. На Украине, в Армении, Белоруссии и Грузии развивается национальное кино. Необычайно богатое созвездие имен талантливых поэтов, писателей, режиссеров, музыкантов и художников дают в эти годы республики: М. Рыльский, М. Зеров, П. Тычина, Е. Плужник, П. Яшвили, Г. и Т. Табидзе, К. Гамсахурдия, Я. Купала, А. Исаакян, Л. Курбас, А. Довженко, К. Марджанишвили, Ижакевич, «бойчуковцы», Сарьян, Вериковский, — всех не перечислишь. Столетиями не знали украинцы, белорусы, народы Кавказа такого уровня национальной жизни.

Руководствуясь решениями 10-го и 12-го съездов, партия допускала НЭП и коренизацию, но отнюдь не прекращала классовую борьбу. По-прежнему зверствовало ЧК-ОГПУ. Усилились в эти годы гонения на религию. В Средней Азии и на Северном Кавказе, где наступление на мусульманскую религию означало и наступление на традиционные формы жизни народов, большевики встретили серьезное сопротивление населения. Вульгарно-социологический подход к оценке произведений литературы и искусства способствовал началу настоящей войны против классического культурного наследия. В России эта война против культуры иногда велась под лозунгом борьбы против русского шовинизма. Но гораздо чаще она рассматривалась как борьба с культурой буржуазной (помните, у Ленина — две культуры у каждой нации). Все это было. И все же для многих советских народов — 23-29 годы были годами подъема национальной жизни.

Начатое Лениным строительство тоталитарной системы не было завершено. Еще окончательно не утвердились в качестве единой идеологии государственный атеизм и религия марксизма-ленинизма. Вынужденные отступить, большевики предоставили относительную экономическую самостоятельность крестьянам и относительную национальную свободу народам. Допускалась еще в двадцатые годы и некоторая внутривластная демократия.

К 1929 году Сталин, разгромив оппозицию и введя жесткую централизацию, добился главенствующего положения в партии. Активно проводилось подавление религиозных свобод и одновременное воспитание детей и молодежи в духе новой идеологии. В интересах завершения строительства тоталитарной системы было крайне необходимо ликвидировать два последних очага самостоятельности: крестьянские хозяйства и национальное самосознание народов.

Коллективизация превратила крестьян в государственных крепостных, лишив их земли и собственных хозяйств, подчинив их труд и образ жизни тоталитарной системе.

Сталин рассматривал «национальный вопрос как вопрос по сути дела крестьянский»³⁸ и потому полагал, что коллективизация нанесет одновременно удар и по «национальной обособленности». И справедливо полагал. В 1933 году искусственный голод на Украине, вызванный коллективизацией, практически уничтожил национальную жизнь украинской деревни — шесть миллионов крестьян погибло от голода в течение одного года, остальные превращались в обезличенных рабов. Еще раньше, в 1930 году, были арестованы в связи с сфабрикованным ОГПУ «делом о Союзе освобождения Украины» тысячи украинских интеллигентов. В 1933 году разгром национальных украинских кадров был довершен руками представителя Сталина на Украине — Постышева. Так было подавлено национальное возрождение в самой большой нерусской республике Союза — на Украине. Во время массовых чисток и массовых арестов

³⁸ — И. В. Сталин, Сочинения, т. 7, с. 71.

тридцатых годов были уничтожены национальная интеллигенция и национальные партийные кадры Белоруссии, Закавказья и Средней Азии.

Во второй половине тридцатых годов социализм в СССР был построен. Конечно же, никакого права на владение средствами производства общество не получило (наоборот, потеряло все, что имело) и от эксплуатации трудящиеся отнюдь не избавились, так что вряд ли построенное можно назвать «социализмом». Но создание тоталитарной системы к этому времени было действительно завершено.

В эти же годы Сталин по существу отказывается от интернационализма и открыто переходит на позиции русского империализма.

Началось с пересмотра истории — марксистская историческая школа подверглась критике. Заговорили о влиянии русской культуры на культуру других народов. В республиках увеличилось количество русских школ, русский язык стал обязательным для изучения в нерусских школах. В 38 году газета «Правда» выходит с передовицей «Русский язык — достояние советских народов». Тогда же, на 14-м съезде КП(б)У, первый секретарь компартии Украины Хрушев заявил: «Враги народа, буржуазные националисты, знали силу и влияние русского языка, русской культуры... Поэтому они вытравливали из школы русский язык... Товарищи, сейчас все народы будут изучать русский язык».³⁹ Восстанавливались традиции русской империи. Во время Отечественной войны Советский Союз окончательно превратился в российское государство. В кабинете Сталина портреты Маркса и Энгельса заменили на портреты русских полководцев. В Красной армии ввели военную форму по образцу формы армии царской. Не скрывалось, а, напротив, всячески подчеркивалось, что это армия русская — наследница русской воинской славы. На банкете в честь победы над фашизмом Сталин провозгласил тост «за великий русский народ»: «Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, которые входят в состав Советского Союза. Я пью за здоровье русского народа не только потому, что он заслужил в этой войне всеобщее

³⁹ — Газета «Правда» от 16. 6. 1938 г.

признание, как руководящая сила Советского Союза среди всех народов нашей страны..., но и потому, что у него ясный ум, стойкий характер и терпеливость... он верил в правильность политики советского правительства... И это доверие русского народа стало той решающей силой, которая обеспечила решающую победу».⁴⁰ И это несмотря на то, что наибольшие жертвы в войне понесли Украина и Белоруссия, и нерусские народы отдали борьбе с фашизмом миллионы жизней. Не жертвы важны для Сталина, а доверие самого большого народа империи к его власти. В Сибирь и Казахстан органами НКВД-МВД насильно высылались целые народы: чеченцы, ингуши, карачаевцы, калмыки, балкарцы, немцы Поволжья, месхи, крымские татары (многие сотни тысяч женщин и детей погибли в дороге). Одна за другой инспирировались антисемитские кампании. Началась борьба против космополитизма, за всемирное первенство русской науки. Россия становилась светочем народов: «Наиболее выдающейся нацией в семье равноправных народов, входящих в состав Советского Союза, является русская социалистическая нация ...русская нация завоевала искреннее уважение и доверие к себе со стороны всех наций и народностей Советского Союза, заслужила общее признание как руководящая нация. Русская культура и русский язык, ставшие достоянием широких масс социалистических наций СССР, помогают их дальнейшему сближению».⁴¹ Это из энциклопедии 1954 года.

20-й съезд КПСС осудил культ личности Сталина, но не его проявления в сфере национальных отношений. И сегодня проигрывается все та же пластинка: «Русский рабочий класс совершил настоящий подвиг, пошел на жертвы во имя преодоления отсталости национальных окраин». Правда теперь заговорили о едином советском народе: «Границы национальных республик... в СССР не имеют уже былого значения, не ведут к обособлению наций. Происходит постоянное и всестороннее общение между нациями, которые стремятся разумно использовать территорию СССР как общее достояние советского народа... сближение наций приводит к развитию новых интернациональных общностей, таких, как советский народ, крепнувшее содружество социалистических народов»

⁴⁰ — И. В. Сталин, т. 15, сс. 204-205.

⁴¹ — Большая советская энциклопедия, 2-е изд., ст. «Нация», с. 309.

(уже под угрозой существование всех народов «социалистического лагеря»).⁴² Это написано уже в 1974 году. Ни у кого не вызывает сомнения, что языком «советского народа» будет язык русский: «Русский язык все нации и народности добровольно избрали в качестве общего языка межнационального общения и сотрудничества».⁴³

Сегодня в глазах всего мира советский империализм стал империализмом русским: «Русские танки в Венгрии!.. в Чехословакии!.. в Афганистане! Русские угрожают Польше». Русские! Конечно же, русский народ не может и не должен отвечать за все преступления советского тоталитарного режима. Русский империализм — общая трагедия всех народов Советского Союза, в том числе и народа русского.

Свидетельств того, что советский тоталитарный режим проводит внешнюю и внутреннюю политику в духе российского империализма, сегодня — более, чем достаточно. Никому не стоит закрывать на это глаза. Каждому, кто заинтересован в демократическом будущем народов, ныне населяющих Советский Союз, важно разобраться, почему так легко (и для многих незаметно) произошел сталинский переворот: от пролетарского интернационализма к российскому империализму.

Марксизм-ленинизм оказался неспособным решить национальные проблемы. Это учение рассматривает нации как явление временное, связывает их существование с капиталистической социально-экономической системой, а потому считает, что при социализме национальный вопрос должен быть разрешен при помощи ассимиляции, т. е. растворения наций. (Национальная политика большевиков, определяемая решениями 10-го и 12-го съездов партии, — вынужденное отступление под напором мощных национальных движений времен I мировой и, особенно, гражданской войн. Это также попытка экспортировать пролетарскую революцию с использованием национальных социалистических республик).

Зато марксизм-ленинизм доказал, что, уделяя основное внимание борьбе за власть любой ценой, он способен создать

⁴² — Большая советская энциклопедия, 3-е изд., т. 17, сс. 375-376.

⁴³ — Там же, с. 370.

тоталитарную систему. Система же эта обязательно требует полного и беспрекословного подчинения себе и всеобщего единообразия, но ей практически безразлично, каким будет «единый образ» (красным, белым, желтым или коричневым). Тоталитаризм — система паразитическая и не может жить без почвы, на которой будет паразитировать. Пролетарский интернационализм в условиях победы революции лишь на территории бывшей Российской империи не мог служить питательной средой для этой системы (лишь тогда, когда тоталитарная система пытается распространиться далеко за пределы этой империи, его удобно вытащить на поверхность). Сталин почувствовал (особенно остро во время войны с немцами), что традиции русского империализма подходят для этой цели гораздо больше.

Конечно же, российский империализм не ставил перед собой глобальных политических задач. Но в его идеологии содержалась тенденция, которая вполне могла послужить интересам тоталитаризма. Эту тенденцию легко заметить у многих выдающихся деятелей России: Ф. Достоевского, Н. Гоголя, К. и И. Аксаковых, К. Леонтьева и др. Выразить ее можно одной фразой: «Москва — третий Рим».

Кроме того, ленинский вариант построения тоталитарной системы опирался не только на марксизм, но и на некоторые русские революционные традиции (Бакунин, Нечаев, Ткачев), что также способствовало закреплению ленинско-сталинской формы тоталитаризма на русской почве. А почва — в силу особенностей исторической судьбы России — была необычной. Но это уже тема для нового разговора.

ПО ПОВОДУ 250-ЛЕТИЯ «ДОБРОВОЛЬНОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ» КАЗАХСТАНА К РОССИИ

Казахстанские газеты и журналы полны статей, посвященных 250-летию якобы добровольного присоединения Казахстана к России. В Москве прошла художественная выставка, в Алма-Ате — научная конференция, снят кинофильм, Казахстан наградили орденом Ленина и т. д.

Вся эта пропагандистская шумиха преследует, безусловно, политическую цель — убедить людей в том, что казахи чуть ли не на коленях просили русский царизм взять их под свое покровительство.

Вице-президент АН СССР Федосеев говорил на научно-теоретической конференции в Алма-Ате, что добровольное присоединение Казахстана к России «соответствовало чаяниям казахских и русских трудящихся».

Подобное могут утверждать лишь люди, далекие от науки. Давайте спросим: разве в Казахстане или в России в те далекие времена проводился референдум, разве могли трудящиеся изъявить свою волю, да еще по вопросам международных отношений? Бесперерывные волнения и восстания, начавшиеся в Казахстане с приходом туда русских, опровергают утверждение академика Федосеева. Если бы академик Федосеев сказал, что казахские феодалы просили русский царизм, это было бы больше похоже на правду, но в таком случае он, очевидно, изменил бы законам партийной демагогии.

* — Махмет Кулмагамбетов (1930 г. рожд.) — бывший преподаватель философии в институтах гг. Чарджоу и Фрунзе, сотрудник института философии АН КазССР. В 1962 г. арестован КГБ и приговорен к 7 годам лагеря строгого режима и 3 годам ссылки по обвинению по ст. 56, ч. 1, УК КазССР (аналог ст. 70 УК РСФСР). Срок отбывал в мордовских лагерях, Владимирской тюрьме и Коми АССР. В 79 году эмигрировал на Запад.

Экономические обоснования демагогии Федосеева заключались в том, что казахи очень нуждались в торговых отношениях с Россией. Как будто для улучшения торговли кто-то кого-то должен завоевывать!

Академик Федосеев сказал, что несмотря на антинародную политику царского самодержавия, добровольное присоединение Казахстана к России сыграло прогрессивную роль во всех областях — экономической, социальной, культурной — жизни трудящихся масс Казахстана.

С этим утверждением академика Федосеева спорить трудно: кто знает, что было бы, если бы России не удалось завоевать Казахстан. Ведь каждый понимает прогресс по-своему. Например, некоторые русские могут понимать русификацию как прогрессивное явление, а казахи — наоборот. Но даже в советских источниках вполне достаточно сведений о том, что в результате российской колонизации казахи теряли свои лучшие земли и попадали под еще более жестокую эксплуатацию.

С точки зрения марксизма колониальный гнет никогда не считался прогрессивным явлением. Но в данном случае академик Федосеев исходит из принципа: «Я украд — хорошо, у меня украли — плохо».

Характерная черта советской историографии — отход от марксизма в угоду великодержавному шовинизму. Чем больше времени отделяет нас от Октябрьской революции, тем больше советские руководители отходят от принципов марксизма. По марксизму завоевание Казахстана Британией, например, было бы более прогрессивным явлением. Но нынешние советские историки с этим вряд ли смогут согласиться.

В самом начале 50-х годов, когда я был студентом КазГУ, шел спор о присоединении Казахстана к России, как о «наименьшем зле». Тогда академик Нечкина повеселила ученых, заявив, что присоединение Казахстана к России было прогрессивным явлением, потому что Россия уже тогда была страной будущего социализма. Теперь этот научный абсурд стал официальной точкой зрения КПСС.

Но обратимся к тем далеким временам. В начале 18-го века царская Россия окружала Казахстан с севера и запада и готовилась продвигаться в Среднюю Азию через казахские степи.

В 1723 году джунгары совершили нападение на Казахстан с юга. Это была страшная трагедия для казахского народа. Трагедия эта получила название «Ақтабан шубырынды», что на русский язык можно перевести как «мучительное пешее брожение». Но в 1728 году казахи смогли разбить джунгаров и прогнать их со своей земли.

Хотя завоевание казахских земель началось еще при Петре I, по советским понятиям присоединение Казахстана к России исчисляется с 1731-го года.

Посмотрим: что же происходило тогда?

В 1731 году 3-го октября в ханскую орду на реке Ирғиз прибывает русский посол Тевкелев, чтобы уговорить казахов принять российское подданство. Уговоры сопровождались прямыми угрозами и подкупом. Когда народ узнал о миссии царского посла, начались волнения, угрожавшие смертью Тевкелеву. Только благодаря задобренным подарками казахским феодалам, охранявшим его днем и ночью, Тевкелеву удалось уехать из степи живым. Народное возмущение понятно. Казахи, будучи по религии, языку, культуре и психическому складу чуждыми русским, не могли питать к ним дружеских чувств.

Следует заметить здесь, что казахи и позже никогда не мирились с колонизацией, доказательством чему являются непрерывные антирусские восстания. А казахские феодалы то присягали русским на верность, то отрекались от присяги. Хан Абылай, например, одновременно (на словах) признавал себя и китайским и русским подданным. Иначе говоря, казахские феодалы вели бесконечную дипломатическую игру с царским правительством.

Через год после миссии Тевкелева Совет казахских ханов большинством голосов (27 из 31) решает не принимать российского подданства.¹

После этого Россия начала интенсивное завоевание Казахстана, одновременно натравливая на казахов калмыков и башкир. Большие силы русских, совершавшие планомерные

¹ — Этот факт подтверждается дневниковыми записями крещеного татарина мурзы Тевкелева и даже опубликованным в 1965 году документом под названием «Российское подданство казахов в представлении казахской феодальной знати и царского правительства».

военные экспедиции в Казахстане, были сосредоточены в Оренбурге (около 37 тысяч солдат) и в Сибири (около 28 тысяч). Началось затяжное завоевание Казахстана, которое окончилось только во второй половине прошлого века.

Даже в 5-томной «Истории Казахстана» последнего выпуска признается, что присоединение Казахстана к России закончилось в 50-60-х годах 19 века. Фактически этот процесс закончился в 70-х годах прошлого века. Но сопротивление казахов колонизации их Россией не прекращалось никогда.

Возьмем к примеру хана Абылая, который едва не объединил Казахстан в единое государство и удостоился быть ханом всех 3-х жузов. Он не только сам был против принятия российского подданства и совершал нападения на русские укрепления, но и призывал башкир воевать против России. Это находит подтверждение в труде Витевского «Неклюев и Оренбургский край», изданном в Казани в 1897 году, и в других документах.

Борьба против Российского нашествия продолжалась и после смерти хана Абылая в 1781 году.

Выдающийся казахский вождь Кенесары Касымов в 1838 году писал царскому губернатору о том, что казахи желают мирного сосуществования, но не согласны платить дань, как не согласилась бы делать это Россия, «если бы те дни, что настали для нас, настали бы для России».

Последнее мощное восстание казахов против колониальной политики царизма было буквально накануне революции — в 1916 году. Возглавил это восстание Амангельды Иманов.

Следует отметить, что дореволюционные русские историки, как и те чиновники, что проводили на практике колонизацию Казахстана, никогда не считали завоевание казахских земель «добровольным присоединением» и не делали вид, что их интересует судьба казахского народа. В «Инструкции» царского правительства 1734 года говорилось, что «... границу со стороны России назначить р. Урал и смотреть, чтобы никто из киргизов (казахов — М. К.) не переходил самовольно на правый берег».² В 1742 году был издан указ, запрещающий казахам кочевать близ р. Урал. «Ежели кто сего е. и. в. высочайшего Указа

² — Алекторов А. Е. Киргизы-казахи. Исторический очерк. — «Оренбургский листок», N 32, 1889.

не послушает и в упрямстве своем подле реки Яик или перешедшую останется, с таковыми повелено как с противниками высочайших е. и. в. указов поступать».³

Постепенный охват казахских степей линией военных укреплений открывал широкие возможности правительственной колонизации. В соответствии с указом Коллегии иностранных дел от 11 мая 1747 года производилось массовое выжигание казахских степей. Русские чиновники стремились посеять вражду между казахами и их мусульманскими соседями. Один из них, Кириллов, донося в Петербург о трениях между казахами и башкирами, писал: «Никогда не следует допускать их в согласие, а в потребном случае надобно нарочно поднимать их друг на друга и тем смирять».⁴ Тот же Тевкелев, подкупая казахских баев, должен был «секретно присмотреть, не найдет ли какой возможности с русской стороны эту орду привести в несостояние, сколько для этого нужно войска употребить и в какое время удобнее произвести это в действие».⁵ Куда уж откровеннее!

А что говорят по этому поводу советские историки?

История Казахстана при советской власти переписывалась, по свидетельству историка Тиллета, 5 раз. В труде Сакена Сейфуллина, Санжара Эсфендиярова и покойного академика Ермухана Бекмаханова под названием «История Казахстана» говорится о том, что Казахстан был завоеван, никакого добровольного присоединения не было, что все домыслы о добровольном присоединении — извращение действительности. То же самое говорится в труде одного из первых руководителей советского Казахстана, ныне реабилитированного Турара Рыскулова.

И, наконец, в Большой Советской Энциклопедии довоенного издания сказано следующее: «С начала 18 в. наступательная политика царизма в отношении казахов усиливается. Развивающиеся торговые сношения России с Ср. Азией побуждают Петра I двинуться на завоевание казахских степей. Торговые пути в Ср. Азию и дальше в Индию пролегли через

³ — Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. (сборник документов), с. 266.

⁴ — С. Соловьев, История государства Российского, т. X, сс. 586-587.

— Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. (сборник документов), сс. 389-390.

Казахстан. При Петре I закладываются Омская (1717), Семипалатинская (1718) и Усть-Каменогорская (1720) крепости. Еще раньше в устье р. Урала был основан г. Гурьев (1640), и образовались многочисленные казачьи станицы по р. Уралу (Яику). Принятие ханами Малой и Средней Орды подданства русокого царя вызывает волнения в казахской степи. С помощью военных отрядов, опиравшихся на заложенный в 1745 г. Оренбург (крепость), казахи приводятся к покорности. Легенда, усиленно распространявшаяся великодержавными шовинистами и казахскими буржуазными националистами, о „добровольном подданстве“ казахского народа — явная ложь».⁶

Как говорится, унтер-офицерская вдова сама себя высекала.

Ко всем дореволюционным историческим трудам теперь в Советском Союзе доступ закрыт, т.к. изменилась оценка прошлого со стороны советских вождей. Почему? Не потому ли, что открылись не известные прежде исторические факты? Вовсе нет.

Дело в том, что после Второй мировой войны политика КПСС стала более шовинистической. Например, если в школьных учебниках до войны генерала Скобелева, который отличился жестокостью в Туркмении, называли «кровавым генералом», то теперь он национальный герой. Вспомните, хотя бы, кинофильм «Герои Шипки».

Невозможность появления теперь в Советском Союзе объективной истории Казахстана я хочу показать на примере профессора Бекмаханова.

Профессор истории Казахского университета Бекмаханов в 1954 году представил диссертацию о национально-освободительном движении в Казахстане под руководством Кенесары Касымова. Ему за диссертацию «присудили» — нет, не докторскую степень, а ...25 лет тюремного заключения. Его единомышленника Бек Сулейменова осудили на 20 лет лагерей. В моем университете (КазГУ) прошли собрания, посвященные осуждению «феодально-байского национализма» Бекмаханова и Сулейменова. Несколько студентов, выступивших в защиту Бекмаханова, были изгнаны из университета. Таким образом, «объективность» в оценке движения Кенесары Касымова была восстановлена. Вот так именно надо понимать партийность советской науки.

⁶ — БСЭ, 1939, т. 30, с. 590.

После такого случая не приходится сомневаться в том, что все казахские историки будут писать о «добровольности и прогрессивности» присоединения Казахстана к России.

И никого не смутит, что Казахстан не мог присоединиться к России добровольно, хотя бы просто потому, что такой страны в XVIII веке просто не было: Казахстан представлял собою раздробленные ханства. Не волнует советских историков и то, что в действительности Казахстан завоевывали в течение 120-140 лет. Поступил приказ отметить 250-летие «добровольного присоединения» — отметим. Хотя, следуя исторической правде, назвать юбилейную годовщину надо бы «250-летием с начала интенсивного завоевания казахских земель Россией».

Когда-то М. Горький писал в «Русских сказках»: «Егорка, ступай надергай фактов из истории, в доказательство того, что она не повторяется, и наоборот...»

Егорка — ловкий, живо надергает, барин украсится фактами, сообразно требованиям обстоятельств, и доказывает все, что ему надобно, и неуязвим».

Я думаю, что М. Горький немного утрировал картину царской России. Тогда было больше свободы у историка.

А что теперь? Вот, извольте, документ. Барин в ЦК Компартии Казахстана по директивному указанию из Москвы приказывает, как надо писать историю Казахстана и что показывать народу:

«Академии наук Казахской ССР» в планах научно-исследовательских работ *предусмотреть* дальнейшую разработку и исследование *прогрессивной роли России в исторических судьбах народов Казахстана, многогранных социально-экономических и культурных связей между народами, развивающихся под влиянием мудрой ленинской национальной политики КПСС.*

Редакциям газет и журналов, Гостелерадио Казахской ССР, КазТАГУ *ярко и глубоко раскрывать прогрессивное значение добровольного присоединения Казахстана к России*⁷...

Не позавидуешь советским егоркам-историкам!

В заключение я хочу сказать, что казахи-феодалы нанесли большой вред казахскому народу своей междуусобной борьбой. Много было среди них темных, жадных и глупых людей. Но

⁷ — Газета «Казахская Правда» от 30 октября 1981 года.

следует ли их в том особо тяжко обвинять, если советские руководители — руководители огромной многонациональной империи — в конце XX века лицемерие, обман, коварство и предательство интересов народов считают политической добродетелью.

Приложение I

ПИСЬМО КЕНЕСАРЫ ЗАПАДНО—СИБИРСКОМУ ГЕНЕРАЛ—ГУБЕРНАТОРУ ГОРЧАКОВУ В МАЕ 1838 ГОДА.

«Сановному господину генерал-губернатору потомка хана Абылая Кенесары сына Касыма заявление.

Довожу до сведения Вашей светлости о том, что моим желанием было, чтобы народ двух царств жил спокойно, но Вы, оказывается, думаете, что я перетянул на свою сторону Ваших людей. В связи с этим я хочу сказать следующее: на землях, принадлежащих нашему деду хану Абылаю, Вы построили города и обложили казахов налогом. Таким образом Вы нас притесняете. Мы с этим не согласны, мы не согласны платить налог и находиться под Вашим контролем.

В каком бы Вы состоянии находились, если б те дни, что настали для нас, настали бы для России? Поэтому надо считаться с нашим положением.

Конечно, я присоединил к себе казахов Баянауыла, Каркаралы и Акмола. Я все еще намерен продолжать присоединять к себе свой народ. Если б казахский народ, как раньше, мог жить самостоятельно, как отдельная страна, было бы совсем хорошо. Тогда и Вы и мы могли бы жить спокойно.

Как я слышал, Ваша цель — оторвать нас от Кокандского и Бухарского ханств. Но они, по мусульманскому закону, обязаны защищать нас.

Если бы две страны могли жить тихо и мирно, это было бы лучше всего. Но Ваши градоначальники во время объездов казахских аулов, под предлогом покрытия расходов на съезды, кажется, забирают у казахов хороших лошадей и хорошую одежду.

Хотя имеется царский закон, запрещающий грабить имуще-

ство казахов, градоначальники не внемлют жалобам казахов.

Только недавно у казаха волости Тортуыл, господина Азнабая, насильно увели жену, двух невесток, дочь и вдову сына. Где они теперь находятся — до сих пор не известно.

Имея целью всегда находиться с Вами в дружеских отношениях, я предъявляю следующие требования:

1) уничтожения укрепления Актау;

2) уничтожения города Акмола;

3) полного уничтожения подобных мест и учреждений, построенных на нашей земле;

4) освобождения всех наших пленных, в том числе двоих, посланных к султану Конуркулу.

Для уверения в этом, я султан Кенесары сын Касыма приложил свою печать.»⁸

Приложение II

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ РАБОТ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА, ДАННЫЕ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ.

1936 год.

В.Лебедев, Из истории *завоевания* Казахстана царской Россией (1730-1832), «Борьба классов», ном.10, сс.60-69.

1940 год.

А.Баймурзин, Из истории *захвата* царизмом Большой и Средней Орд, «Известия Каз. филиала Акад. Наук СССР», серия истор., вып. I, сс.95-107.

1948 год.

Н.Г.Апполова, *Присоединение* Казахстана к России в 30-х годах XVIII века, Алма-Ата, АН КазССР, с. **254**.

1955 год.

Г.Дахшлейгер, Н.Апполова, *Добровольное присоединение* Казахстана к России, «Вестник Академии Наук КазССР», ном. 5, сс.14-27.

С.Е.Талыбеков, *О реакционной борьбе* казахских султанов и батыров Младшего Жуза *против добровольного присоединения* к России, «Вестник Академии Наук КазССР», ном. 6, сс.43-59.

8. — Исторический архив КазССР. Фонд 82. опись 1. дело 169, сс. 16

НИКОЛАЙ ПЛАХОТНЮК — АРЕСТ И СЛЕДСТВИЕ*

Трагична судьба человека, которого госбезопасность, арестовав в 1972 году и не найдя в чем обвинить, продержала почти десять лет в психушках. И вот теперь, через шесть месяцев после освобождения, новый арест. Дело инсценируется. *И опять у следствия нет доказательств не только вины Н.Г.Плахотнюка, но даже инсценировку свою органы следствия — а точнее: госбезопасность — не могут представить сколько-нибудь убедительно. И снова Н.Г.Плахотнюка, человека психически здорового, заталкивают в психушку. На этот раз — ни за что, потому что теперь, даже с точки зрения властей, за Н.Г.Плахотнюком нет ни малейшей вины. Арест ни за слово, ни за что-то написанное, а чисто по-сталински — ни за что. В этом и есть особенность его дела.*

5 марта 1981 года из Смелянской областной психиатрической больницы был освобожден Николай Григорьевич Плахотнюк после девяти с половиной лет, проведенных в психбольницах специального и общего типа. После освобождения он пытался устроиться на работу в Киеве или в поселке Дымер, где работал и жил до ареста, но все попытки окончились неудачей; ему было сказано, что работу и прописку в Киеве получить не удастся, хотя формально пребывание в психиатрической больнице не влечет за собой никаких ограничений в выборе места жительства.

8 апреля он был избит неподалеку от дома брата; были сломаны ребра и отломлены поперечные отростки тазовых позвонков. Около месяца Н.Г.Плахотнюк провел в хирургическом отделении киевской больницы. При выписке его предупредили, что последствия побоев могут проявляться в любое время сильными болями, невозможностью свободно передвигаться и ревматическими осложнениями. Выписавшись в мае, он снова ищет работу, обращаясь в другие области Украины и РСФСР, предпринимая поездки в надежде найти работу. В Министерстве

* — Материал поступил из Самиздата, печатается с незначительными сокращениями.

здравоохранения Украины ему пообещали предоставить работу в Киевской области. Из городской противотуберкулезной больницы поступил на него запрос, но работа Н. Г. Плахотнюку не была предоставлена, хотя вакансия сохранялась. По поводу работы писал он, в частности, в Жашковский противотуберкулезный диспансер (Черкасская обл.), откуда получил письменный ответ, что вакантных мест нет. Однако Министерство здравоохранения УССР направило его в Черкасский облздрав, где он получил направление именно в Жашковский противотуберкулезный диспансер.

На следующий день по прибытии в г. Жашков Н. Г. Плахотнюка направляют на курсы повышения квалификации в стационар областного противотуберкулезного диспансера в Черкассах. Курсов фактически не оказалось; его прикрепили к аспиранту первого года заочного обучения. Н. Г. Плахотнюк был оформлен как проходящий интернатуру и получал зарплату на треть меньше, чем врач. Не решился вопрос и с обещанным жильем. Но, несмотря на все это, он испытывал чувство профессиональной радости: «Сегодня исполнилась неделя, как я снова надел белый врачебный халат! Через 9,5 лет! Неопишущее ощущение!» За ним закрепляют палату больных, а затем поручают вести больных врача, уезжающего в отпуск. Он с радостью берется за эту работу и успешно ее выполняет. Поскольку возможностей для повышения профессионального уровня здесь не оказалось, Н. Г. Плахотнюк обращается к начальству с просьбой направить его на постоянно действующие курсы в Киев, Львов, Житомир или в один из городов РСФСР. Главный врач диспансера отказывает. Тем временем ближайшие коллеги пробуют заводить с ним беседы на политические темы, которые он не поддерживает.

Н. Г. Плахотнюка поселили в общежитии, в пригороде Черкасс; на субботу и воскресенье уезжал к невесте — Валентине Максимовне Чорновил — которая ждала его все эти годы.

В самом начале сентября Николай Григорьевич по поручению больничного начальства поехал в городскую библиотеку, где случайно столкнулся с неким Соколовым, знакомым Плахотнюку по Смелянской областной психиатрической больнице; по своей доброте и отзывчивости Николай Григорьевич выслушивал рассказы Соколова, но прервал с ним отношения

после того, как тот украл у него часы. Соколов умолял извинить его за «слабость» и настаивал на новой встрече и на том, чтобы Плахотнюк написал для этого записку к начальству Соколова, чтобы того отпустили на субботу и воскресенье в гости. За совершение уголовного преступления В. И. Соколов — ему около 25 лет — отбывал наказание «на химии» в г. Черкассы.

4 сентября, в пятницу, в общежитии появляются люди, выдающие себя за строителей и ведущие себя странно; они занимают пустующую комнату напротив комнаты Николая Григорьевича. 5 сентября Плахотнюк уезжает, как обычно, к невесте и возвращается в общежитие только вечером 6 сентября — в воскресенье. Его уже поджидает Соколов, приехавший утром 5-го и оставшийся до возвращения Николая Григорьевича. Поскольку время было позднее, Плахотнюк не мог отказать ему в ночлеге. Соколов остался.

А около 11 часов вечера один из выдававших себя за строителей спустился к телефону коменданта на первый этаж и вызвал милицию. Двое других в это время взломали дверь в комнату Плахотнюка, где Соколов остается в кровати еще полчаса, дожидаясь милиции. Прибывшая милиция арестовывает Плахотнюка, предъявив обвинение по ст. 122 ч. 2 УК УССР. Свидетелями по его делу становятся так называемые строители (которых больше никто никогда не видел) и некий Зекунов Е. В. Последнего возили на допрос, по словам его матери, уже 8 сентября, а затем с ним беседовали 6 раз, причем встречались с ним представители КГБ. Когда близкие Н. Г. Плахотнюка пробовали говорить с Зекуновым и, взывая к его совести, просили сказать на суде правду о его отношениях с Плахотнюком, он ответил, что боится сказать не то, чего ждут следственные органы, потому что не хочет оказаться в тюрьме и остаться там навсегда. Ранее Зекунов был условно осужден за изготовление наркотиков и был направлен на экспертизу и лечение в Смелянскую психиатрическую больницу. С его помощью следственные органы обвиняют Плахотнюка в том, что он «спаивал несовершеннолетнего».

30 сентября Николая Григорьевича доставили в Черкасскую областную психиатрическую больницу на экспертизу. Он был признан вменяемым. Тогда его повезли на повторную экспертизу, теперь в Институт им. Сербского в Москву, куда прибыл 30 декабря.

Следствие по делу Плахотнюка ведет следователь Ищенко В. П. Николай Григорьевич Плахотнюк виновным себя не признает и пишет жалобы в надзорные инстанции. Следователь Ищенко В. П. угрожает невесте Н. Г. Плахотнюка, шантажируя ее, в частности, тем, что желает возбудить против нее дело за отказ от показаний в качестве свидетеля. В. М. Черновил послала жалобу Генеральному прокурору СССР, в которой подробно изложила все обстоятельства дела. Узнав, что Николай Григорьевич находится в Институте им. Сербского, В. М. Черновил поехала в Москву, чтобы встретиться с врачом. За день до ее отъезда к ней на работу — она преподает украинский язык и литературу в школе — приехал сотрудник ГБ Голубов, который, применяя угрозы, упоминая о больных родителях, остающихся дома, отговаривал ее от поездки. Сам приезд сотрудника КГБ по делу Плахотнюка, который обвиняется в уголовном преступлении, свидетельствует о том, кто автор этого бездарно сфабрикованного дела.¹

Николай Григорьевич Плахотнюк родился 3 мая 1936 года в селении Фосфорит Щигровского района Курской области (в настоящее время Фосфорит слился со Щиграми). Сюда в 1933 году, спасаясь от голода на Украине, приехали его родители с многодетной семьей. Здесь они работали на шахте по добыче фосфоритов и на суперфосфатном заводе; таким образом крестьяне из Киевской области стали рабочими. Окончив 7 классов, на заводе работали братья Степан (1918 г. рожд.) и Василь (1920 г. рожд.). Василь впоследствии работал в Туле, в Мурманске; в армию был призван еще до войны. Третий брат Филипп (1923), когда началась война, ушел на фронт, окончив сокращенный офицерский курс, и погиб в звании мл. лейтенанта. Братья Степан и Василь тоже всю войну воевали; уцелел и вернулся один Василь.

В декабре 1941 года немцы выселили все население Фосфорита. Семья Плахотнюков осталась без крова и каких-либо средств к существованию среди морозной зимы. Родители решили пробираться на Украину, в Тихий Хутор.

1. В начале февр. 1982 к-сией Ин-та им. Сербского Плахотнюк признан вменяемым, позднее, м. б. в Черкассах, осужден по ст. ст. 122 и 208 УК УССР («Мужеложство» и «Вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность») на 4 г. ИТК.

В начальных классах Николай был пионером. Ему поручали выпускать стенные газеты и фотомонтажи: «Спасибі великому Сталіну за наше щасливе дитинство!» — выпускались фотомонтажи, а дети в классе пухли от голода и падали в обморок от слабости...

В 14 лет Николай вступил в комсомол, избирался секретарем ученической первичной организации.

В 1955 году закончил 10 классов Тихохуторской средней школы, а затем два года пришлось почти непрерывно лечиться — заболел массивной формой туберкулеза легких, оперировался. Впоследствии случались обострения, которые лечили амбулаторно или в туберкулезных санаториях.

В 1959 году Николай Плахотнюк окончил Киевское медицинское училище №1, фельдшерское отделение, и восемь месяцев работал на фельдшерско-акушерском пункте в селе Одайполь Ставищенского района Киевской области, а потом фельдшером Тихохуторского врачебного участка.

В 1960 году Николай поступил на лечебный факультет Киевского медицинского института имени акад. А. Богомольца, который окончил в 1966 году. В институт его привело стремление получить более глубокие и обширные медицинские знания, нехватку которых он ощущал, работая фельдшером. На сей раз он избрал медицину как призвание.

В 1962-63 гг. Николай посещал литературную студию издательства ЛКСМУ «Молодь», которой руководил украинский поэт Дмитро Билоус. Здесь он познакомился со многими молодыми украинскими поэтами: в студии бывали Ирина Жиленко, Мыкола Холодный, Григорий Тименко, Виктор Могильный, Светлана Иовенко — сейчас они издают свои сборники стихов. (О сборнике Ирины Жиленко «Автопортрет у червоному» с восторгом отзывался большой знаток и любитель поэзии Борис Дмитриевич Евдокимов. Он заметил, что, если бы такие своеобразные и честные стихи были изданы не в Днепропетровске, а в Москве, они стали бы событием. Григорий Тименко окончил художественное училище, писал хорошие стихи, но издать их книгой так и не смог; в 1969 или 70 году он покончил с собой.)

В литературной студии много говорили о поэзии Ивана Драча, Лины Костенко, Мыколы Винграновского, Василя Симоненка — их стихи читали в списках. Николай много читал,

развивал свой поэтический вкус, но в конце концов решил, что настоящим поэтом не станет, поэтому тетради своих стихотворных проб уничтожил и больше никогда не писал.

В 1963 году, прочитав в газете о Клубе творческой молодежи «Сучасник» («Современник»), Николай отправился в Октябрьский дворец культуры г. Киева, где в комнате ном. 13 собирался клуб. Руководил им обком комсомола, в частности Тамара Главак, в настоящее время один из секретарей Киевского горкома партии. В клуб приходили многие литераторы, прозаики и поэты, критики, театралы, художники, студенты университета и консерватории, театрального института, сотрудники многих научно-исследовательских институтов негуманитарного профиля. В клубе Николай снова встретил Ирину Жиленко, поэзию которой успел полюбить. Здесь он познакомился с Иваном Драчем, о котором так много слышал раньше. Членами клуба были художники Виктор Зарецкий, Алла Горская, Галина Севрук, Галина Зубченко, Людмила Семькина, Владимир Прядка и другие. Часто приходили критики Иван Светличный, Евгений Сверстюк, Иван Дзюба, поэты Виталий Коротич, Вячеслав Чорновил, Мыкола Винграновский. Клуб организовывал литературные вечера, художественные выставки, музыкальные вечера, которые стали эпохой в жизни киевской молодежи 60-х годов, и не только молодежи. С Клубом творческой молодежи тесно связано имя известного теперь режиссера и поэта Леся Танюка. Близок был к клубу известный украинский поэт Борис Олейник.

Усилиями Леся Танюка и всего клуба в Киеве родился студенческий межвузовский фольклорно-исторический странствующий хор «Жайворонок», Клуб основал традицию шевченковских чтений 22 мая у памятника поэту. После смерти Васыля Симоненко клуб ежегодно проводил и симоненковские вечера.

Ведаая культурным сектором факультета, Николай пытался совместить общественную работу с участием в Клубе творческой молодежи. Он распространял в институте пригласительные билеты на вечера и выставки клуба, приглашал гостей из клуба на студенческие вечера.

Первый такой вечер поэзии состоялся 23 марта 1963 года. Выступали Васыль Симоненко, Ирина Жиленко, Мыкола Сингивский, Мыкола Винграновский, Виталий Коротич, Мыкола Холодный, Григорий Тименко. Зал клуба Киевского мединститу-

та был переполнен; особенно хорошо восприняли студенты стихи Василя Симоненко. На следующий день много студентов-медиков пришло в Октябрьский дворец на вечер, где Василь Симоненко снова читал «Злодіє», «Україні», «Думу про щастя». Второй вечер поэзии состоялся в мединституте 22 декабря 1963 года, через 9 дней после смерти Василя Симоненко. Сцену украшал большой символический его портрет работы Аллы Горской, на столе в кувшине — гроздь красной калины. Вечер начался магнитофонной записью голоса поэта, который читал: «Україно, ти моя молитва, ти моя розпука вікова. Громотить над світом люта битва за твоє життя, твої права». А затем на трибуну без объявления, но и без какой-либо заминки выходили ораторы и поэты. Иван Светличный тихо, но смело и страстно произнес речь о Василе Симоненко — поэте-гражданине. Михайлина Коцюбинская читала стихи Василя Симоненко и Лины Костенко: «Можна вибрати друга і по духу брата, та не можна мати рідну вибирати...» Свои стихи читала Ирина Жиленко и Виталий Коротич. Студенты университета читали Шевченко, Ивана Драча, Симоненко. Критик Евгений Сверстюк говорил о Симоненко и о «шестидесятниках» в украинской литературе и общественной жизни. На вечере зачитали телеграммы двух молодых прозаиков, которые тогда несли службу в армии, а сейчас стали известными писателями: «Україна зазнала великої втрати. Настав час випробувань (испытаний). Згуртуємось (давайте сплачиватися)» — одна из этих телеграмм.

Когда начал говорить Евгений Сверстюк, Николая вызвали из зала, и представитель парткома приказал немедленно прекратить выступление Сверстюка и закрыть вечер. Николай этого не сделал, и вечер благополучно закончился; но в последующие дни ему пришлось пережить горечь многих порицаний: разбирали в парткоме института, в обкоме комсомола, который вынес Плахотнюку выговор за организацию литературного вечера на низком идейном уровне. Николай тогда долго сокрушался, не понимал ни намеков, ни прямых обвинений. Он не понимал, почему нельзя дать человеку высказаться. Его поразили вопросы: с какой целью в программу были включены стихи Шевченко? В частности, стихотворение «Осіт гл. XIV»? Почему выбрали стихи Ивана Драча, а не Павла Тычины? Это была первая встряска, после которой Николай на некоторые вещи стал смотреть несколько иначе.

Летом 1963 года он написал письмо в Министерство высшего образования УССР, в котором поставил вопрос о преподавании в Киевском мединституте на украинском языке. Свое предложение он аргументировал тем, что в институте обучаются преимущественно украинцы или те, кто изучал украинский язык в школе. Он ссылаясь на указания Ленина об употреблении родного языка вообще и украинского в частности.

Письмо по инстанциям переслали ректору института проф. Василию Дмитриевичу Братусю, и он вызвал Плахотнюка на беседу. Ректор сказал, что согласен с каждым словом письма, но изменить ничего не может, т.к. в институте занимаются иностранцы, которых нужно обучать на русском. Он также отметил, что, к сожалению, украинский язык умирает, особенно среди рабочего класса. После беседы, которую ректор вел на чистом украинском языке, оба отправились на институтскую комсомольскую конференцию, где не было иностранцев, однако ректор свою речь произносил на русском.* Плахотнюк незамедлительно попросил слова и вышел вслед за ректором на трибуну. Он напомнил, что в зале все понимают по-украински и напрасно комсомольцы стыдятся родного языка. Затем призвал комитет комсомола начать подготовку к 150-летию со дня рождения Тараса Шевченко — этой юбилей в 1964 году отмечали во всем мире.

Так Николай Плахотнюк стал «белой вороной».

До девятнадцати лет он жил в селе Тихий Хутор, где ни на каком языке, кроме украинского, никто не говорил. Учителя отмечали наклонности Николая к гуманитарным наукам, в том числе к языкам: русскому, немецкому, но прежде всего к украинскому. Директор школы и преподаватель украинского языка и литературы Зинаида Фаддеевна Савчук сумела привить навсегда любовь к родному слову. В школе учили, что все языки в СССР равноправны, что украинский на Украине является государственным, что каждый должен любить свой родной язык. Воспитывался Николай в патриархальной семье (в 40-50-е годы весь Тихий Хутор был таким: до 1953 года не было радио, электричество появилось лишь в начале 60-х годов), где с уважением относились к традициям, к религии. Однажды брат

* Проф. Братусь до своего ректорства и после него был министром здравоохранения УССР.

Иван употребил в письме слово «деньги» вместо «гроші», мать несколько дней подряд говорила: «Как же! Не успел обжиться в городе, как уже забыл говорить по-простому. Откуда у него такое тяготение к панству?» Или: «Гм... уже не гроші, а деньги!» Эту женщину невозможно упрекать в буржуазном национализме (образование — два класса церковно-приходской школы, отец был совершенно неграмотным), но вот появился какой-то подсознательный протест против засорения родного, или «простого», языка.

С таким пониманием вещей Николай стал студентом столичного вуза, где только некоторые предметы преподавались на украинском языке, и то непонятно зачем. Например, лекции по биологии читала профессор Кострюкова, русская из Ленинграда, на великолепном украинском. Но все ее ассистенты вели практические занятия на русском. Микробиологию читали и практические занятия вели на украинском, но тот же профессор полностью украинизированной кафедры издал пособие к практическим и лабораторным занятиям на русском языке. Другие учебники тоже все на русском.

Плахотнюк свободно владел обоими языками, но считал долгом говорить на украинском везде и всегда и знал, что и студенты, и преподаватели украинский понимают. Более того, в общезнании почти все студенты говорят по-украински, в институте во время перерыва — по-украински, а стоит переступить порог аудитории — по-русски. И Николай, который по-украински принципиально говорил везде и всегда, вскоре все чаще стал слышать доброжелательные и недоброжелательные реплики в свой адрес: «бандеровец», «националист», «щирий українець» и т. п.: эти пока еще шутки заставляли его думать, и постепенно он пришел к тому, что написал письмо в Министерство высшего образования и предложил вести преподавание на украинском языке. Впоследствии патопсихолог Казанской спецпсихбольницы Алиса Алексеевна Андреева заключила, что «очевидно» именно тот момент, когда Плахотнюк противопоставил себя коллективу, и стал началом заболевания. Николай (на украинском языке) попытался объяснить врачу, что насчет противопоставления не думал, а поступил так «органично», но она продолжала утверждать свое: «Вы должны понимать, что стали белой вороной».

Тогда в институте он уже начал это понимать. Но уже не хотел быть другой вороной. Он с удовольствием посещал клуб «Сучасник», литературные вечера, выставки, концерты, стал активным членом клуба, распространял приглашительные билеты, договаривался с поэтами, артистами об их участии в том или ином вечере, снимал помещения для вечеров, которые проводил клуб молодежи.

Весной 1963 года состоялся организованный клубом «Сучасник» вечер, посвященный творчеству Ивана Франко, в актовом зале Киевского технологического института. Выступили артистка Татьяна Цымбал, народная артистка СССР Диана Петриненко, свои стихи читали Мыкола Винграновский, Виталий Коротич. Затем участники вечера вышли на улицу, зажгли факелы и с факелами прошли по всему Киеву к памятнику Ивана Франко. Здесь вечер продолжался. Артисты и поэты читали стихи Ивана Франко и свои.

Второй памятный вечер состоялся 11 марта 1964 года — юбилейный шевченковский вечер в Большом зале Октябрьского дворца. Николай Плахотнюк был ответственным за музыкальную часть: в его задачу входило договориться с коллективами и артистами участвовать в вечере бесплатно. В первой части концерта были прочитаны четыре поэмы Шевченко: «Сон», «Єретик», «Кавказ», «І мертвим, і живим,...» Сцена, оформленная Галиной Севрук и Аллой Горской, была затемнена, в глубине — очертания глыбы, похожей на книгу, стоящую ребром. Когда чтецы выходили на сцену, на глыбе этой во мраке зажигалось «Кобзар». Зал неистовствовал. Было ясно, что состоялась стихийная, неожиданная демонстрация. Вторая часть, когда поэты читали свои стихи, уже не воспринималась. Когда Виталий Коротич читал хорошие стихи о Шевченко, многие покидали зал, желая остаться под впечатлением слова самого Шевченко.

Шевченковские вечера устраиваются на Украине часто, но на них редко можно услышать поэзию Шевченко. Принято читать ранние баллады, стихи, посвященные Кобзарю, исполняются песни на его стихи, да еще непременно песни советских композиторов — духа шевченковской поэзии на таких вечерах не бывает. А со сцены Октябрьского дворца 11 марта поэзия Шевченко прогремела во весь голос. Поэмы читали дикторы украинского радио Петр Бойко, Евенко, артист Паламаренко.

Впоследствии даже в оформлении пригласительного билета на этот вечер был усмотрен умысел: билет складывался в книжечку, на каждой странице которой (всего четыре страницы) набирались слова из стихотворения Шевченко. Если же книжечку разогнуть, цитаты читались подряд: «караюсь, мучусь» — «але не каюсь» — «в сімї вольній, новій».

К началу 1964 года относится увлечение Николая хором «Жайворонок». Как уже говорилось, этот межвузовский студенческий фольклорно-этнографический странствующий хор был создан в клубе «Сучасник» усилиями Леся Танюка с помощью обкома комсомола и республиканского хорового общества. В его репертуар входили украинские обрядовые и народные песни и танцы. Художественный руководитель и все в хоре работали бесплатно. Репетировали дважды в неделю: в воскресенье — в университете, в среду — в консерватории. Сложилась традиция после репетиции выходить на берег Днепра петь песни. Главной задачей хора были летние, во время каникул, поездки по Украине, выступления перед населением. «Жайворонята» гордятся встречей летом 1963 года в Каневе с Васылем Симоненко и Аллой Горской, которые были кумирами студенческой молодежи, потому что их творчество отличалось не только незаурядным талантом, но и гражданственностью и бескомпромиссностью.

«Жайворонок» и другой фольклорно-этнографический ансамбль Киевского университета «Веснянка», которым руководил член Клуба творческой молодежи Владимир Нероденко, взялись возродить колядки, щедрование, купальские праздники, веснянки. Их примеру последовали студенты театрального института, консерватории, медицинского, политехнического, педагогического институтов, культурно-просветительного техникума. Однако это начинание не встретило поддержки горкома и обкома комсомола, хотя открыто и не запрещалось.

Зимние каникулы 1965 года Н. Плахотнюк проводил во Львове, который посетил впервые. Его познакомили со студентами консерватории, Львовского университета, политехнического института, и на одной из встреч Николай рассказал им о клубе «Сучасник», о «Жайворонке», предложив организовать аналогичный хор во Львове. И вскоре с разрешения обкома комсомола во Львове родился фольклорно-этнографический странствующий хор «Гомін» — Николая известили об этом

события телеграммой. В основу репертуара «Гоміна» были взяты украинские галицкие народные песни.

Летом 1965 года хор совершил путешествие по Галиции в Карпаты. В гуцульском селе Шешоры студенты приняли участие в импровизированном открытии памятника Шевченко. Праздник намечался на воскресенье середины августа; з село съезжались гуцулы из окрестных мест, туристы со всех уголков Карпат, интеллигенция из Одессы, Киева, Львова. Но местная власть почему-то решила отложить открытие памятника; более того, некоторых путешественников, направляющихся в Шешоры, задерживала милиция, проверяла документы, отговаривала ехать в село. Ломались графики движения автобусов и т.п. Люди все-таки добрались и собрались у памятника; началось импровизированное его открытие. «Гомін» пел песни, студенты читали стихи Шевченко и Васыля Симоненко. Среди собравшихся узнали артистку Татьяну Цымбал, попросили ее почитать Шевченко, она не отказалась и на радость людям читала много и проникновенно.

За участие в этом празднике ансамбль «Гомін» был распущен. Надо отметить, что памятник в Шешорах был воздвигнут по инициативе простых гуцулов и на их средства.

В конце апреля — начале мая 1963 года Николай Плахотнюк принял участие в путешествии клуба «Сучасник» по Украине. Экскурсию сопровождал доктор искусствоведения археолог Григорий Никонович Логвин; в поездку отправились поэт Иван Драч, критики Иван Светличный, Евгений Сверстюк, художники Алла Горская, Галина Севрук, Галина Зубченко, Людмила Семькина, Вениамин Кушнир, студент художественного института Владимир Прядка, студент консерватории Вадим Смогител, врач Эраст Бинашевский и др. Эта поездка оставила в сердце Николая вечный добрый след. Он познакомился с людьми, которых подсознательно давно искал. Он уже не чувствовал себя «белой вороной».

В путешествии удалось увидеть множество архитектурных и исторических памятников. Маршрут был: Киев — Житомир — Новоград-Волинский — Острог — Кременец — Почаев — Тернополь — Каменец-Подольский — Хотин — Хмельницкий — Меджибож — Киев. После этой поездки и встречи с единомышленниками Николай ясно понял, что предпочитает навсегда

остаться «белой вороной», хотя и знал, что быть «белой вороной» нелегко.

В конце августа 1965 года по Украине прошли политические аресты. Среди арестованных оказались знакомые Николая по Клубу творческой молодежи: Иван Светличный, Александр Мартыненко, Ярослав Геврич. Николай недоумевал.

Ярослав Геврич — студент стоматологического факультета Киевского мединститута — 1 сентября 1965 года должен был явиться на пятый курс, но на занятия не приехал, прошел слух, что он арестован. С Гевричем Николай жил в одном общежитии, вместе ходили в хор «Жайворонок», вместе организовали в институте дружину колядников. Геврич сумел восстановить институтскую капеллу бандуристов, прежде знаменитую. Николай считал невозможным для себя остаться в стороне; он позвонил в Косов Ивано-Франковской области родителям Ярослава, затем отнес Гевричу передачу, нанял адвоката и попросился быть свидетелем на суде. Суд состоялся в марте 1966 года, в трудное для Николая время: он заканчивал институт и тяжело болела мать (она умерла 6 апреля 1966 г.).

До сих пор он не имел представления о судебной процедуре, и, когда вошел в зал как свидетель, был поражен: судья, прокурор, заседатели, адвокат и солдаты. И еще — подсудимый и солдаты. И вместо того, чтобы давать показания, как свидетель защиты, Николай сказал примерно следующее: суд, который вопреки советским законам вершится при закрытых дверях, считаю незаконным. А затем он обратился к Гевричу: «Ярослав, на улице собралось много твоих друзей, никого не пустили даже в коридор. Никто не знает, за что тебя судят. Но все с тобой. Идет дождь, но никто не уходит».

На следующий день Плахотнюка вызвали в партком. Секретарь парткома Сидельников заключил четырехчасовую беседу словами: «Приятно было беседовать с вами и убедиться, что не перевелись умные студенты».

Гевричу Киевский областной суд дал 5 лет. Верховный суд УССР (почти беспрецедентный случай!) снял два года. Он отсидел три года в Потье, по возвращении два-три раза заходил к Николаю, потом уехал в Смоленск, где закончил медицинский институт. Впоследствии за все годы пребывания Николая в психушках он никогда не поинтересовался его судьбой, не написал ни одного письма.

Николаю на следствии не задавали вопросов о Гевриче, зато врачи в Днепропетровске постоянно возвращались к этой теме — почему он вступился за друга, у которого были сокурсники, более близкие друзья, родственники, почему именно он решил вступить. Выступление на суде над Гевричем отмечено в акте медицинского освидетельствования Центральной судебно-экспертной психиатрической комиссии Института им. Сербского. Врачи, как в Днепропетровске, так и в Казани, очевидно, считают, что тогда-то и началось заболевание.

Несмотря на эти события весной 1966 года и смерть матери, Николай успешно выдержал государственные экзамены.

В 1966 году по постановлению ЮНЕСКО отмечался юбилей Ивана Франко — 110 лет со дня рождения и 50 лет со дня смерти. 28 мая в Киеве в Большом зале консерватории состоялись торжества. Желающих попасть в зал было значительно больше, чем мест, на улице осталось много молодежи, и кто-то предложил пойти к памятнику Франко, что недалеко от консерватории. У памятника собралось 150-200 человек, возник импровизированный литературный вечер. Студенты читали стихи Ивана Франко, В. Симоненко, поэты В. Мельник и Мыкола Холодный читали свои стихи. Пели песни. Николая попросили представлять выступающих. В 11 часов вечера из толпы вышел майор милиции и напомнил, что после 11 постановлением исполкома запрещено нарушать тишину. Все молча стали расходиться. Однако на Крешатике Плахотнюка, Мыколу Холодного и Мельника схватили молодчики из опергруппы и привезли в отделение милиции Ленинского района, где уже находились двое студентов Киевского мединститута. Николая утром отпустили, остальным дали по 15 суток. Все 15 суток они держали голодовку.

Однако главным делом была для Николая медицина — лекции, семинары, дежурства в клиниках, курирование больных, составление историй болезни, а, кроме того, занятия в студенческих научных кружках — на третьем курсе в кружке общей хирургии, на четвертом, пятом и шестом — фтизиатрии. С руководителями кружков — Анной Яковлевной Басенко и Николаем Степановичем Пилипчуком — поддерживал самые тесные отношения вплоть до ареста.

Работу по окончании института Николай нашел сам, в Пуше-Водице (Киев), в противотуберкулезном госпитале инвалидов

Отечественной войны. Летом 1966 года он начал работать фтизиоурологом под руководством замечательного врача-уролога Александра Ивановича Крикуна. Урологию Николай изучал по ночам в городской больнице и в Институте урологии. Ему дали комнатку в общежитии и, казалось, все устроилось хорошо. Но не тут-то было. Начались звонки, и Николаю пришлось оставить работу, которая нравилась и которой он отдавался сполна. Начался процесс в легких, и с ноября 1966 по январь 1967 г. пришлось лечиться в тубинституте, в санатории. С февраля снова работать — по направлению — фтизиатром и фтизиоотоларингологом в областном туберкулезном санатории пос. Дымер Киево-Святошинского района Киевской области. Поселок Дымер — бывший районный центр, расположен в 40 километрах на север от Киева; санаторий в лесу, в 8 километрах от поселка. Здесь Николай проработал до июля 1969 г.

Жильем его не обеспечили, прописку предложили временную, с которой невозможно ни записаться в библиотеку, ни пользоваться кредитом, ни вступить в кооператив. Более двух лет он добивался постоянной прописки, и это время, без прописки, каждый день рисковал быть привлеченным к ответственности за нарушение паспортного режима.

Комнату или квартиру в Дымере снять очень трудно, и полтора года приходилось ежедневно ездить в Киев, нечевать у брата или у знакомых, а порой и на вокзале. Поэтому Николай стремился почаще дежурить, по 8-11 дежурств в месяц, когда можно было целые сутки находиться в комнате дежурного врача. Больные были тяжелые, с застарелой устойчивостью к антибактериальным препаратам; у многих из-за длительного лечения наблюдалось привыкание к кодеину, морфину, теофедрину. Встречались антисоциальные элементы. Но лечить нужно было всех.

Поездки в Киев, ночные дежурства, занятия в тубинституте, посещения общества фтизиатров, читальный зал — времени не хватало. Кроме того, Николаю поручили организовать в санатории самодеятельность, он сделал и это. Впоследствии его обвинили в систематической, с 1965 по 1972 год, антисоветской деятельности; но вот, например, в Дымере Николай занимался исключительно врачебной деятельностью и выполнял поручения санаторного профсоюза.

Зимой во время отпуска 1968 г. он десять дней пробыл в Ленинграде; его пригласили работать в Павловске, в Ленинград-

ской городской туберкулезной больнице, обещали жилье. Он с радостью откликнулся на это приглашение, но принять на работу его не смогли — в паспорте не было никакой прописки.

С февраля по июнь 1969 г. Николай специализировался по фтизиатрии в Киевском институте усовершенствования врачей. Получил специальность фтизиатра, окончив курс с отличной оценкой.

Летом 1969 года зав. кафедрой туберкулеза медицинского института Н. С. Пилипчук совместно с парторгом кафедры рекомендовали Николая в ординатуру. Однако ректор, как говорят, даже не стал рассматривать документы Плахотнюка. Одновременно Николай получил предложение зав. кафедрой невропатологии профессора А. А. Яроша работать у него на кафедре лаборантом на электроэнцефалографе. Ярош обещал помогать и сулил блестящую перспективу с защитой через полтора-два года диссертации. Николай, хотя и не сразу, согласился и вышел на работу, даже не использовав положенного отпуска. Однако в январе 1970 года ему предложили уйти. Вначале — сам профессор Ярош, который так настойчиво приглашал Николая на кафедру, затем парторг Криворучко, который признал, что последние 10 лет на кафедре не было такого работника, но «поступило указание свыше уволить вас». Николай ответил: «Не уйду, пока не уволите сами».

Освободили по сокращению штатов.

В апреле 1970 года Плахотнюк устроился фтизиатром, а затем и отоларингологом в детский туберкулезный санаторий в Пуше-Водице. Теперь он ежедневно ездил в Дымер и обратно, т. к. прописан был там. Оставить квартиру и переехать в Киев означало потерять прописку.

В этот период Николай был старостой политкружка, посещал Киевский фольклорно-этнографический хор, состоял в городском обществе детских отоларингологов, посещал семинары городских обществ фтизиатров и отоларингологов. Время было заполнено до отказа, и заниматься, как обвиняли потом, систематически антисоветской деятельностью он не мог.

В 1968 году Николай познакомился с поэтом Иваном Сокульским. Иван жил в Приднепровске, вблизи Днепропетровска; был исключен с 5 курса Днепропетровского университета, работал в заводской многотиражке, пожарником, матросом. У Сокульского Николай провел вечер 7 ноября 1968 года.

совершил с ним путешествие в Новомосковск и в с. Петриковка, где осматривали собор и старинные росписи; впоследствии и праздничный вечер, и эта поездка станут предметом для допроса у следователя КГБ.

Летом 1969 года Иван был арестован; в начале 1970 его с двумя друзьями судили. Он получил четыре с половиной года, хотя, по словам его матери, адвокат из Москвы Ромм опроверг все обвинения одно за другим. Затем в днепропетровских газетах «Зоря», «Днепровская правда», «Прапор юності» появились большие злопыхательские клеветнические статьи, на которые Николай ответил открытым письмом «Судили правду». Письмо он отправил в упомянутые газеты, матери Сокульского и в газету «Радянська Україна» («изготовление и распространение», раз послал матери Сокульского). Без ведома автора письмо было напечатано в самиздатском журнале «Український вісник», а затем прочитано по радио «Свобода» украинской редакцией под разными названиями — «За ними правда», «За нами правда».

По существу это письмо — единственный «криминал» Н. Плахотнюка. Правда, и раньше он чувствовал внимание КГБ. Впервые его вызвали туда в 1964 году, 22 мая, в связи с шевченковским праздником.

22 мая прах Шевченко был перевезен из Петербурга и перехоронен в Каневе, согласно «Завещанию» поэта. В 1961 году, когда отмечалось столетие со дня его смерти, в торжествах в этот день принимали участие секретари партии Украины, видные украинские писатели, Хрушев. В 1962 группа молодежи из Клуба творческой молодежи возложила цветы к памятнику Шевченко, в 1963 году у памятника состоялся литературный вечер, на котором выступил представитель обкома комсомола Александр Клушин и призвал, чтобы такие вечера стали традицией. На вечере читали свои стихи Ирина Жиленко, Виталий Коротич, Григорий Тименко; стихи Шевченко читала артистка Татьяна Цымбал. Затем студенты пели песни.

В 1964 году проводить такой вечер запретили, однако Николай и его друзья все-таки предпринимали шаги к его организации. Николай напоминал студентам в мединституте о хорошей традиции, которую не следует забывать. Накануне 22 мая его вызвали в партком и предупредили, чтобы сам не ходил и других не приглашал. В этот же день пригласили в обком

комсомола, где уже находились Виталий Коротич, Евгений Сверстюк, староста «Жайворонка» Борис Рябокляч. Секретарь обкома Л. Пустовойтов заявил, что «шевченковский вечер 22 мая — оскорбление великому русскому народу». Ни о каком завешании, ни о юбилее (в 1964 г. отмечалось 150-летие со дня рождения Шевченко) слушать никто не хотел.

А 22 мая с Николаем до 9 вечера беседовали в КГБ.

Запрет только усилил интерес молодежи к шевченковским литературным вечерам. С каждым годом к памятнику приходило все больше и больше людей, чтобы возложить цветы, вместе спеть песни, почитать стихи. Участников импровизированных вечеров исключали из институтов, прорабатывали в парткомах, вызывали в КГБ, увольняли с работы, но эти меры не приносили желаемого результата.

В 1967 году в погожий вечер у памятника собралась тысячная толпа. Студенты театрального института и университета читали стихи Вл. Сосюры, Шевченко, Бориса Гринченко. Вдруг появилась милиция, стали хватать участников и бросать в «воронки». Были арестованы 4 человека; оставшиеся единодушно запротестовали, сплотились и начали скандировать «ганьба!» («позор!»); все люди вышли на улицу перед университетом, пели «Интернационал» (по-украински «Интернационал» звучит с несколько иной окраской: «Чуєш, сурми заграли, час розплати настав. В Інтернаціоналі здобудем людських прав»^{*}).

Милиция не ожидала такого единодушного протеста и бежала. Потихоньку публика начала успокаиваться, вернулись опять к памятнику, начали читать стихи Василя Симоненко. Н. Плахотнюк и Надежда Светличная решили, что нельзя

*. Дословный перевод:
«Слушай, трубы заиграли,
Час расплаты настал.
С Интернационалом
Добьемся человеческих прав».

Ср. 1 из офиц. рус. вариантов:
«Это есть наш последний
И решительный бой,
С Интернационалом
Воспрянет род людской!»
(БСЭ, изд. 2, т. 18.)

допустить ареста тех четверых за стихи Шевченко и Сосюры. Николай вышел на ступени постамента и призвал присутствующих к демонстрации протеста. Он сказал: «Сегодня в Москве открылся съезд писателей Советского Союза. Сегодня в Киеве чествовали память самого великого украинского поэта Тараса Шевченко. Сегодня студенты читали стихи, за которые Шевченко был сослан на 10 лет каторжной ссылки. За эти стихи сегодня устроена расправа, арестованы студенты. Мы пришли сюда со цветами, а нам вяжут руки и сажают в «воронки». Поэтому я призываю всех присутствующих идти к зданию ЦК партии протестовать против расправы над участниками вечера, потребовать освобождения арестованных и привлечения виновных к ответственности».

В 10 часов вечера через кордоны милиции и оперативников они прошли через весь Киев к зданию ЦК партии. На улице Орджоникидзе демонстрантов встретили ливни воды из брандсбойтов; на одном из поворотов вышли прямо на кордон милиции, лицом к лицу. Растерялись, но одна молоденькая девушка-студентка в белой блузке вышла вперед и сказала: «Зачем мы с ними стали разговаривать? Они с нами не разговаривали, когда хватали в "воронки". За мной!» Все словно под гипнозом пошли за ней, обошли кордон и последовали дальше. Навстречу демонстрантам вышел министр общественного порядка Иван Головченко в вышитой сорочке. Объяснили ему, зачем пришли. Арестованные ребята были освобождены — и публика разошлась.

Николай Плахотнюк был арестован 12 января 1972 года; предъявлено обвинение по ст. 62 ч. 1 УК УССР (аналогична ст. 70 ч. 1 УК РСФСР). Под конец следствия его направили на экспертизу в Институт имени Сербского. 8 сентября 1972 года признали невменяемым. 13 ноября 1972 года Киевский областной суд вынес решение о направлении Плахотнюка на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа, в Днепропетровск. На суд ни родственников, ни невесту не пустили.

24 ноября он был водворен в Днепропетровскую СПБ. Его очень часто переводили из отделения в отделение — три раза побывал в 12-м отделении, два раза в 10-м, раз в 11-м, раз в 8-м. Через 5 месяцев зав. отделением Элла Петровна Каменецкая заявила, что никакой психотики у Плахотнюка не наблюдается и

через несколько комиссий он, видимо, поедет домой. Зато в первый день знакомства та же Каменецкая сказала: «Не рассчитываешь ли ты выйти отсюда через 2-3 года?» Николай тогда пришел в ужас — он не представлял, как можно выдержать в больнице 2-3 года.

6 и 8 апреля 1974 года комиссия во главе с зав. кафедрой психиатрии Днепропетровского мединститута Викторией Павловой Блохиной, с участием главного психиатра медслужбы МВД СССР Петра Михайловича Рыбкина, главного врача медслужбы МВД УССР Ивана Аввакумовича Вашенко пришла к заключению, что Плахотнюка необходимо направить в Институт имени Сербского на переэкспертизу.

Киевский областной суд решение этой комиссии отклонил, ходатайства о направлении на повторную экспертизу не удовлетворил. Профессор Блохина спешно объяснила членам комиссии и лечащему врачу, что Плахотнюк «диссимилирует». А начмед Валентина Ивановна Каткова в июне 1975 года прямо заявила Николаю: «Пока вы с нами не будете откровенны, мы не сможем вас выписать».

20 августа 1976 года Плахотнюка вывезли из Днепропетровска, объяснив: «Поедете в Харьков на дообследование, оттуда выпишут домой». В Харьков он действительно попал, но, оказалось, на пересылку. Везли троих: Николая Плахотнюка, поэта Васыля Рубана и Бориса Дмитриевича Евдокимова — в Казань.

Первая комиссия в Казанской спецпсихбольнице состоялась в ноябре 1976 года, то есть через два с половиной месяца после прибытия сюда. Плахотнюка смотрела Центральная комиссия Института им. Сербского: ученые Шостакович, Ландау, Доброгаевская. Решение комиссии: по состоянию здоровья может быть выписан, готовить к следующей комиссии (через полгода) на выписку. В июне после второго освидетельствования Центральной медицинской комиссией (проф. Шостакович, Ландау и др.) принято решение выписать в больницу общего типа. Киевский областной суд это решение отклонил и в переводе в больницу общего типа отказал.

Третья медицинская комиссия Института им. Сербского (проф. Шостакович и др.) поставила вопрос о выписке на общих основаниях, т.е. со снятием принудительного лечения полностью. На суд поехал главный врач Казанской спецпсихбольницы

Равиль Олегович Валитов. 20 февраля 1978 г. Киевский областной суд отказывает в удовлетворении ходатайства медицинской комиссии, согласившись лишь на изменение формы принудительного лечения — перевод из СПб в больницу общего типа, и не по месту жительства и прежней работы, а в Смелу Черкасской области, якобы по месту жительства родственников. На самом деле сестра Анна и брат Василь живут далеко от Смелы, а об опеке хлопотал брат Иван, который живет в Киеве.

23 февраля брат и сестра Николая обратились с кассационной жалобой в Верховный суд УССР, который оставил решение Киевского областного суда без изменений. Устно брату Ивану объяснили, что решение суда неправильно лишь в том пункте, где речь идет о направлении в больницу общего типа — направлениями ведаёт МВД. Начальник Казанского спеца заказывает путевку в киевскую больницу, однако 20 июля 1978 года Плахотнюка по этапу отправляют в Смелу. Он прибыл сюда 8 августа.

РЕЧЬ НА СЪЕЗДЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АРМЕНИИ

Уважаемые товарищи!

Минувшие годы много радости принесли нашей республике. В дружной семье народов еще больших успехов достигла Советская Армения. Закончено строительство канала Арпа-Севан, в строй вошли новые объекты, освоены залежные земли, достигнуты новые успехи в культурном строительстве. На фоне этих достижений укрепилась гордость советского человека за свою родину Армению, за пересмотр подхода к прошлому и за цветущее настоящее.

Армянин, в прошлом духовно угнетенный, теперь, чувствуя себя гражданином великого Советского Союза, может уверенно соперничать с представителем любого народа мира, и для этого он имеет законные основания.

К сожалению, нельзя сказать то же самое о наших зарубежных армянских колониях. Спровоцированная Западом братоубийственная война в Ливане ударила не только по арабскому народу, но и нанесла значительный вред армянской колонии в Ливане, которая, как известно, является центром зарубежных армян. Из-за политических дрязг уже 15-20 лет тому назад снялись с насиженных мест армяне Египта, Кипра, а в последнее время — и из Ирана, и двинулись в другие страны.

На фоне этих безысходных переселений еще большую значимость в судьбе армянского народа, приобретает Советская Армения, та самая Армения, которая в Араратской долине на горсточке земли восстановила родину армян. Ту самую родину, которая, как новый Ноев Ковчег, призвана сохранить культурные богатства одной из старейших наций, ее язык, ее национальный облик и самостоятельность. Для такой нации как армяне, которая потеряла свою территориальную целостность и в виде обломков ныне рассеяна по всему миру, у которой сегодня бандиты-«историки» пытаются отнять или исказить ее историю и ее духовные ценности, для такой нации культура и прежде всего язык имеют особую миссию. Именно культура заменяет нам территориальное единство и представляет собой материальную силу, средство, с помощью которого

вплетаются друг в друга прошлое и настоящее и которое является мостом, соединяющим отдельные части рассеянного народа.

Язык был для нас всегда, а теперь — особенно, землей, крышей, коллективной памятью, основой существования и бессмертия. Вот почему мы особенно чувствительны к языку и с особой святостью относимся к его проблемам. За годы Советской власти армянский язык, подобно другим областям знаний, пережил развитие и обновился в соответствии с уровнем современного научно-технического развития. Институты языка и литературы, факультеты арменистики, десятки исследований по проблемам армянского словаря и многое другое подняло на новый уровень проблему изучения армянского языка. Как не отметить тот факт, что только при советской власти впервые за всю многовековую историю вышла в свет многотомная армянская энциклопедия. Как не оценить тот факт, что благодаря переводам на русский язык достоянием миллионов стала наша многовековая литература, наш Нарекаци, наш Кучак¹, наши культурные ценности. Все это не может не радовать сердце армянина как у нас, так и за рубежом.

Но вместе с тем существуют явления, которые чем-то омрачают нашу радость и, более того, вызывают у нас сильную тревогу. Пожалуй, из всех этих беспокойств главное связано с тем, что из года в год в наших городах убывает число учеников армянских школ. В то время как в нашей столице лучшие армянские школы с трудом набирают контингент учеников, рядом с ними русские школы имеют по 4-5 первых классов, по 40-45 учеников в каждом классе. Как бы мы ни гордились своим природным интернационализмом, рост из года в год этого фактора не может не беспокоить нас.

Дорогие товарищи! Мы понимаем, что экономическое, административное, научное, культурное слияние народов есть одно из условий советской жизни, и это условие предполагает наличие единого языка общения. Мы понимаем, что этим языком может и должен быть язык великого народа и великой культуры — русский язык. Нет никакого сомнения в том, что не может советский человек считаться культурным и полноценным гражданином советской страны без знания русского языка. И,

1. Григор Нарекаци, 951-1003; Наапет Кучак, ?-1592, — арм. поэты.

следовательно, все мероприятия, направленные на изучение русского языка, нужно искренне приветствовать. Но когда эта задача решается за счет родного языка, за счет армянской школы, которая имеет вековые традиции, это уже дает нежелательные результаты, которые вряд ли будут способствовать укреплению основ ленинской национальной политики и пропаганде социалистической системы. Отметим хотя бы ту реакцию, которая может возникнуть у зарубежных армян как в дружественной, так и в оппозиционной среде, когда однажды выяснится, что в цитадели армянской культуры, армянской посьметности и языка, в Советской Армении, пусть даже по вине расчетливых родителей, под угрозой находится армянский язык.

В чем причина? Почему армянский родитель, который в прошлом предпочитал умереть, чем пожертвовать родным языком, сегодня с уму непостижимой легкостью встал на путь предательства родного языка и школы?

Факт этот имеет глубокие корни, которые связаны не только с социальными и экономическими изменениями, но еще и с нарушением моральных норм, когда родитель собственные интересы и обеспеченность своего ребенка ставит выше всего. Он находится в плену психологии материальной выгоды. Положение классиков марксизма о том, что «капитал не имеет отечества», в более примитивной форме можно применить к современным миллионерам, которые и рюмки водки не выпьют, чтобы не произнести тост за здоровье армянского народа, но сами делают все, чтобы лишить этот народ здоровья. Лишенные духовности и подлинного патриотизма, эти новые мешане, даже представления не имея о великой русской культуре, о Достоевском, о Толстом, детей своих посылают в русские школы. Это есть часть их жизни. Подобно тому, как он должен иметь квартиру, мебель, автомашину, партийный билет и выгодную работу, так и ребенок его должен обязательно учиться в русской школе. А есть еще и такие, которым кажется, что если он не стал Виктором Амбарцумяном, то это только потому, что он получил армянское образование. И вот, всю ночь простояв в очереди перед школой имени Дзержинского или Пушкина, используя многочисленные знакомства, этот мешанин устраивает своего сына или внука в русскую школу, думая, что тем самым он обеспечил блестящее будущее своему наслед-

нику. Я уже не говорю о родителях из среды ученых, врачей, музыкантов, работников кино, технократов, работников номенклатуры, которые буквально все, за редким исключением (кроме двух секретарей ЦК КП Армении), уже давно не спорят ни сами с собой, ни с членами семьи, в какую школу отдать детей. Как будто армянская школа не предусмотрена «протоколом»...И вот создается для нашего времени неподобающая картина, которая имеет уже социальную окраску. Армянская школа воспринимается как нечто отсталое, несовершенное, куда поступают дети слабых и второсортных социальных слоев, где нет надлежащего уровня и т.д.

На таком отношении к армянской школе строится и дальнейшее пренебрежение к людям с армянским образованием. Этим людям, даже если они хорошо владеют русским, все равно с трудом берут на работу. В учреждениях на собраниях и на совещаниях на людей, говорящих по-армянски, смотрят свысока, как на людей с низким интеллектом. Под сомнение берутся их профессиональные знания. На руководящие посты, как правило, назначаются люди с русским образованием. Более того, незнание армянского языка стало как бы мерилем культурности. Если армянин в русском слове пропустит мягкий знак, он краснеет по уши, а в одной армянской фразе допустить 5-6 ошибок или с трибуны, на уровне ликбеза, заикаясь прочитав доклад — это в порядке вещей. «Подумаешь, — оправдывают его, — человек хоть и ереванец, но армянского образования не получил». В какое-нибудь третьестепенное или четвертостепенное учреждение без русского языка секретаршей простой не устроишься, но практика показала, что можно не знать армянского языка и быть заместителем министра просвещения. Можно иметь самые приблизительные представления об армянской культуре, литературе, но быть руководителем этой культуры на самом высоком уровне. Можно не уважать родной язык, характер народа, его историю, но быть министром, зав. отделом ЦК и т.д., и т.д.

Товарищи! Я знаю, что наши гости из других республик будут поражены тем, что на армянской земле, в стране, которая имеет Маштоца² и Матенадаран³, имеются такие проблемы. К

2. Месроп Маштоц, 361-440, арм. ученый, создатель арм. алфавита.

3. Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца в Ереване.

сожалению, рядом с большими достижениями в области культуры и прогресса есть и такие явления, когда невозможно сохранить душевное равновесие и подавить в себе оскорбленное самолюбие. Если мы кое-как смирились с тем обстоятельством, что десятки тысяч армян, проживающих в различных уголках Советского Союза — в Ростове, в Харькове, в Краснодаре, в Средней Азии и в других местах, где до войны издавались армянские газеты и были армянские школы, — теперь не имеют собственного угла для библиотеки или собраний, если мы, повторяю, с этим кое-как смирились, то никак не можем смириться с тем, чтобы на нашей армянской земле, в Советской Армении, по тем или иным причинам подвергался опасности армянский язык, армянская письменность и культура. Мы не можем смириться с тем, чтобы на родной земле из жизни, с книжных полок, из научных и административных учреждений, в нарушение нашей Конституции, постепенно вытеснялся наш язык, наша письменность и наша культура.

Дважды прав тов. Леонид Ильич Брежнев, когда на 26 съезде КПСС в отчетном докладе отмечает, что в республиках должны учитываться интересы и некоренного населения, их запросы в области языка, культуры и быта. Товарищ Брежнев еще раз напоминает нам, что «динамика развития такого крупного многонационального государства, как наше, рождает немало проблем, требующих чуткого внимания партии».

Да, мы очень нуждаемся в чутком отношении. Если бы чуткое отношение было повсюду, тогда не появилось бы решение Высшей Аттестационной Комиссии о том, что все диссертации должны представляться в ВАК на русском языке⁵. Тогда не пришел бы из Москвы в республики приказ, чтобы, будь то Грузия, Армения или Средняя Азия, в национальных высших учебных заведениях некоторые основные предметы преподавались на русском языке. Я не знаю, как в других республиках, но у нас в Армении после этого решения началось отчуждение от армянской школы и увеличился поток в русские школы.

4. «XXVI съезд КПСС. Стенограмма», М., 1981, т. 1:75.

5. См. «Положение о порядке присуждения ученых степеней и присвоения ученых званий», принятое в 1975 («Бюллетень Мин-ства высш. и ср. спец. образования СССР», апрель 1976, N 4: 13-26).

А как же может быть иначе? Почему материалист-родитель, человек ограниченный, но хорошо понимающий пользу и вред для своего ребенка, не должен быть реалистом? Если этот ребенок не должен пользоваться родным языком ни в учреждении, ни на заводе, ни на руководящей работе, если, наоборот, этот язык будет только мешать ему написать диссертацию, киносценарий или отчет, то зачем же не организовать обучение ребенка так, чтобы он впоследствии не имел этих проблем?

К сожалению, такого же мнения придерживаются люди, которые себя считают интеллигентами. Помню, как мне довелось познакомиться с очень известным историком, одним из руководителей ВАКа. Он совершенно серьезно возражал против того, что один грузинский философ свою работу написал на грузинском языке. Мой собеседник считал это лишней тратой времени и энергии, поскольку работа так или иначе должна быть переведена на русский язык. Как объяснить таким людям, что язык — это тот меч, который только при употреблении точится? Без приложения языка к науке, технике и культуре язык напоминает валяющееся на складе ржавое оружие, которое годится разве что для музея.

Если такой подход будет продолжаться, национальные языки потеряют свою жизнеспособность и уже не смогут выразить какую-либо современную мысль, философскую идею или техническую терминологию. Таким образом, нам, армянам, которые 15 веков назад создали высокую научную и философскую литературу, придется довольствоваться лишь 1000-летними юбилеями авторов этих произведений.

Как объяснить людям с таким мышлением, что вненациональное образование, лишая человека родного языка, отрывая его от национальной культуры и естественного развития, превращает его в висящее в воздухе гидропоническое растение, без почвы и без возможности полностью проявить себя. Если число таких людей увеличится, то они все вместе не могут не оказать отрицательного влияния на творческий и научный потенциал нации, они неизбежно ослабят духовный и умственный заряд нации. Я уже не говорю о достоинстве самой личности, для которой неизбежны внутренние потери. Духовное и языковое слияние с родным народом не только не противоречит, но и способствует интернациональному мышлению, широкомыслию,

более глубокому восприятию духовных ценностей других народов, более обоснованному изучению языка другого народа, в данном случае — русского.

Я никак не могу забыть легенду Чингиза Айтматова в романе «И дольше века длится день» о человеке, который потерял память и превратился в существо, не помнящее ни нации, ни матери, ни собственной принадлежности.

Несмотря на то, что в годы «культы личности» в Армении было сделано все, чтобы лишить наш народ памяти, видимо, столь мощным было внутреннее сопротивление народа, что сделать этого не удалось, и при первой возможности народ «прорвал верблюжью кожу», и теперь мы снова стали хозяевами своей истории, наших прошлых ценностей, наших памятников, и теперь мы можем выстоять перед чуждыми внутренними и внешними ветрами.

В нашем мире, в мире научно-технической революции, в мире космических скоростей, в мире, который все переворачивает вверх дном, естественно, что каждый народ и каждая нация, каждый ее член держится за свои святые национальные традиции, за свои исторические памятники, чтобы устоять перед космическими ветрами, которые хотят оторвать его от той земли, которая родила и вскормила его. Лишенный языка, прошлого, национального характера человек бесплоден и не нужен человечеству, а тем более советской стране.

Нам нужны люди, прошедшие через испытания и страдания, несущие в своей крови душу и достоинство своего народа и вместе с тем умеющие раскрывать перед другими народами и миром свое огромное сердце. Только такому человеку можно доверить себя, своего ребенка, свой народ и судьбу страны и мира. Эта правда должна восторжествовать, ибо она есть правда для всякого настоящего человека, к какой бы нации он ни принадлежал.

Товарищи! Проблемы, о которых говорилось сегодня, не первый раз поднимаются в нашей республике. Об этом говорилось на сессии Верховного Совета, на различных собраниях и в многочисленных письмах, направленных руководителям республики. Есть решение Коммунистической партии Армении об улучшении преподавания армянского языка в наших школах. В связи с этим по инициативе горкома партии была созвана специальная конференция и организовано

обсуждение проблемы. На съездах, на собраниях активов, на сессиях Верховного Совета ошущается стремление сделать армянский язык государственным языком.

Мы искренне приветствуем все те дополнительные мероприятия, которые направлены на усиление преподавания русского языка в армянских школах. Нужно добиться того, чтобы окончивший армянскую школу свободно владел русским языком. Но необходимо, чтобы так же энергично была проведена кампания по усилению преподавания армянского языка и литературы, армянской истории в русских школах.

Нужно положить конец тому неуважительному отношению к армянской школе, которое по вине дирекции и учителей существует у учеников русских школ и у их родителей. Для этого нужно, чтобы русские школы были укомплектованы преподавателями, знающими и ценящими армянскую культуру. Было бы полезно, если бы ряд школ был преобразован в двуязычные школы, выпускники которых в равной степени владели бы обоими языками. Это позволило бы подготовить владеющие русским языком кадры, которые так необходимы в условиях растущего культурного, литературного и научного сближения народов. В противном случае большинство окончивших ереванские русские школы, по свидетельству самих же русских, без знания основ родного языка не владеют также и русским языком. Их русский язык — не язык, а схема языка, слова да грамматика.

Не меньшего внимания заслуживают также сельские школы, ученики которых неизвестно за какую вину лишены возможности изучения русского и иностранных языков, поскольку школы не имеют соответствующих преподавателей. Было бы логичным отобрать из сельских школ способных учеников, дать им сначала педагогическое среднее образование, затем высшее, а потом направить их обратно в деревню для преподавания русского или иностранного языка. Вероятно, было бы полезно для этого создать в районных центрах специальные интернаты.

Конечно, можно придумать еще очень много способов и мероприятий для решения выдвинутых проблем. Однако безнадежное положение с армянским языком и армянской школой создано не в результате экономических или административных факторов, а в связи с психологическими факторами. И, следовательно, прежде всего нужно привлечь к делу органы

пропаганды. Приказы и распоряжения, идущие сверху, можно заставить изменить, но форму мышления, психологию народа изменить гораздо труднее, и для этого требуется гораздо больше времени. Именно поэтому ко всяким мероприятиям нужно еще прибавить и непосредственный голос преподавателя, писателя, ученого, артиста, который должен звучать публично — по радио, телевидению, с трибун.

Вот почему я решила это же самое сказать еще и на съезде писателей, перед более широкой аудиторией, с трибуны, которая имеет очень широкую зону откликов, сказать искренне, объективно, с надеждой получить помощь у нашего руководства, с призывом, обращенным к сердцам армян и армянских родителей.

Конечно, это мое выступление вызовет самые разные отклики. Хотелось бы лишь, чтобы авторы этих откликов были уверены в одном: какими бы резкими ни были мои выражения оскорбленного и возмущенного армянского писателя, в них не было и не могло быть недоброжелательного отношения к русскому языку, а тем более к носителю этого языка — к русскому народу.

Уж кто-кто, а армяне хорошо знают, что значат для них такие слова, как Россия и русский. Эти слова на протяжении 300 лет от мала до велика произносил мой народ, как утреннюю молитву, как надежду на свет среди кошмарного мрака. И сегодня в нашем народе живо это чувство. До родственной теплоты доходит отношение армян к русским, под защитой которых цветет наша родина и под защитой которых мы чувствуем себя в безопасности. Сколько бы ни пытался писатель Эллин на страницах «Литературной газеты» убедить нас, что сейчас Турция — «культурная, благородная и тонкая» нация и что Турция сегодня покрыта цветами, — нас, которые испытали эту «культуру» на трупах наших вырезанных детей и пепле наших сожженных церквей, — нас, к сожалению, невозможно переубедить. Мы хорошо знаем, что, верный член НАТО, Турция вместе цветов покрыла себя ракетами, большинство из которых направлены на Ереван, на Матенадаран...

Мы с чувством тысячекратной благодарности относимся к русским писателям, начиная с Валерия Брюсова и кончая нашими современными братьями по перу, которые с любовью и преданностью представили нашу литературу иноязычным

читателям, которые и сами в стихах, в книгах и речах, посвященных Армении, высказали свою искреннюю любовь к армянскому языку и культуре, свое уважение к стране и показали прекрасные примеры взаимопроникновения.

Еще в 1924 году Николай Тихонов пешком, с рюкзаком за плечами, бродил по нашим ущельям и горам и, вдохновленный образом Месропа Маштоца, писал так: «Я ясно вижу, как он, подобно нам, бродил по этим древним ущельям. Эта земля пропитана кровью и потом, и вместе с тем она безмолвна. Земля хотела бы иметь язык. Месроп видел эти суровые скалы и камни, и он стал говорить с этим небом и с этими камнями. Торжественно заходит солнце, и в сознании человека рождаются первые символы армянского алфавита. И затем эти символы все, что могут отразить, отражают и оставляют на стенах, на камнях, на глине».

Так писал русский поэт, и мы верим, что те буквы, которые сохранились на стенах, на камнях и на глине, возрожденные и приобретшие новую силу, должны продолжать жить на лентах вычислительной машины «Наири», стремясь к вечности, как в более спокойные, так и в более бурные времена.

(Перевод с армянского)

От редакции:

Мы прекрасно понимаем и разделяем чувство глубокой тревоги известной поэтессы за судьбу армянского языка и армянской культуры. Но не кажется ли уважаемой С. Капутикян, что «безнадежное положение с армянским языком и армянской школой» создано не в связи с какими-то таинственными «психологическими факторами», а потому, «что экономическое, административное, научное, культурное с л я н и е народов есть одно из условий советской жизни, и это условие предполагает наличие единого языка общения», которым «должен быть... русский язык». Такова сущность национальной политики советской империи. Она является основным фактором, влияющим на судьбы национальных культур нерусских народов СССР. Ею определяются и все прочие факторы, в том числе и «психологические» (напр., стремление совместить несовместимое: защиту национальной культуры от умирания и

славословие политике, которая направлена на растворение национальных культур в единой социалистической культуре, народов — в едином советском народе, говорящем, впрочем, на русском языке).

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ЭТИКА

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ «ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА» П. Я. ЧААДАЕВА*

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Воля есть не что иное, как род мышления. Представлять ли себе волю конечную или бесконечную, все равно приходится признать некую причину, которая заставляет ее действовать: поэтому ее должно рассматривать не как начало свободное, а как начало обусловленное.

Спиноза. Де anima.¹

Как мы видели, всякое естественное явление можно рассматривать как силлогизм; но его можно также рассматривать как число. При этом или заставляют природу выразиться в числе и рассматривают ее в действии — это наблюдение, или исчисляют в отвлечении — это вычисление; или же, наконец, за единицы принимаются найденные в природе величины, и производят вычисления над ними; в этом случае прилагают вычисление к наблюдению, и этим завершают науку. Вот и весь круг положительного знания. Необходимо только иметь в виду, что количеств, собственно говоря, в природе не существует;

* Впервые опубликованы в «Литературном наследстве» N 22-24, М. 1935г. Письма 2-е и 3-е напечатаны в журнале «Форум» N 1, 1982г.

1. На самом деле цитата взята из доказательства 32-й теоремы I части «Этики» Спинозы.

если бы они там были, то аналитический вывод был бы равнозначным творческому. Да б у д е т, ибо совершенная достоверность его не была бы ничем ограничена и, следовательно, была бы всемогуществом.**

Бессилие — то же, что заблуждение; выше совершенной истины нет ничего. Действительные количества, т.е. абсолютные единицы, имеются лишь в нашем уме; во вселенной находятся лишь числовые видимости. Эти видимости, в форме которых материальность открывается нашим взорам, они то и дают нам понятие о числах: вот основа математического восприятия. Итак, числовое выражение предметов не что иное, как идеологический механизм, который мы создаем из данных природы. Сначала мы переводим эти данные в область отвлеченности, затем мы их воспринимаем как величины; и, наконец, поступаем с ними по своему усмотрению. Математическая достоверность, следовательно, имеет также свой предел; будем остерегаться упустить это из виду.

В приложении к явлениям природы наука чисел без сомнения вполне достаточна для эмпирического мышления, а также и для удовлетворения материальным нуждам человека; но никак нельзя сказать, чтобы в порядке безусловного она в той же мере соответствовала требуемой умом достоверности. Косное, неподвижное, геометрическое рассуждение, каким его по большей части воспринимают геометры, есть нечто, лишенное разума, безбожное. Если бы в математике заключалась совершенная достоверность, число было бы чем-то реальным. Так понимали его, например, пифагорейцы, каббалисты и им подобные, приписывавшие числам силы разного рода и находившие в них начало и сущность всех вещей. Они были вполне последовательны, так как мыслили природу состоящую из числовых величин, и ни о чем другом не помышляли. Но мы видим в природе еще нечто другое, мы с полным сознанием верим в Бога и когда мы осмеливаемся вкладывать в руку создателя циркуль, то допускаем нелепость; мы забываем, что мера и предел одно и то же, что бесконечность есть первое из свойств, именно она, можно сказать, и составляет его божественность, так что, превращая высшее существо в измерителя, мы лишаем его свойственной ему вечной природы и

** В таком случае уже не вера двигала бы горы, а алгебра (Чаадаев).

низводим его до нашего уровня. Бессознательно нами владеют еще *языческие представления*: в этом и есть источник такого рода заблуждений. Число не могло заключаться в божественной мысли; творения истекают из Бога, как воды потока, без меры и конца, но человеку необходима точка соприкосновения между его ограниченным разумом и бесконечным разумом Бога, разделенными беспредельностью, и вот почему он так любит замыкать божественное всемогущество в размеры собственной природы. Здесь мы видим настоящий антропоморфизм, в тысячу раз более вредный, нежели антропоморфизм простецов, не способных в своем пламенном устремлении приблизиться к Богу и представить себе духовное существо иным, чем то, которое совместимо с их пониманием, и поэтому низводящих божество до существа, подобного себе. В сущности и философы поступают не лучше. «Они приписывают Богу, — сказал великий мыслитель, который в этом хорошо разбирался, — разум, подобный их собственному. Почему? потому что они в своей природе не знают ничего лучше собственного разума. А между тем божественный разум есть причина всему, разум человека есть лишь следствие, что же может быть общего между тем и другим? Разве то же, — прибавляет он, — что между созвездием пса, сияющим на небе, и тем псом, который бежит по улице — одно только имя»².

Как видите, все положительное наук, называемых точными, исходит из того, что они занимаются к о л и ч е с т в а м и; иными словами, *предметами ограниченными*. Естественно, что ум, имея возможность полностью обнять эти предметы, достиг в познании их высочайшей достоверности, ему доступной. Но вы видите также и то, что, как ни значительно прямое наше участие в создании этих истин, мы их все же не из себя извлекаем. *Первые идеи*, из которых истекают эти истины, *даны нам извне*. Итак, вот какие логические следствия вытекают сразу из самой природы этих познаний, наиболее близких к доступной нам достоверности: они относятся лишь к чему-то ограниченному, они не рождаются непосредственно в нашем мозгу, мы в этой области понятий развиваем наши способности лишь по отношению к конечному и мы здесь ничего не выдумываем. Так что мы найдем, если захотим приложить приемы, основанные на

2. Спиноза, Этика, ч. I.

достижении этих познаний, к познаниям другого рода? Что абсолютная форма познанного предмета, каков бы последний ни был, должна быть непременно формой чего-то конечного; что место его в познавательной области должно находиться вне нас. Ведь именно таковы естественные условия достоверности. А в каком положении на основании этого окажемся мы по отношению к предметам в области духовной? Прежде всего, где предел данных, входящих в область психологии и морали? Предела нет. Затем, где совершается моральное действие? В нас самих. Итак, тот прием, который применяется разумом в области положительных понятий, может ли быть им использован в этой

Пётр Ях. Чаадаев

П. Я. ЧААДАЕВ

Силуэт работы П. В. Киреевского

другой области? Отнюдь нет. Но, в таком случае, как достигнуть здесь очевидности? Что касается меня, *я этого не знаю*. Странно то, что, как ни просто это рассуждение, философия никогда до него не доходила. Никогда она не решалась отчетливо установить это существенное отличие двух областей человеческого знания; она всегда смешивала конечное с бесконечным, видимое с невидимым, поддающееся восприятию чувств с неподдающимся. Если иногда она и говорила другое, в

глубине своей мысли она никогда не сомневалась, что мир духовный можно познавать так же, как и мир физический, изучая его с циркулем в руке, вычисляя, измеряя величины духовные, как и материальные, подвергая опытам существо, одаренное разумом, как существо неодушевленное. Удивительно, как ленив человеческий разум. Чтобы избавиться от напряжения, которого требует ясное уразумение высшего мира, он искажает этот мир, он себя самого искажает и шествует затем своим путем, как ни в чем не бывало. Мы еще увидим, почему он так поступает.

Не надо думать к тому же, будто в естественных науках все сводится к наблюдению и опыту. Одна из тайн их блестящих методов — в том, что наблюдению подвергают именно то, что может стать предметом наблюдения. Если хотите, это начало отрицательно, но оно сильнее, плодотворнее положительного начала. Именно этому началу обязана своим успехом новая химия; это начало очистило общую физику от метафизики и со времен Ньютона сделалось ее главным правилом и основанием ее метода. А что это означает? Не иное что, как то, что совершенство этих наук, все их могущество проистекают из умения всецело ограничить себя принадлежащей им по праву областью. Вот и все. А с другой стороны, в чем самый процесс наблюдения? Что делаем мы, когда наблюдаем движение светил на небесном своде или движение жизненных сил в организме: когда мы изучаем силы, движущие тела или сотрясающие молекулы, из коих тела состоят; когда занимаемся химией, астрономией, физикой, физиологией? Мы делаем вывод из того, что было, к тому, что будет; связываем факты, следующие в природе непосредственно друг за другом, и выводим из этого ближайшее заключение. Вот неизбежный путь опытного метода. Но, в порядке нравственном, известно ли вам что-нибудь, что бы совершилось в силу постоянного, неотвратимого закона, по которому вы могли бы заключать, как там, от одного факта к другому и предугадывать таким образом с уверенностью последующее на основании предшествующего? Ни в коем случае. Напротив, здесь совершается все лишь в силу свободных актов воли не связанных между собою, не подчиненных другому закону, кроме своей прихоти; одним словом, все сводится здесь к действию хотения и свободы человека. К чему послужил бы здесь метод опытный? Ровно ни к чему.

Вот чему, в сфере тех познаний, где ему дана возможность достигнуть своей высшей достоверности, учит нас естественный х о д человеческого разума. Перейдем к поучению, которое заключается в самом *содержании этих познаний*.

Положительные науки были, разумеется, всегда предметом изучения, но, как вы знаете, лет сто тому назад они сразу возвысились до теперешнего их состояния. Три открытия сообщили им толчок, вознесшей их на эту высоту: *анализ — создание Декарта, наблюдение — создание Бэкона и небесная геометрия — создание Ньютона*. Анализ органичивается областью математики и нас здесь не касается; заметим только, что он вызвал приложение начала необоснованной принудительности к нравственным наукам, а это сильно повредило их успехам. Новый способ изучать естественные науки, открытый Бэконом, имеет величайшую важность для всей философии, ибо этот метод придал ей эмпирическое направление, а оно надолго определило весь строй современной мысли. Но в настоящем нашем исследовании нас особенно занимает закон, в силу которого все тела *тяготуют к одному общему центру*; этим законом мы и займемся.

С первого взгляда кажется, будто все силы природы сводятся к всемирному тяготению; а между тем эта сила природы отнюдь не единственная; и именно поэтому закон, которому природа подвластна, имеет на наш взгляд такой глубокий смысл. Само по себе притяжение не только не объясняет всего в мире, но оно вообще ничего еще не объясняет. Если бы оно одно действовало, то вся вещественность обратилась бы в одну бесформенную и косную массу. Всякое движение в природе производится двумя силами, возбуждающими в движимом стремление в двух противоположных направлениях, и в космическом движении эта истина проявляется всего явственнее. А между тем, астрономы, удостоверившись, что тела небесные подлежат закону тяготения и что действия этого закона могут быть вычислены с точностью, превратили всю систему мира в геометрическую задачу, и теперь самый общий закон природы воспринимают при помощи некоторого рода математической фикции, под одним именем Притяжения или Всемирного Тяготения. Но есть еще другая сила, без которой тяжесть ни к чему бы не послужила: это

Начальный толчок или Вержение.³ Итак вот две движущие силы природы: Тяготение и Вержение. На отчетливой идее совокупного действия этих двух сил, как она нам дается наукой, покоится все учение о П а р а л л е л и з м е двух миров: сейчас нам приходится только применить эту идею к совокупности тех двух сил, которые нами ранее установлены в духовной области, одной — силы, сознаваемой нами, — это наша с в о б о д н а я в о л я, наше хотение, другой, нами не сознаваемой, — это действие на наше существо некоей в н е н а с л е ж а щ е й силы, и затем посмотреть, каковы будут последствия.***.

3. Под словом «вержение» Чаадаев понимает силу удара, сообщенную движущемуся телу тем, кто приводит его в движение.

*** Без сомнения, применения открытого Ньютоном закона в области предметов осязаемых чрезвычайны, и число их будет с каждым днем еще возрастать. Но не следует забывать, что закон падения тяжестей установлен Галилеем, закон движения планет — Кеплером. Ньютону принадлежит только счастливое вдохновение — связать воедино оба эти закона. Впрочем, все относящееся к этому славному открытию чрезвычайно важно. Не мудрено, что один геометр сожалел, что нам неизвестны некоторые из формул, которыми Ньютон пользовался при своей работе; наука, конечно, много бы выиграла от находки этих талисманов гения. Но можно ли серьезно думать, что весь секрет гениальности Ньютона, вся его мощь, заключается в одних его математических приемах? Разве мы не знаем, что в этом возвышенном уме было еще что-то сверх способности к вычислениям? Я вас спрашиваю, рождалась ли когда-либо подобная мысль в разуме безбожном? Истина такой огромной величины дана ли была когда-либо миру душой неверующей? И можно ли представить себе, будто в то время, когда Ньютон бежал от опустошавшей Лондон эпидемии в Кембридж и закон вешественности блеснул его духу и разодралась завеса, скрывавшая природу, в благочестивой душе его были одни только цифры? Странное дело, есть еще люди, которые не могут подавить в себе улыбки жалости при мысли о *Ньютоне, комментирующем Апокалипсис*. Не понимают, что великие открытия, составляющие гордость всего человеческого рода, могли быть сделаны только тем самым Ньютоном, каков он был, гением столь же покорным, как и всеобъемлющим, столь же смиренным, как и мощным, а отнюдь не тем высокомерным человеком, каким его хотят представить. Повторю еще раз: видано ли, чтобы человек, не говоря уже отрицающий Бога, но хотя бы только равнодушный к религии, раздвинул, как он, границы науки за пределы, ей, казалось, предначертанные? (Чаадаев)

Нам известно Притяжение во множестве его проявлений; оно беспрестанно обнаруживается перед нашими глазами; мы его измеряем: мы имеем о нем знание вполне достоверное. Все это, как вы видите, точно соответствует представлению, которое мы имеем о нашей собственной силе. О Вержении мы знаем только его абсолютную необходимость; и совершенно то же знаем мы и о божественном действии на нашу душу. И тем не менее мы одинаково убеждены в существовании как той, так и другой силы. Итак, в обоих случаях мы имеем: познание отчетливое и точное одной силы, познание смутное и темное — другой, но совершенную достоверность обеих. Таково непосредственное приложение представления о вещественном порядке мира, и вы видите, что оно совершенно естественно является уму. Но должно еще принять во внимание, что астрономический анализ распространяет закон нашей солнечной системы и на все звездные системы, заполняющие небесные пространства, а молекулярная теория принимает его за причину самого образования тел и что мы имеем полное право почитать закон нашей системы общим едва ли не для всего мироздания; таким образом, эта точка зрения получает чрезвычайно важное значение.

Впрочем, все разграничения наши между существами, все измышляемые нами между ними ради удобства или по произволу различия, все это не имеет никакого применения к самому творческому началу. Что бы мы ни делали, в нас есть внутреннее ощущение реальности высшей по сравнению с окружающей нас видимой реальностью. И эта иная реальность не есть ли единственная истинно реальная, реальность о б ъ е к т и в н а я, которая охватывает всецело существо и растворяет нас самих во всеобщем единстве? В этом-то единстве стираются все различия, все пределы, которые устанавливает разум в силу своего несовершенства и ограниченности своей природы: и тогда-то во всем бесконечном множестве вещей остается одно только действие, единственное и мировое. И в самом деле, одинаково, как внутреннее ощущение нашей собственной природы, так и восприятие вселенной не позволяет нам постигнуть все сотворенное иначе, как в состоянии непрерывного движения. Таково мировое действие. Поэтому в философии идея *движения* должна предварять всякую другую. Но идею движения приходится искать в геометрии, ибо лишь там

находим ее очищенной от какой бы то ни было произвольной метафизики и только в линейном движении можем мы воспринять абсолютное знание всякого движения вообще. И что же? Геометр не может себе представить никакого движения, кроме движения сообщенного. Он поэтому принужден исходить из того, что движущееся тело само по себе инертно и что всякое движение есть следствие побуждения со стороны. Итак, и в наивысшем отвлечении, и в самой природе мы постоянно возвращаемся к какому-то действию [action], внешнему и первичному, независимо от рассматриваемого предмета. Стало быть, идея движения сама по себе по неумолимому требованию логики, вызывает представление о таком действии, которое отлично от всякой силы и от всякой причины, находящихся в самом движущемся предмете.

И вот почему, между прочим, человеческому разуму так трудно освободиться от старого заблуждения, будто все идеи возникают в нем через внешние чувства. Все дело в том, что в мире нет ничего, в чем мы были бы более склонны сомневаться, чем в присущей нам самостоятельной силе, и несостоятельность системы сенсуалистов единственно в том, что система эта приписывает вещественному непосредственное воздействие на невещественное и таким образом заставляет тела сталкиваться с сознаниями, вместо того, чтобы приводить в соприкосновение [и здесь] предметы одной и той же природы, как в области вещества, т. е. одни сознания с другими сознаниями. И, наконец, проникнемся мыслью, что в чистой идее движения вещественность решительно не при чем: все различие между движением материальным и движением в области духовной состоит в том, что элементы первого — пространство и время, а последнего — одно только время; а ведь очевидно, что идея времени уже достаточна для возникновения идеи движения. Итак, закон движения есть закон всего в мире, и то, что мы сказали о физическом движении, вполне применимо к движению умственному или нравственному.

Что же должно заключить из всего сказанного? Что нет ни малейшего затруднения принять собственные действия человека за причину п о б о ч н у ю [principe occasionnel]: за силу, которая действует лишь поскольку она соединяется с другой высшей силой, точно так, как притяжение действует лишь в совокупности с силой вержения. Вот то, к чему мы хотели придти.

Может быть подумают, что в этой системе нет места для философии нашего Я. И ошибутся. Напротив, эта философия прекрасно уживается с изложенной системой: она только сведена здесь к своей действительной значимости, вот и все. Из того, что мы сказали о *двояком действии, управляющем мирами*, отнюдь не следует, чтобы наша собственная деятельность сводилась к нулю; значит, должно разобраться в присущей нам силе и пытаться понять ее по возможности правильно. Человек постоянно побуждается силой, которой он в себе не ощущает, это правда; но это внешнее действие имеет на него влияние через сознание, следовательно, как бы ни дошла до меня идея, которую я нахожу в своей голове, нахожу я ее там только потому, что сознаю ее. А сознавать значит действовать. Стало быть, я на самом деле и постоянно действую, хотя в то же время подчиняюсь чему то, что гораздо сильнее меня, — *я с о з н а ю. Одно не устраняет другого, одно следует за другим, его не исключая, и первый факт мне так же доказан, как и последний. Вот если меня спросят, как именно возможно такое действие на меня извне, это совсем другой вопрос, и вы, конечно, понимаете, что здесь не время его рассматривать: на него должна ответить философия высшего порядка.* Простому разуму следует только установить факт внешнего воздействия и принять его за одно из своих основных верований; остальное его не касается. Впрочем, кто не знает, как чужая мысль вторгается в наше сознание? Как мы подчиняемся мнениям, убеждениям других? Всякий, кто об этом размышлял, отлично понимает, что один разум подчиняется другому и вместе с тем сохраняет всю силу, все свои способности. Итак, несомненно, великий вопрос о свободе воли, как бы он ни был запутан, не представлял бы затруднений, если бы умели вполне проникнуться идеей, что природа существа, одаренного разумом, заключается только в сознании и что поскольку одаренное разумом существо сознает, оно не утрачивает ничего из своей природы, каким бы путем сознание в него ни вливалось.

Дело в том, что шотландская школа⁴, так долго царившая в философском мире, спутала все вопросы Идеологии. Вы знаете, что она берется найти источник всякой человеческой мысли и

4. Школа Юма. Главные представители — Томас Рид (1710-1796) и Дюгальд Стюарт (1753-1828).

все объяснить, обнаружив нить, связывающую настоящее представление с представлением предшествовавшим. Дойдя до происхождения известного числа идей путем их ассоциации, заключили, что все совершающееся в нашем сознании происходит на том же основании и с тех пор не пожелали принимать ничего другого. Поэтому вообразили, что все сводится к факту сознательности и на этом-то факте была построена вся эмпирическая психология. Но позвольте спросить, разве есть в мире что-либо более согласное с нашим ощущением, нежели происходящая постоянно такая смена идей в нашем мозгу, в которой мы не принимаем никакого участия? Разве мы не твердо убеждены в такой непрерывной работе нашего ума, которая совершается помимо нас? Задача, впрочем, не была бы нисколько разрешена, если бы даже и удалось свести все наши идеи к некоторому ограниченному числу их и вполне установить их источник. Конечно, в нашем уме не совершается ничего, что не было бы так или иначе связано с совершившимся там ранее; но из этого никак не следует, чтобы каждое изменение моей мысли, изменение форм, которые она поочередно принимает, вызывалось моей собственной силой: здесь, следовательно, имеет место еще огромное воздействие, совершенно отличное от моего. Итак, эмпирическая теория устанавливает в лучшем случае некоторые явления нашей природы, но о всей совокупности явлений она не дает никакого понятия.

Наконец, собственное воздействие человека исходит действительно от него лишь в том случае, когда оно соответствует закону. Всякий раз как мы от него отступаем, действия наши определяются не нами, а тем, что нас окружает. Подчиняясь этим чуждым влияниям, выходя из пределов закона, мы себя уничтожаем. С другой стороны, покоряясь божественной силе, мы никогда не имеем полного сознания этой силы; поэтому она никогда не может попирать нашей свободы. *Итак, наша свобода заключается лишь в том, что мы не ощущаем нашей зависимости:* этого достаточно, чтобы почтеть себя совершенно свободными и солидарными со всем, что мы делаем, со всем, что мы думаем. К несчастью, человек понимает свободу иначе: он почитает себя свободным, говорит Ион, *как дикий осленок.*

Да, я свободен, могу ли я в этом сомневаться? Пока я пишу эти строки, разве я не знаю, что я властен их не писать? Если

провидение и определило мою судьбу бесповоротно, какое мне до этого дело, раз его власть мне не ошутительна? Но с идеей о моей свободе связана другая ужасная идея, страшное, беспощадное последствие ее — злоупотребление моей свободой *и зло как его последствие*. Предположим, что одна единственная молекула вещества один только раз приняла движение произвольное, что она, например, вместо стремления к центру своей системы, сколько-нибудь отклонилась в сторону от радиуса, на котором находится. Что же при этом произойдет? Не сдвинется ли тотчас весь порядок мироздания? Мало того, все тела стали бы по произволу в беспорядке сталкиваться и взаимно разрушать друг друга. Но что же? Понимаете ли вы, что это самое делает каждый из нас в каждое мгновение? Мы то и дело вовлекаемся в произвольные действия и всякий раз мы потрясаем все мироздание. И эти ужасные опустошения в недрах творения мы производим не только внешними действиями, но каждым душевным движением, каждой из сокровеннейших наших мыслей. Таково зрелище, которое мы представляем Всевышнему. Почему же Он терпит все это? Почему не выметет из пространства этот мир возмутившихся тварей? И еще удивительнее, — зачем наделил Он их этой страшной силой? Он так восхотел. *Сотвори м человека по нашему образу и подобию*, — сказал Он. Этот образ божий, Его подобие — это наша свобода. Но сотворив нас столь удивительным образом, Он к тому же одарил нас способностью знать, что мы противимся своему создателю. Можно ли поверить, что, даровав нам эту удивительную силу, как будто идущую в разрез с мировым порядком, Он не восхотел дать ей должное направление, не восхотел просветить нас, как мы должны ее использовать? Нет. Слову Всевышнего внимало сначала все человечество, олицетворенное в одном человеке, в котором заключались все грядущие поколения; впоследствии Он просветил отдельных избранных, дабы они хранили истину на земле, и наконец, признал достойным одного из нас быть облеченным божественным авторитетом, быть посвященным во все Его сокровенности, так что он стал с ним *о д н о* и возложил на него поручение сообщить нам все, что нам доступно из божественной тайны. Вот чему учит нас священная мудрость. Но наш собственный разум не говорит ли нам то же самое? Если бы поучал нас Бог, разве мог бы пробыть хотя бы мгновение мир, мы

сами и что бы то ни было? Разве все не превратилось бы вновь в хаос? Это несомненно так, и наш собственный разум, как скоро он выходит из ослепления обманчивой самонадеянности, из полного погружения в свою гордыню, говорит то же, что и вера, а именно, что Бог необходимо должен был поучать и вести человека с первого же дня его создания и что Он никогда не перестал и не перестанет поучать и вести его до скончания века.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Much of the soul they talk, but all away.

Milton'

Вы видите, все приводит нас снова к абсолютному положению: закон не может быть дан человеческим разумом самому себе точно так же, как разум этот не в силах предписать закон любой другой созданной вещи. Закон духовной природы нам раз навсегда предуказан, как и закон природы физической: если мы находим последний готовым, то нет ни малейшего основания полагать, будто дело обстоит иначе с первым. Однако, свет нравственного закона сияет из отдаленной и неведомой области подобно сиянию тех солнц, которые движутся в иных небесах и лучи которых, правда, ослабленные, все же до нас доходят, нам надо иметь очи отверстыми для восприятия этого света, как только он заблестит перед нами. Вы видели, мы пришли к этому заключению путем логических выводов, которые вскрыли некоторые элементы тождества между тем и другим порядком: материальным и духовным. Школьная психология, хотя и имеет почти ту же отправную точку, приводит к другим последствиям. Она заимствует у естественных наук один лишь прием, прием наблюдения, т. е. именно то, что менее всего применимо к предмету ее изучения. И вот, вместо того, чтобы возвыситься до подлинного единства всего, она только смешивает то, что должно оставаться навеки отдельным, вместо закона она и находит хаос. Да, сомнения нет, имеется абсолютное единство во всей совокупности

1. Они толкуют много о душе, но все превратно. М и л ь т о н , «Возвращенный рай».

существа: это именно и есть то, что мы по мере сил пытаемся доказать; скажу больше: в этом-то и заключается основное верование всякой здоровой философии. Но это единство объективное, стоящее совершенно вне ошушаемой нами действительности; нет сомнения, это факт огромной важности, и он бросает чрезвычайный свет на великое ВСЕ: он создает логику причин и следствий, но он не имеет ничего общего с тем пантеизмом, который исповедует большинство современных философов, печальное учение, сообщающее ныне свою ложную окраску всем философским направлениям и ввергающее все до единой современные системы, как бы они ни расточали своих обетов в верности спиритуализму, в необходимость обращаться с фактами духовного порядка совершенно так, как будто они имеют дело с фактами порядка материального.

Ум по природе своей стремится к единству, но к несчастью пока еще не понял как следует, в чем заключается настоящее единство вещей. Чтобы в этом удостовериться, достаточно взглянуть на то, как большинство мыслящих понимает бессмертие души. Вечно живой Бог и душа, подобно ему вечно живая, одна абсолютная бесконечность и другая абсолютная бесконечность рядом с первой, — разве это возможно? Абсолютная бесконечность не есть ли абсолютное совершенство? Как же могут пребывать рядом два вечных существа, два существа совершенных? А дело вот в чем. Так как нет никакого логического основания предполагать в существе, состоящем из сознания и материи, одновременное уничтожение обеих составных частей, то человеческому уму естественно было прийти к мысли, что одна из этих частей может пережить другую. Но на этом и надо было остановиться. Пусть я проживу сто тысяч лет после того мгновения, которое я называю смертью и которое есть чисто физическое явление, с моим сознательным существом не имеющее ничего общего, отсюда еще далеко до бессмертия. Как все инстинктивные идеи человека, идея бессмертия души была сперва простой и разумной; но попав затем на слишком тучную почву востока, она там разрослась свыше меры и вылилась, в конце концов, в нечестивый догмат, в котором творение смешивается с творцом, так что черта, навеки их разделяющая, стирается, дух подавляется огромной тяжестью беспредельного будущего, все смешивается и запутывается. А затем — эта идея вторглась вместе со многим другим,

унаследованным от язычников, в христианство, в этой новой силе она нашла себе надежную опору и смогла таким образом совершенно покорить себе сердце человека. Между тем, всякому известно, что христианская религия рассматривает бессмертие, как награду за жизнь совершенно святую. Итак, если вечную жизнь приходится еще заслужить, то заранее обладать ею, очевидно, нельзя; будучи воздаянием за совершенную жизнь, как может она быть исходом существования, протекшего в грехе? Удивительное дело. Хотя дух человеческий осенен высочайшим из светочей, он все же не в силах овладеть полной истиной и постоянно мечется между истинным и ложным.

Всякая философия, приходится сказать это, по необходимости заключена в роковом круге без исхода. В области нравственности она сначала предписывает сама себе закон, а затем начинает ему подчиняться, неизвестно, ни как, ни почему; в области метафизики она всегда предварительно устанавливает какое-то начало, из которого затем, по ее воле, вытекает целый мир вещей, ею же созданных. Это — вечное *petito principii*² и при этом оно неизбежно: иначе все участие разума в этом деле свелось бы, очевидно, к нулю.

Вот, например, как поступает самая положительная, самая строгая философия нашего времени. Она начинает с установления факта, что орудием познания является наш разум, а поэтому необходимо прежде всего научиться его познать; без этого, утверждает она, мы не сможем использовать его должным образом. Далее философия эта и принимается изо всех сил рассекать и разбирать самый разум. Но при помощи чего производит она эту необходимую предварительную работу, эту анатомию сознания? Не посредством ли этого самого разума? Итак, вынужденная в этой своей наипервейшей и главной операции взяться за орудие, которым она по собственному признанию не умеет еще владеть, как может она прийти к искомому познанию? Этого понять нельзя. Но и это еще не все. Более уверенная в себе, чем все прежние философские системы, она утверждает, что с разумом надо обращаться точь в точь как с внешними предметами. Тем же оком, которое вы

2. Такая ошибка в рассуждении, когда для доказательства известного положения пользуются доводом, еще требующим доказательства.

направляете на (внешний) мир, вы можете рассмотреть и свое собственное существо: точно так, как вы ставите перед собой мир, можете вы перед собой поставить и самого себя, и как вы над миром размышляете и производите над ним опыты, так размышляйте и производите опыты над самим собой. Закон тождества, будучи общим природе и разуму, позволяет вам одинаково обращаться и с нею и с ним. На основании ряда тождественных явлений материального порядка вы выводите заключение об общем явлении, что же мешает вам из ряда одинаковых фактов заключать к всеобщему факту и в порядке умственном? Как вы в состоянии заранее предвидеть факт физический, с одинаковой уверенностью вы можете предвидеть и факт духовный; смело можно в психологии поступать так, как в физике. Такова эмпирическая философия. По счастью, философия эта стала в настоящее время уделом лишь нескольких отсталых умов, которые упорно топчутся на старых путях.

Но вот свет уже пробивается сквозь обступающую нас тьму, и все движение философии, вплоть до эклектизма, который так благодушен и уступчив, что, кажется, только и помышляет о самоупразднении, наперебой стремится вернуть нас на более надежные пути. Среди умственных течений современности есть в частности одно, которое приходится особенно выделить. Это род тонкого платонизма, новое порождение глубокой и мечтательной Германии; это преисполненный возвышенной поэзии трансцендентальный идеализм, который уже потряс ветхое здание философских предрассудков в самой их основе. Но новое направление пребывает пока на таких эфирных высотах, на которых захватывает дыхание. Оно как бы витает в прозрачном воздухе, порою светясь каким-то мягким и нежным отблеском, порою теряясь в неясных или мрачных сумерках, так что можно принять его за одно из фантастических видений, которые подчас появляются на южном небе, а через мгновение исчезают, не оставляя следа ни в воздухе, ни в памяти. Будем надеяться, что прекрасная и величественная мысль эта вскоре спустится в обитаемые пространства: мы будем ее приветствовать с живейшим сочувствием. А пока предоставим ей шествовать по ее извилистому пути, а сами пойдем намеченной себе дорогой, более надежной.

Так вот, если, как мы убедились, движение в мире нравственном, как и движение в мире физическом — послед-

ствии изначального толчка, то не следует ли из этого, что то и другое движение и в дальнейшем подчинены одним и тем же законам, а следовательно, все явления жизни духа могут быть выведены по аналогии? Значит, подобно тому, как столкновение тел в природе служит продолжением этого первого толчка, сообщенного материи, столкновение сознаний, также продолжает движение духа; подобно тому, как в природе всякая вещь связана со всем, что ей предшествует и что за ней следует, так и всякий отдельный человек и всякая мысль людей связаны со всеми людьми и со всеми человеческими мыслями, предшествующими и последующими: и как едина природа, так, по образному выражению Паскаля, и вся последовательная смена людей есть один человек, пребывающий вечно, и каждый из нас — участник работы сознания, которая совершается на протяжении веков. Наконец, подобно тому, как некая построяющая и непрерывная работа элементов материальных или атомов, т. е. воспроизведение физических существ, составляет материальную природу, подобная же работа элементов духовных или идей, т. е. воспроизведение душ, составляет природу духовную; и если я постигаю всю осязаемую материю как одно целое, то я должен одинаково воспринимать и всю совокупность сознаний, как единое и единственное сознание.

Главный рычаг образования душ есть без сомнения *слово*: без него нельзя себе представить ни происхождения сознания в отдельной личности, ни его развития в человеческом роде. Но одно только слово недостаточно для того, чтобы вызвать великое явление всемирного сознания, слово далеко не единственное средство общения между людьми, оно, следовательно, совсем не обнимает собой всю духовную работу, совершающуюся в мире. Тысячи скрытых нитей связывают мысли одного разумного существа с мыслями другого; наши самые сокровенные мысли находят всевозможные средства вылиться наружу; рассеиваясь, скрещиваясь между собой, они сливаются воедино, сочетаются, переходят из одного сознания в другое, обсеменяют, оплодотворяют — и, в конце концов, порождают общее сознание. Иногда случается, что проявленная мысль как будто не производит никакого действия на окружающее; а между тем — движение передалось, толчок произошел; в свое время мысль найдет другую, родственную, которую она потрясет, прикоснувшись к ней, и тогда вы увидите

ее возрождение и поразительное действие в мире сознаний. Вы знаете такой физический опыт: подвешивают несколько шариков в ряд: отстраняют первый шарик, и последний шарик отскакивает, а промежуточные остаются неподвижными. Вот так передается и мысль, проносясь сквозь головы людей*. Сколько великих и прекрасных мыслей, откуда-то явившихся, охватили бесчисленные массы и поколения. Сколько возвышенных истин живет и действует, властвуя или светясь среди нас, и никто не знает, ни откуда явились эти внушительные силы или блестящие светочи, ни как они пронеслись через времена и пространства. Цицерон где-то сказал: «Природа так устроила человеческий облик, что он выявляет чувства, скрытые в сердце: что бы мы ни чувствовали, глаза наши всегда это отражают»³. Это совершенно верно: в разумном существе все выдает его затаенную мысль; весь человек целиком сообщается ближнему, и так происходит зарождение сознаний. Ибо сознание возникает ничуть не более чудесными путями, чем все остальное. Здесь такое же зарождение, как и всякое другое. Один и тот же закон имеет силу при любом воспроизведении, какова бы ни была его природа: все возникает через соприкосновение или слияние существ: никакая сила, никакая власть, обособленная от других, не может оказать своего действия. Необходимо только принять во внимание, что самый факт зарождения происходит где-то вне нашего непосредственного наблюдения. Подобно тому, как в физическом мире вы наблюдаете действие различных природных сил — притяжения, ассимиляции, сродства и т. п., но в последнем счете подходите к факту неуловимому, к самому акту, сообщающему физическую жизнь, — и в мире духовном мы ясно различаем последствия, вызванные различными человеческими силами, но, в конце концов, мы подходим к чему-то, что ускользает от нашего непосредственного восприятия, к самому акту передачи духовной жизни.

А что такое то мировое сознание, которое соответствует мировой материи и на лоне которого протекают явления

* Известно, что знаменитое доказательство бытия Божия, приписываемое Декарту, восходит к Ансельму, жившему в XI в. Доказательство оставалось погребенным в каком-то уголке человеческого сознания в течение почти 500 лет, пока не явился Декарт и не вручил его философии.

3. Цицерон, О законах, к. I.

духовного порядка подобно тому, как явления порядка физического протекают на лоне материальности? Это не что иное, как совокупность всех идей, которые живут в памяти людей. Для того, чтобы стать достоянием человечества, идея должна пройти через известное число поколений, другими словами, идея становится достоянием всеобщего разума лишь в качестве традиции. Но речь идет здесь отнюдь не только о тех традициях, которые сообщаются человеческому уму историей и наукой: эти традиции составляют лишь часть мировой памяти. А много есть и таких, которые никогда не оглашались перед народными собраниями, никогда не были воспеты рапсодами, никогда не были начертаны ни на колоннах, ни в хартиях; самое время их возникновения никогда не было проверено исчислением и приурочено к течению светил небесных; критика никогда не взвешивала их на своих пристрастных весах; их влагает в глубину душ неведомая рука, их сообщают сердцу новорожденного первая улыбка матери, первая ласка отца. Таковы всеильные воспоминания, в которых сосредоточен опыт поколений: всякий в отдельности их воспринимает с воздухом, которым дышит. И в этой-то среде совершаются все чудеса сознания. Правда, этот сокрытый опыт веков в целостности не доходит до каждой частицы человечества; но он все же составляет духовную сущность вселенной, он переливается в жилах человеческих рас, он воплощается в образовании их тел и, наконец, — служит продолжением других традиций, еще более таинственных, не имеющих корней на земле, но составляющих отправную точку всех обществ: твердо установлено, что в каждом племени, как бы оно ни обособилось от основного мирового движения, всегда находятся некоторые представления, более или менее отчетливые, о высшем существе, о добре и зле, о том, что справедливо и что несправедливо: без этих представлений невозможно было бы существование племени совершенно так же, как и без грубых произведений земли, которую племя попирает, и деревьев, которые дают ему приют. Откуда эти представления? Никто этого не знает; предания — вот и все; докопаться до их происхождения невозможно: дети восприняли их от отцов и матерей — вот и вся их родословная. А затем на эти первоначальные понятия нисходят века, на них скапливается опыт, на них создается наука, из этой невидимой основы вырастает человеческий дух. И вот как, путем

наблюдений действительности, мы подошли к тому самому, к чему привело нас и рассуждение: к начальному толчку, без которого, как мы убедились, ничего бы не двинулось в природе и который необходим здесь точно так, как и там.

И скажите на милость, можете ли вы допустить сознательное существо без всякой мысли? Можете ли вы представить себе в человеке разум ранее, чем он пустил его в дело? Можете ли вы себе представить что-либо в голове ребенка до того, как ему было преподано нечто свидетелями появления его на свет? Находили детей среди лесных зверей, нравы которых эти дети себе усвоили; они затем восстанавливали свои умственные способности; но эти дети не могли быть покинуты с первых дней своего существования. Детеныш самого сильного животного неизбежно погибнет, оставленный самкой тотчас же после родов; а человек — слабейшее из животных, он требует кормления грудью в течение шести или семи месяцев, даже череп его остается незакостеневшим несколько дней после рождения, как бы он мог просуществовать первое время своей жизни, не попав в материнские руки? Значит, дети эти до разлуки с родителями восприняли духовное семя. Я ручаюсь, что человек, очутившийся без родителей или иного человеческого существа, как только открылись на свет его глаза, если бы он ни разу не ошутил на себе взгляда одного из себе подобных, не воспринял бы ни единого звука их голоса и в таком отчуждении вырос до сознательного возраста, ничем не отличался бы от других млекопитающих, которых натуралист причислит к тому же роду. Может ли быть что-либо бессмысленнее, чем предположение, будто каждая человеческая личность, как животное, является начинателем своей породы? А между тем, именно такова гипотеза, служащая основой всего идеологического построения. Предполагают, что это крохотное неоформившееся существо, еще связанное через пуповину с чревом матери, — одарено разумом. Но чем это подтверждается? Неужели по гальваническому содроганию, которое в нем заметно, определите вы небесный дар, ему уделенный? Или в бессмысленном его взгляде, в его слезах, в пронзительном крике разпознали вы существо, созданное по образу божию? Есть в нем, спрашиваю я, какая-нибудь мысль, которая бы не вытекала из небольшого круга понятий, вложенных в его голову матерью, кормилицей или другим человеческим существом в первые дни его бытия?

ей или другим человеческим существом в первые дни его бытия? Первый человек не был крикливым ребенком, он был человеком сложившимся, поэтому он вполне мог быть подобен Богу и, разумеется, был Ему подобен: но, конечно, уж вовсе не подобен образу божию людской зародыш. Истинную природу человека составляет то, что из всех существ он один способен просвещаться беспредельно: в этом и состоит его превосходство над всеми созданиями. Но для того, чтобы он мог возвыситься до свойств разумного существа, необходимо, чтобы чело его озарилось лучем высшего разума. В день создания человека Бог с ним беседовал и человек слушал и понимал Его: таково истинное происхождение человеческого разума; психология никогда не отыщет объяснения более глубокого. В дальнейшем он частью утратил способность воспринимать голос Бога, это было естественным следствием дара полученной им неограниченной свободы. Но он не потерял воспоминания о первых божественных словах, которые раздались в его ухе. Вот этот-то первый глагол Бога к первому человеку, передаваемый от поколения к поколению, поражает человека в колыбели, он-то и вводит человека в мир сознаний и превращает его в мыслящее существо. Тем же действием, которое Бог совершал, чтобы исторгнуть человека из небытия, Он пользуется и сейчас для создания всякого нового мыслящего существа. Это именно Бог постоянно обращается к человеку через посредство ему подобных.

Таким образом, представление о том, будто человеческое существо является в мир с готовым разумом, не имеет, как вы видите, никакого основания ни в опытных данных, ни в отвлеченных доводах. Великий закон постоянного и прямого воздействия высшего начала повторяется в общей жизни человека, как он осуществляется во всем творении. Там — это сила, заключающаяся в количестве, здесь — это принцип, заключающийся в традиции; но в обоих случаях повторяется одно и то же: внешнее воздействие на существо, каково бы оно ни было, воздействие сначала мгновенное, а затем — длительное и непрерывное.

Как бы не замыкаться в себе, как бы ни копаться в сокровенных глубинах своего сердца, мы никогда там ничего не найдем, кроме мысли, унаследованной от наших предшественников на земле. Это разумение, как его ни разлагать, как его ни

расчленять на части, оно всегда останется разумением всех поколений, сменившихся со времен первого человека и до нас; и когда мы размышляем о способностях нашего ума, мы пользуемся лишь более или менее удачно этим самым мировым разумом, с тем, чтобы наблюдать ту его долю, которую мы из него восприняли в продолжение нашего личного существования. Что означает то или иное свойство души? Это идея, идея, которую мы находим в своем уме вполне готовой, не зная, как она в нем появилась, а эта идея в свою очередь вызывает другую. Но первая-то идея, откуда по-вашему может в нас возникнуть она, если не из того океана идей, в который мы погружены? Лишенные общения с другими сознаниями, мы (мирно) шипали бы траву, а не рассуждали бы о своей природе. Если не согласиться с тем, что мысль человека есть мысль рода человеческого, то нет возможности понять, что она такое. Подобно всей остальной части в созданной вселенной, ничего в мире сознаний не может быть постигнуто совершенно обособленным, существующим самим собою. И, наконец, если справедливо что в верховной или объективной действительности разум-человеческий на самом деле лишь постоянное воспроизведение мысли Бога, то его разум во времени, или разум субъективный, очевидно, тот, который он, благодаря свободной воле, сам себе создал. Правда, школьная мудрость не считается со всем этим: для нее существует только один и единственный разум; для нее данный человек и есть тот, каким он вышел из рук создателя; (хотя и) созданный свободным, он не употребил во зло своей свободы; при всем своем своеволии, он, подобно неодушевленным предметам, пребыл неизменным, повинуюсь непреклонной силе; заблуждения без счета, грубейшие предрассудки, им порожденные, преступления, которыми он запятнал себя,— ничего из всего этого якобы не оставило следа в его душе. Вот он — тот самый, каким он был в тот день, божественное дыхание оживило его земное существо, он столь же чист, столь же непорочен, как тогда, когда еще ничто не осквернило его юной природы; для этой школьной мудрости человек постоянно один и тот же; всегда и всюду; мы именно таковы, какими должны были быть; и вот — это скопище мыслей, неполных, фантастических, несогласованных, которое мы именуем человеческим умом, по ее мнению оно именно и есть чистый разум, небесная эманация,

истекшая из самого Бога; ничто его не изменило, ничто его не коснулось. Так рассуждает человеческая мудрость.

Тем не менее, ум человеческий всегда ошущал потребность сызнова себя перестроить по идеальному образцу. До появления христианства он только и делал, что работал над созданием этого образца, который постоянно ускользал от него и над которым он постоянно продолжал трудиться; это и составляло великую задачу древности. В то время человек поневоле был обречен на искание образца в самом себе. Но удвительно то, что и в наши дни, имея перед собой возвышенные наставления, преподанные в христианстве, философ все еще подчас упорно пребывает в том кругу, в котором был замкнут древний мир, а не помышляет о поисках образца совершенного разума вне человеческой природы, не думает, например, обратиться к возвышенному учению, предназначенному сохранить в среде людей древнейшие традиции мира, к той удивительной книге, которая столь явственно носит на себе печать абсолютного разума, т. е. именно того разума, который он ищет и не может найти. Стоит только несколько вдуматься с искренней верой в учение, раскрытое откровением, — и вас поразит то величавое выражение духовного совершенства, которое в этом учении царит нераздельно, вам откроется, что все выдающиеся умы, вами там встреченные, составляют лишь части одного обширного разума, который заполняет и пронизывает тот мир, в котором прошедшее, настоящее и будущее составляют одно неразделимое целое; вы почувствуете, что все там ведет к постижению природы такого разума, который не подчинен условиям времени и пространства, и (именно) того, которым человек некогда обладал, который он утратил и который он некогда вновь обретет, (тот самый), который был нам явлен в лице Христа. Заметьте, что по этому вопросу философский спиритуализм ничем не разнится от противоположной системы, ибо, все равно, признаем ли мы человеческое разумение за пустое место, согласившись со старой формулой сенсуалистов — нет ничего в уме, чтобы не было сперва в ошущении, или же предположим ли мы, что разум действует по присущей ему собственной силе и повторим за Декартом: я замыкаю все свои ошущения и я живу, и в том и в другом случае мы все же будем иметь дело с тем разумом, который мы сейчас в себе находим, а не с тем, который был нам дарован изначально; поэтому

мы будем исследовать вовсе не подлинное духовное начало, но начало искаженное, искалеченное, извращенное произволом человека.

Впрочем, из всех известных систем, несомненно, самая глубокая и плодотворная по своим последствиям есть та, которая стремится, для того чтобы отчетливо понять явление разумности, добросовестно построить совершенно отвлеченный разум, существо исключительно мыслящее, не восходя при этом к источнику духовного начала⁴. Но так как материалом, из которого эта система строит свой образец, служит ей человек в теперешнем его состоянии, то она все-таки вскрывает перед нами разум искусственный, а не разум первоначальный. Глубокий мыслитель, творец этой философии, не усмотрел, что все дело (заключалось) только в том, чтобы представить себе разум, который бы имел одно волевое устремление: обрести и вызвать к действию разум высший, но такой разум, свойство (mode) движения которого заключалось бы в совершенном подчинении закону, подобно всему существующему, а вся его сила сводилась бы к безграничному стремлению слиться с тем другим разумом. Если бы он избрал это своей исходной точкой, он бы, конечно, пришел к идее разума воистину чистого, потому что разум этот был бы простым отражением абсолютного разума и анализ этого разума привел бы его без сомнения к последствиям огромной важности, а сверх того он не впал бы в ложное учение об а в т о н о м и и человеческого разума, о каком-то императивном законе, находящемся внутри самого нашего разума и даюшем ему способность собственным порывом возвышаться до всей полноты доступного ему совершенства, наконец, другая, еще более самонадеянная философия, философия всемогущества человеческого Я, не была бы ему обязана своим существованием.⁵

Но все же надо воздать ему должное: его создание и в теперешнем своем виде заслуживает с нашей стороны всяческого уважения. Тому направлению, которое он придал философским знаниям, обязаны мы всеми здоровыми идеями современности, сколько их ни есть в мире; и мы сами — только логическое последствие его мысли. Он положил уверенной рукой пределы

4. Здесь речь идет о философии Канта.

5. Чаадаев имеет в виду философию Фихте.

человеческому разуму; он выяснил, что разум этот принужден принять два самых глубоких своих убеждения, а именно: существование Бога и неограниченное свое бытие, не имея возможности их доказать; он научил нас тому, что существует верховная логика, которая не подходит под нашу мерку и которая вне зависимости от нашей воли над нами тяготеет, и что имеется мир, отличный от нашего, а вместе с тем пребывающий одновременно с тем, в котором мы мечемся, и мир этот наш разум вынужден признать под опасением в противном случае самому ввергнуться в небытие, и, наконец, что именно отсюда мы должны почерпнуть все наши познания, чтобы затем применить их к миру реальному. И все же в конце концов приходится признать и то, что ему было предназначено только проложить новый путь философии и что если он оказал великие услуги человеческому духу, то лишь в том смысле, что заставил его вернуться вспять.

В итоге произведенного нами сейчас исследования получается следующее. Сколько ни есть на свете идей, все они — последствия некоторого числа передаваемых традиционно понятий, которые так же мало составляют достояние отдельного разумного существа, как природные силы — принадлежность особи физической. А р х и т и п ы Платона, в р о ж д е н н ы е и д е и Декарта, а p r i o r i Канта, все эти различные элементы мысли, которые всеми глубокими мыслителями по необходимости признавались за предваряющие какие бы то ни было проявления души, за предшествующие всякому опытному знанию и всякому самостоятельному действию ума, все эти изначально существующие зародыши разума сводятся к идеям, которые переданы нам от сознаний, предваривших нас к жизни и предназначенных ввести нас в наше личное бытие. Без восприятия этих результатов человек был бы просто-напросто двуногим или двуруким млекопитающим, ни более, ни менее, и это несмотря на лицевой угол, близкий к прямому, несмотря на размер своей черепной коробки, несмотря на вертикальное положение своего тела и т. д. Вложенные чудесным образом в сознание первого человеческого существа в день его создания той же рукой, которая направила планету по эллиптической орбите, которая привела в движение мертвую материю, которая даровала жизнь органическому существу, — именно эти-то идеи сообщили разуму свойственное ему движение и кинули человека в тот

огромный круг, который ему предначертано пробежать. Идеи эти, возникающие посредством взаимного соприкосновения душ и в силу таинственного начала, которое увековечивает в созданном сознании действие сознания Верховного, поддерживают жизнь природы материальной. Так продолжается во всем первичное воздействие; так оно выливается окончательно в некое провидение, постоянное и непосредственное, простирающееся свое действие на всю совокупность существа.

Раз это установлено, ясно, что нам еще должно исследовать: нам остается лишь проследить движение этих традиций в истории человеческого рода, чтобы выяснить, каким образом и где идея, первоначально вложенная в сердце человека, сохранилась в целостности и чистоте.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Да, сударыня, пришло время говорить простым языком разума. Нельзя уже более ограничиваться слепой верой, упованием сердца; пора обратиться прямо к мысли. Чувству самому по себе не проложить себе пути через всю эту грудку искусственных потребностей, враждебных друг другу интересов, беспокойных забот, овладевших жизнью. Во Франции и Англии она стала слишком сложной, слишком подвластной интересам, слишком личной; в Германии — она слишком отвлеченна, слишком эксцентрична, так что веления сердца утрачивают там свою по существу присущую им силу. А об остальном мире сейчас не стоит и говорить. Приходится ныне свести вопрос к одной, основанной на учете всех возможностей задаче, разрешение которой было бы по плечу всем сознаниям, подходило бы ко всяким настроениям, не поражало бы ничьих наличных интересов и таким образом могло бы увлечь даже самые упорные умы.

Это не значит, что предметы чувства навсегда изъяты из мира мысли. Не дай Бог, настанет вновь и их черед. И тогда мы их увидим столь сильными, широкими, чистыми, какими они еще никогда не бывали. Я не сомневаюсь, время это скоро настанет. Но в наши дни, в данной обстановке, чувствам не дано потрясать души. Очень важно проникнуться этим сознанием. Правда, сейчас заметно некоторое пробуждение живых дарований,

свойственных юношеской поре человечества. Но это лишь заря прекрасного дня; равнины пока сплошь покрыты сумеречной тенью, только некоторые вершины начинают загораться первыми лучами рассвета.

Для всякого, кому истина не безразлична, явные признаки ее налицо. Знаете ли вы, сударыня, что я разумею под этими признаками? Это вся совокупность исторических фактов, должным образом проработанных. Сейчас их надо свести в стройное целое, облечь в доступную форму и так их выразить, чтобы они подействовали на душу людей, самых равнодушных к добру, менее всего открытых правде, на тех, кто еще толчется в прошлом, когда для всего мира оно уже миновало и, конечно, более не вернется, но которое еще живо для ленивых сердец, для низменных душ, никогда не угадывающих настоящего дня, а вечно пребывающих во вчерашнем.

Окончательное просветление должно вытечь из общего смысла истории. И этот смысл должен быть впредь сведен к идее высшей психологии, а именно, чтобы раз навсегда человеческое существо было постигнуто как разумное существо в отвлечении, а отнюдь не существо обособленное и личное, ограниченное в данном моменте, т. е. насекомое-поденка, в один и тот же день появляющееся на свет и умирающее, связанное с совокупностью всего одним только законом рождения и тления. Да, надо обнаружить то, чем действительно жив человеческий род: надо показать всем таинственную действительность, которая в глубине духовной природы и которую пока еще усматриваю только при некотором особом озарении. Лишь бы не быть слишком исключительным, мечтательным, или схематичным, а главное — лишь бы говорить с веком языком века, а не устарелым языком догмата, ставшим непонятным, и тогда, без всякого сомнения, успех обеспечен, именно в наше время, когда и разум, и наука, и даже искусство страстно рвутся навстречу новому нравственному перевороту, как это было и в великую эпоху Спасителя мира.

Я вам уже не раз говорил о влиянии христанской истины на общество. Но я сказал не все. Трудно этому поверить, а между тем то, что я скажу, совсем еще новая мысль: нравственное значение христианства достаточно оценено, но о чисто умственном его действии, о могучей силе его логики почти еще не думают. Ничего еще не было сказано о том значении, которое

имело христианство в развитии и в образовании современной мысли. Пока еще не осознано, что вся наша аргументация — христианская; мы все еще мыслим себя в царстве категорий и силлогизмов Аристотеля. Дело в том, что нескончаемые сетования философов и отщепенцев на те века, когда якобы всеисильны были одни только предрассудки, невежество и изуверство, заставили нас совершенно упустить из виду, как благодетельно было действие веры. Так что, когда пыл неверий миновал, самые праведные и смиренные уже оказались чуждыми на собственной своей почве и лишь с большим трудом вновь водворяли в своих мыслях все на свои места. Правда, эти умы к тому же не интересуются в должной мере изучением чисто человеческой действительности. Они к этому относятся слишком пренебрежительно. По привычке созерцать действия сверхчеловеческие, они не замечают действующих в мире природных сил и почти совсем упускают из виду вещественные условия умственной деятельности. Как бы то ни было, пора современному разуму признать, что всей силой он обязан христианству. Пора уразуметь, что лишь при содействии необычайных средств, дарованных откровением, и благодаря той живой ясности, которую оно сумело внести во все предметы человеческого мышления, воздвигнуто величавое здание современной науки. Эта горделивая наука должна, наконец, сама признать, что она так высоко поднялась только благодаря строгой дисциплине, незыблемости принципов, и прежде всего, благодаря инстинкту и страстному исканию истины, которые она нашла в учении Христа.

По счастью, мы живем уже не в те времена, когда партийное упорство принималось за убеждение, а выпады сект — за благочестивое рвение. Можно поэтому надеяться, что удастся сговориться. Но вы, конечно, согласитесь, что не истине делать уступки. И тут дело не в требованиях этикета: для законного авторитета уступка означала бы отказ от всякой власти, всякой активной роли, уступка была бы самоуничтожением. Вопрос тут не в поддержании престижа, не в каком-либо внешнем впечатлении. Всякий престиж навсегда утратил значение, и иллюзии отошли в вечность. Дело идет о самой реальной вещи, более реальной, чем это можно выразить словами. Ведь протекшее определяет будущее: таков закон жизни. Отказаться от своего прошлого значит лишить себя будущего. Но те триста

лет, которые числит за собой великое христианское заблуждение, вовсе не такое воспоминание, которое не могло бы быть при желании стерто. Отколовшиеся могут поэтому по произволу строить свое будущее. Исконная община изначально дышала лишь надеждой и верой в обещанное ей предназначение, а они — пребывали до сих пор без всякой идеи будущего.

Необходимо, однако, прежде всего выяснить одно важное обстоятельство. Между предметами, которые способствуют сохранению истины на земле, одним из наиболее существенных является, без сомнения, священная книга Нового Завета. К книге, содержащей подлинный акт установления нового строя на земле, естественно относятся с особым непререкаемым уважением. Слово писанное не улетучивается, как слово произнесенное. Оно кладет свою печать на разум. Оно его сурово подчиняет себе своею нерушимостью и длительным признанием святости. Но вместе с тем, кодифицируя дух, слово лишает его подвижности, оно гнетет его, втесняя его в узкие рамки писания, и всячески его сковывает. Ничто так не задерживает религиозную мысль в ее высоком порыве, в ее беспредельном шествии вперед, как книга, ничто так не затрудняет вполне прочного утверждения религиозной мысли в человеческой душе. В религиозной жизни все теперь основано на букве, и подлинный голос воплощенного разума пребывает немым. С амвонов истины раздаются только лишенные силы и авторитета слова. Проповедь стала лишь случайным явлением в строительстве добра. А между тем, — надо же, наконец, прямо признать это, — проповедь, переданная нам в писании, была, само собою разумеется, обращена к одним присутствовавшим слушателям. Она не может быть одинаково понятна для людей всех времен и всех стран. По необходимости она должна была принять известную местную и современную ей окраску, а это замыкает ее в такие пределы, вырваться из которых она может лишь с помощью толкования, более или менее произвольного и вполне человеческого. Так может ли это древнее слово всегда вешать миру с той же силой, как в то время, когда оно было подлинной речью своего века, действительной силой данного момента! Не должен ли раздаться в мире новый голос, связанный с ходом истории, такой, чтобы его призывы не были никому чужды, чтобы они одинаково гремели во всех концах земли и чтобы отзвуки и в нынешнем веке наперебой его схватывали и разносили его из края в край вселенной.

Слово, — обращенный ко всем векам глагол, — это не одна только речь Спасителя, это весь его небесный образ, увенчанный его небесный образ, увенчанный его сиянием, покрытый его кровью, с распятием на кресте. Словом, тот самый, каким Бог раз навсегда запечаталел Его в людской памяти. Когда Сын Божий говорил, что Он пошлет людям духа и что Он сам пребудет среди них вечно, неужели Он помышлял об этой книге, составленной после его смерти, где худо ли, хорошо ли, рассказано об его жизни и его речах и собраны некоторые записи его учеников? Мог ли Он полагать, что эта книга увековечит его учение на земле? Конечно, не такова была его мысль. Он хотел сказать, что после Него явятся люди, которые так вникнут в созерцание и изучение его совершенств, которые так будут преисполнены его учением и примером его жизни, что нравственно они составят с Ним о д н о ц е л о е, что эти люди, следуя друг за другом из поколения в поколение, будут передавать из рук в руки всю его мысль, все его существо: вот что Он хотел сказать и вот именно то, чего не понимают. Думают найти все его наследие в этих страницах, которые столько раз искажены были различными толкователями, столько раз сгибались по произволу.

(Как известно, христианство упрочилось без содействия какой бы то ни было книги. Начиная со второго века оно уже покорило мир. И с тех пор человеческий род был ему подчинен безвозвратно).

Воображают, что стоит только распространить эту книгу по всей земле, и земля обратится к истине: жалкая мечта, которой так страстно предаются отпадшие.

Его божественный разум живет в людях, таких, каковы мы и каков Он сам, а вовсе не в составленной церковью книге. И вот почему упорная привязанность со стороны верных преданию к поразительному догмату о действительном присутствии тела в евхаристии и их незнающее пределов поклонение телу Спасителя столь достойны уважения. Именно в этом лучше всего постигается источник христианской истины: здесь всего убедительнее обнаруживается необходимость стараться всеми доступными средствами делать действительным присутствие среди нас Богочеловека, вызывать беспрестанно его телесный образ, чтобы иметь Его постоянно перед глазами, во всем его величии, как образец и вечное поучение нового человечества. По-моему, это заслуживает самого глубокого размышления.

Этот странный догмат об евхаристии, предмет издевательства и презрения, открытый со стольких сторон злым нападкам человеческих доводов, сохраняется в некоторых умах, несмотря ни на что, нерушимым и чистым. В чем тут дело? Не для того ли, чтобы когда-нибудь послужить средством единения между разными христианскими учениями? Не для того ли, чтобы в свое время выявить в мире новый свет, который пока еще скрывается в тайнах судьбы? Я в этом не сомневаюсь.

Итак, хотя печать, наложенную человеческой мыслью, надо признать необходимой составной частью нравственного мира, настоящая основа слияния сознаний и мирового развития разумного существа, на самом деле, содержится по временам, странам и лицам, и пребывает всегда тем, чем оно должно быть, которое не нуждается ни в разъяснениях, ни в толковании, подлинность которого не требует защиты на основе канонов — в слове, этом естественном орудии нашей мысли. Так что предположение, будто вся мудрость заключается в столбцах одной книги, как это утверждают протестанты, не скажу даже — не правомерно, оно, во всяком случае, не имеет ничего общего с философией. А с другой стороны, несомненно, есть высшая философия в этих столь устойчивых верованиях, заставляющих людей закона признавать другой источник истины, более чистый, другой авторитет, менее земной.

Надо уметь ценить этот христианский разум столь уверенный в себе, столь точный в этих людях: это инстинкт правды, это последствие нравственного начала, перенесенного из области поступков в область сознания; это бессознательная логика мышления, вполне подчинившегося дисциплине. Удивительное понимание жизни, принесенное на землю создателем христианства; дух самоотвержения; отвращение от разделения; страстное влечение к единству: вот что сохраняет христиан чистыми при любых обстоятельствах. Так сохраняется раскрытая свыше идея, а через нее совершается великое действие слияния душ и различных нравственных сил мира в одну душу, в единую силу. Это слияние — все предназначение христианства. Истина едина: Царство Божие, Небо на земле, все евангельские обетования — все это не иное что, как прозрение и осуществление соединения всех мыслей человечества в единой мысли; и эта единая мысль есть мысль самого Бога, иначе говоря, — осуществленный нравственный закон. Вся работа сознательных поколений

предназначена вызвать это окончательное действие, которое есть предел и цель всего, последняя фаза человеческой природы, разрешение мировой драмы, великий апокалиптический синтез.

РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ ЧААДАЕВА

Советскому человеку имя Чаадаева знакомо в основном по стихотворению Пушкина, которое проходят в школе. Чаадаев познакомился с Пушкиным в 1816 году и был до конца его жизни одним из самых близких его друзей. Пушкин считал его мудрецом и дорожил его мнением. О выдающихся общественных способностях Чаадаева говорят и такие пушкинские слова о нем: «он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес, у нас он офицер гусарский». В пушкинскую эпоху Чаадаев был единственным русским мыслителем. Чаадаев — философ истории по преимуществу, о котором о.Василий Зеньковский в своей «Истории русской философии» писал, что он чувствовал «пламень истории».

Историософские наблюдения Чаадаева отчасти вытекают из его философской концепции, которую приходится реконструировать, ибо он не создал систематической философии. В основе его мировоззрения лежит принцип единства. Чаадаев — монист, везде он ищет одно главенствующее начало, отступление от которого он считает грехопадением. Мысль его строится следующим образом. Единство истории и единство центрального в ней — Церкви — вытекает из фундаментального единства человечества. Не стоит и говорить, что Чаадаев презрительно относится к попыткам материалистов объяснить человека только через природу, материю. Эти попытки он язвительно называл «зоологией человека».

Повторяя мысль Паскаля, Чаадаев утверждает, что человечество — это единый Адам в истории. «Весь последовательный ряд людей есть не что иное, как один человек, пребывающий вечно.» Это подтверждается тем, что индивидуальный разум связан с соборным. По Чаадаеву, человек — социальное существо, он связан с другими людьми. Без общения с другими людьми мы были бы с детства лишены разумности: «Если не согласиться с тем, что мысль человека есть мысль рода человеческого, то нет возможности понять, что она такое.»

Социальное общение уже заключает в себе духовное начало. Не коллективность сама по себе создает разум в новых человеческих существах, а свет разумности хранится и

передается через социальную среду. Но сам разум в человеке от Бога. «В день создания человека Бог беседовал с ним, и человек слушал и понимал, — таково истинное происхождение разума» — писал Чаадаев. Это воспоминание о Божественных словах не было утеряно даже после того, как грехопадение воздвигло стену между Богом и человеком. Глагол Бога к человеку, передаваемый от поколения к поколению, вводит человека в мир сознания и превращает его в мыслящее существо. Чаадаеву принадлежит мысль, что разум социален, что мысль человека есть мысль рода человеческого. Потому не может существовать национальное и личное сознание без исторической памяти. История как знание есть самосознание народов.

«Народы живут лишь могучими впечатлениями, которые оставляют в их душе протекшие века, да общение с другими народами. Вот почему каждый отдельный человек проникнут сознанием своей связи со всем человечеством. Что такое жизнь человека, говорит Цицерон, если память о прошлых событиях не связывает настоящего с прошедшим.»

Божественный разум есть разум единства. Если индивидуальные силы тяготеют к хаосу, по мысли Чаадаева, то закон божественного единства вносит порядок в бытие и противостоит хаосу. Но историческая преемственность и духовное единство человечества — не естественная данность, а то, к чему нужно стремиться, что достижимо лишь с помощью универсальной религии. Такой универсальной религией Чаадаев считал христианство, которое для него, в первую очередь, было религией, воплощающей в себе принцип единства. С этой мысли начинается его первое письмо и ее можно назвать краеугольным камнем всей чаадаевской философии:

«Учение, основанное на верховном принципе единства и прямой передаче истины в непрерывном ряду его служителей, конечно, всего более отвечает истинному духу религии, ибо он всецело сводится к идее слияния всех существующих на свете нравственных сил в одну мысль, в одно чувство.»

Это принцип единства, нисходя из метафизической сферы в историю, становится ее формирующим началом. Единству Бога соответствует единство Израиля. Этому единству и единственности Израиля соответствует и единственность Моисея, дающего единственный закон на фоне отпадающих во множествен-

ность и потому выпадающих из единственного божественного плана языческих культур.

Верховная религиозная идея лежит в основе высшего развития общества. Предоставленный самому себе, лишенный Божественного закона, человек бы шел путем падения, что показывает беспристрастный анализ древнего, античного, дохристианского мира. Мир дохристианский был развратен, лжив и обогрен кровью. Лишь христианская вера сверхъестественной силою благодати сообщила этому падшему, разлагающемуся миру новое направление. По мысли Чаадаева, не варвары разрушили древний мир. И без них он уже был истлевшим трупом. Вся древняя цивилизация погибла вместе с Римом.

Христианство, восприняв от иудаизма принцип единства, сделало его универсальным, распространив его на все народы, на всю вселенную. Чаадаев больше всего ценил христианство за то, что оно является универсальной силой, преодолевающей барьеры между людьми. Войдя в мир, христианство стало связующей силой между разными народами, универсальным двигателем истории.

«Едва произнесено имя Христа, одно это имя увлекает людей, что бы они не делали. Ничто не обнаруживает так ясно божественного происхождения христианской религии, как эта ее безусловная универсальность, сказывающаяся в том, что она проникает в души всевозможными путями, овладевает умом без его ведома и даже в тех случаях, когда он, по-видимому, всего более ей противится, подчиняет его себе и властвует над ним. Так определяет она роль каждой личности в общей работе и заставляет все содействовать одной цели. При таком понимании христианства всякое пророчество Христа получает характер осязательной истины. Тогда начинаешь ясно различать движение всех рычагов, которые Его всемогущая десница пускает в ход, дабы привести человека к его конечной цели, не посягая на его свободу, не умерщвляя ни одной из его природных способностей, а наоборот, удешевляя их силу и доводя до безмерного напряжения ту долю моши, которая заложена в нем самом.

Конечно, счастливы те, кто служит Господу с полным сознанием и убеждением. Но не будем забывать, что в мире существует бесконечное множество сил, которые повинуются

голосу Христа, нисколько не отдавая себе отчета в том, что ими двигает высшая сила.

Доступная всякому разумному существу, христианская идея все увлекает за собой и самые препятствия, встречаемые ею, помогают ей расти и крепнуть.»

Какова же христианская идея? Для Чаадаева, основная идея христианства — это идея Царства Божьего, понятого не в отрыве от земной жизни, а в историческом воплощении. Эта идея и явилась истинным источником исторического прогресса. Не материальные интересы, а духовные идеалы являются истинными движущими силами истории.

«Дело в том, — пишет Чаадаев, — что как только материальный интерес удовлетворен, человек больше не прогрессирует: хорошо еще, если он не идет назад. Только христианское общество по истине одушевлено духовными интересами, и именно этим обусловлена способность новых народов к совершенствованию, именно здесь вся тайна их культуры. Этот интерес никогда не может быть удовлетворен: он беспределен по самой своей природе. Таким образом, христианские народы в силу необходимости постоянно идут вперед. При этом, хотя цель, к которой они стремятся, не имеет ничего общего с тем другим благополучием, на которое одно только и могут рассчитывать нехристианские народы, но они попутно находят его и пользуются им. Утехи жизни, которые единственно ищут другие народы, достаются также на их долю, согласно слову Спасителя: «Ищите же прежде всего Царства Божия и правды Его, и все остальное приложится вам.» Таким образом, огромный размах, который сообщает всем умственным силам этих народов идея, владеющая ими, в изобилии обеспечивает им все телесные блага, так же как и духовные.»

Христианство, несущее божественные силы жизни как отдельной личности, так и народам, которые его приняли, явилось основой развития и нерушимости европейских народов. Чаадаев отмечал, что в истории христианских народов мы не видим крушений, есть лишь всевозможные перемещения географических границ, само же общество и отдельные народы остались нетронутыми. Эту силу развития и жизненности придали обществу духовные идеалы христианства, и главный идеал — воплощение Царства Божьего в исторической жизни.

Чаадаев считал, что христианство определяло в основном всю европейскую историю, что, несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, европейское общество есть все же общество христианское. Он отмечал, что все народы Европы имеют общую физиономию, некоторое семейное сходство. Есть общая связь соединяющая их всех в одно целое и хорошо видимая всякому, кто вник в их общую историю. Еще недавно, как он указывает, вся Европа называлась христианским миром. Сердце этого духовного единства европейской цивилизации Чаадаев видел в Католической Церкви.

Для Чаадаева вся история Европы определяется принципом религиозного единства прежде всего потому, что европейская цивилизация была сформирована католицизмом и его принципом духовного единоначалия, выраженного в папизме. Папство централизовало все христианские идеи и вносило принцип религиозного единства в европейскую жизнь, благодаря чему именно в Европе, по мысли Чаадаева, и было в некотором смысле достигнуто Царство Божие. В католической Церкви с ее единством и централизмом он прежде всего видел универсальную общественную силу по воспитанию и духовному объединению рода человеческого.

«Сушностью всякого раскола в христианском мире является нарушение того таинственного единства, — писал Чаадаев, — в котором заключается вся божественная идея и вся сила христианства. Что пользы людям в единении со Спасителем, если они разъединены между собой? Допустим даже, что папство — человеческое учреждение, каким его хотели бы представить, — если только явление таких размеров может быть делом рук человеческих, — но оно существенным образом вытекает из самого духа христианства: это — видимый знак единства, а вместе с тем в виду происшедшего разделения — и символ воссоединения. И кто не изумится его необыкновенным судьбам? Несмотря на все испытанные им превратности и невзгоды, несмотря на его собственные ошибки, несмотря на все нападки неверия и даже его торжество, оно стоит непоколебимо и тверже, чем когда-либо. Лишившись своего человеческого блеска, оно стало только сильнее. Как и прежде, оно в совершенстве выполняет свое назначение: оно централизует христианские идеи, сближает их между собой, напоминая всем об единстве. Пусть случилось бы невозможное и папство

исчезло бы с лица земли, вы увидите, в какое смятение придут все религиозные общины, когда этот живой памятник истории великой общины не будет стоять перед их глазами.»

Чаадаев потому и был, как пишет Бердяев, потрясен и пленен универсализмом католичества и его активностью в истории, что видел в Католической Церкви силу, придающую европейской цивилизации единство и динамизм. Поэтому нарушение церковного единства, разделение, которое внесла реформация, есть историческое зло. Чаадаев настолько высоко ставит этот принцип религиозного единства и в такой степени ценит папство как институт его сохраняющий, что в реформации и в разделении Церкви на Восточную и Западную, православную и католическую, он склонен винить кого угодно, но не само папство. Как блюститель этого начала единства, папство остается вне суда. Религиозное начало единства, воплощенное в католичестве, воспитало за века европейские народы.

Для Чаадаева народы являются такими же духовными, нравственными существами, как и отдельные личности. Поэтому для жизни народа; так же как и для жизни отдельного человека, необходим не только правильный физический, но и правильный духовный режим.

«Народы — писал Чаадаев, — в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы. Потому надо заняться сначала выработкой домашней нравственности народов, отличной от их политической нравственности; надо, чтобы народы сперва научились знать и ценить друг друга, чтобы они знали свои пороки и свои добродетели, чтобы они научились раскаиваться в содеянных ими ошибках, исправлять сделанное ими зло. Вот первое условие истинного совершенствования как индивидов, так равно и масс.»

Именно в силу онтологического единства человечества, всякий национализм, как отпадение от начала религиозного единства и противопоставление своей нации всем другим, есть духовное зло. За это отпадение нации приходится платить дорогой ценой. Такова, в частности, цена, которую приходится платить России за свою религиозную обособленность.

На самом первоначальном уровне Россия расплачивается невоспитанностью и бесформенностью русской души. Русские еще не постигли ту аксиоматическую для европейских народов

истину, что для души существует известный режим, как и для тела, и надо подчинять ему душу, чтобы ее сформировать и воспитать. Здесь остается лишь привести слова Чаадаева, которые хрестоматийно приводятся везде, где излагаются его взгляды:

«Одна из наиболее печальных черт нашей своеобразной цивилизации заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода».

Это, в частности, выражается в незнании своей собственной старины и пребывании вне истории, т.е. вне исторической памяти, вне самосознания. Религиозная отделенность России от Запада ведет к ее отделенности от западной интеллектуальной традиции, что приводит к отсутствию развитого национального самосознания. Поскольку индивидуальное сознание личности или даже народа есть лишь ветвь на древе общественного сознания, то, как это ни парадоксально, национальная изолированность не дает развиваться и национальному самосознанию.

«Мы же, — писал Чаадаев, — придя в мир, без связи с людьми, жившими на земле раньше нас, мы не храним в наших сердцах ничего из тех уроков, которые предшествовали нашему собственному существованию. Каждому из нас приходится самому связывать порванную нить родства. Наши воспоминания не идут дальше вчерашнего дня, мы, так сказать, чужды сами себе. Мы так странно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно. У нас совершенно нет внутреннего развития, естественного прогресса; каждая новая идея бесследно вытесняет старые, потому что она не вытекает из них, а является к нам Бог весть откуда.»

Другой результат того же — это отсутствие интеллектуального и нравственного воспитания, которое начинается с воспринятых с молоком матери идей долга, справедливости, права и порядка, которые составляют атмосферу Запада, которые, по мысли Чаадаева, составляют больше, чем историю и психологию, — саму физиологию европейского человека.

Этого-то и нет у русских, в результате чего «всем нам недостает известной уверенности, умственной методичности, логики... Наши лучшие умы страдают чем-то большим, нежели простая неосновательность. Лучшие идеи, за отсутствием связи или последовательности, замирают в нашем мозгу и превращаются в бесплодные призраки.»

Вместо интенсивного внутреннего возделывания национальной души, силы нации ушли в создание империи.

«Если бы мы не раскинулись от Берингова пролива до Одера, — писал Чаадаев, — нас и не заметили бы. А ведь стоя между двумя главными частями мира, Востоком и Западом, упиравсь одним локтем в Китай, другим в Германию, мы должны бы соединять в себе оба великих начала духовной природы: воображение и рассудок, и совмещать в нашей цивилизации историю всего земного шара.»

Идейная немота российского общества — плод его истории, религиозной и культурной изолированности, — таков вердикт Чаадаева. Понять и осознать роль своей нации в общечеловеческом процессе — долг философа и патриота, каковым считал себя Чаадаев. Отсюда вытекает необходимость философии истории.

Чаадаев справедливо считается первым русским философом истории. Бердяев скажет о нем, что «вся русская философия истории будет отвечать на вопросы, поставленные в философских письмах Чаадаева». Это необходимо держать в уме при оценке его писаний. Чаадаев был первым русским философом, задумавшимся о месте России в человеческой истории, он ввел историософию в русскую мысль, провоцировал русское самосознание. Дальнейшая историософия в России как бы отвечала на вопрошение Чаадаева: славянофилы — открытием православия, западники — необходимостью внедрения законности и европейских институтов в русскую жизнь, большевики — мировой социалистической миссией России.

Чаадаев выступил тогда, когда русское общество жило в идейной немоте, вне усилий самосознания, необходимых для нормального общественного развития. Именно эту необходимость идейности (чтобы избежать идеологичности, когда отсутствие идей восполняется идеологией, при которой одна идея овладевает политической жизнью) и осознал Чаадаев.

Увы, доказательством меткости его суждений было нежелание всех политических режимов в России издавать сочинения этого выдающегося русского мыслителя. Собрание сочинений его вышло лишь раз, до революции, в те годы, когда была отменена цензура. В 30-х годах первая публикация философических писем Чаадаева в «Литературном наследстве» выпала на годы самой мягкой советской цензуры. Однако через несколько лет в сталинском терроре погиб исследователь его творчества Д. Шаховской.

В заключение следует указать на спорность его основной философской предпосылки — монизма, из которой вытекает его историософия. Множественность, плюрализм, а не единство, есть путь человеческой духовной свободы. Именно верностью христианскому началу духовной свободы можно объяснить и нежелание православия отказываться от своей собственной епископальной структуры и церковного предания ради унии с Римом, и реформацию с ее утверждением свободы личного суждения и религиозной совести.

При всей своей обличительности в отношении России и при всей своей обращенности к Западу (сами философические письма были написаны по-французски), Чаадаев остается очень русским мыслителем с характерным для русской мысли историософским монизмом.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

ЭНЦИКЛИКА ПАПЫ ИОАННА-ПАВЛА II О ТРУДЕ ЧЕЛОВЕКА*

3. КОНФЛИКТ МЕЖДУ ТРУДОМ И КАПИТАЛОМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИСТОРИИ

11. Масштаб этого конфликта

Рассмотренная нами выше основная проблематика труда, отразившаяся уже в первичных библейских текстах, в некотором смысле составляет как бы костяк церковного учения, которое, несмотря на изменяющиеся условия исторического развития, на протяжении столетий остаётся неизменным. Все же, рассматривая это учение на фоне тех исторических событий, что предшествовали публикации энциклики «Рерум новарум», и тех, что последовали после ее публикации, видишь, что оно, это учение, постоянно раскрываясь с новой силой, всегда являет нам свою актуальность. В свете всего сказанного труд раскрывается как некая великая реальность, оказывающая принципиальное влияние и на формирование, в человеческом смысле слова, того мира, который Творец поручил человеку, и на гуманизацию самого человека. Можно также сказать, что труд — это реальность, тесно связанная с разумным образом действий человека, подлинного источника труда. Эта реальность — труд, как правило, наполняет собой всю жизнь человека, определяет ее ценность и ее смысл. Даже если труд и связан с усталостью и усилиями, он все же продолжает оставаться благом, ибо в труде, благодаря любви к труду, человек развивается. Это свойство человеческого труда, в полном смысле слова положительное и творческое, формирующее человека и его достоинство, должно

* Продолжение, начало см. «Форум» N 1., 1982г.

определять не только любые оценки труда и те решения, которые сегодня будут приняты в связи с трудом, но даже присущие человеку права. Именно об этом говорится в международных декларациях, а также в многочисленных сводах трудового законодательства, разработанных соответствующими законодательными комиссиями в разных странах, а также теми организациями, чья социальная и научно-социальная деятельность связана с проблемами труда.

Существует организация, поддерживающая такого рода деятельность на международном уровне: мы имеем в виду Международную организацию труда, наиболее старое специализированное учреждение ООН. Далее я постараюсь более подробно рассмотреть эти важные проблемы, по крайней мере постараюсь напомнить основные элементы церковного учения о труде. Но до этого следует коснуться очень важного комплекса проблем, которые способствовали развитию этого учения на последнем этапе, т. е. в период, начало которого, в некоем символическом смысле, совпало с годом обнародования энциклики *Рерум новарум*

Известно, что на протяжении этого периода, к тому же еще не закончившегося, проблема труда выявилась в результате великого конфликта. Этот конфликт родился в эпоху индустриального развития, был его следствием. Я имею в виду конфликт между «миром капитала» и «миром труда». Т. е. речь идет о конфликте между малочисленной, но весьма влиятельной группой предпринимателей, владельцев средств производства и множеством людей, лишенных этих средств производства и участвующих в производственном процессе лишь посредством своего труда. Этот конфликт возник из-за того, что рабочие вынуждены были отдавать свои силы в распоряжение предпринимателей, а предприниматели, руководствуясь принципом наибольшей выгоды, старались удержать объем заработной платы на возможно более низком уровне. К этому следует прибавить и другие элементы эксплуатации, связанные с недостаточной обеспеченностью прав трудящихся и отсутствием гарантий, касающихся жизненных условий и здоровья рабочих и их семей.

Интерпретируемый некоторыми как общественно-экономический, классовый по своему характеру, конфликт этот вылился в идеологический конфликт между либерализмом, который

считается идеологией капитализма, и марксизмом, рассматриваемым в качестве идеологии научного социализма и коммунизма, идеологии, претендующей на выражение интересов рабочего класса, всего мирового пролетариата. Таким образом, подлинный конфликт между миром труда и миром капитала сводится к борьбе классов, осуществляемой с помощью не только идеологических, но также, и прежде всего, политических методов.

Всем известна история этого конфликта, а также и цели обеих сторон. Для марксизма, базирующегося на философии Маркса и Энгельса, классовая борьба есть единственное средство, с помощью которого можно уничтожить в обществе классовые несправедливости, уничтожить сами классы. Для достижения этой цели необходимо прежде всего «обобществление» средств производства, с тем чтобы передать эти средства из частных рук в общественные и таким образом застраховать человеческий труд от эксплуатации.

Именно к этому и тяготеет борьба, осуществляемая с помощью как идеологических, так и политических методов. Политические группировки и партии, вызванные к жизни марксистской идеологией, в соответствии с принципом «диктатуры пролетариата» стремятся захватить единоличную власть в каждом обществе, оказывая на него давление разного типа, включая и революционное, стремятся установить коллективистскую систему, уничтожив частную собственность на средства производства. Согласно идеям ведущих идеологов и вождей этого широкого международного движения, цель такой программы действия — совершение социальной революции и установление во всем мире социализма и, в конце концов, коммунизма.

Касаясь этого чрезвычайно важного комплекса проблем, образующих не только теорию, но саму ткань социальной, экономической, политической и международной жизни нашей эпохи, не стоит входить во все детали; в этом и нет необходимости, поскольку эти проблемы хорошо известны как по обширной литературе, посвященной этому вопросу, так и благодаря личному опыту каждого. Тем не менее, необходимо выделить среди них основную проблему — проблему человеческого труда, которой прежде всего и посвящен данный документ. Ведь совершенно очевидно, что невозможно придти к

решению этой — с точки зрения человека центральной — проблемы, проблемы, отражающей одну из основных сторон его земного существования и призвания, не учитывая при этом всех особенностей современной действительности.

12. Первенствующее значение труда

Рассматривая современную действительность, на структуру которой столь сильно влияют конфликты, порожденные самим человеком, ту действительность, в которой технические средства — плод человеческого труда — играют первенствующую роль (мы думаем здесь также и о возможной мировой катастрофе в результате ядерной войны, разрушительные последствия которой были бы невообразимы), — рассматривая эту действительность, необходимо прежде всего напомнить о той истине, которая постоянно внушается Церковью: «Труд» имеет приоритет над «капиталом». Эта истина непосредственно касается самого производственного процесса, по отношению к которому «труд» всегда есть первичная, производящая причина, тогда как капитал, или совокупность средств производства есть некий инструмент, или причина инструментальная. Эта очевидная истина вытекает из всего исторического опыта человека.

Читая в первой главе Библии о том, что человек должен покорять землю, мы понимаем, что сказанное относится ко всем богатствам, которые скрывает в себе мир видимый и которые предоставлены в распоряжение человека. Однако вступить в обладание этими богатствами человек может лишь через труд. Труд изначально связан также и с проблемой собственности, поскольку лишь через собственный труд человек может прийти к обладанию богатствами, скрытыми в природе, заставить их служить людям. Для того, чтобы посредством своей работы приумножить эти богатства, человек овладевает малыми частями различных природных ресурсов — подземных, морских, земных и воздушных. Благодаря работе человек становится обладателем всего этого — чтобы затем расширить поприще своего труда.

Тот же принцип (приоритет труда над капиталом) применим и к последующим фазам этого процесса, первичным элементом которого всегда остается отношение самого человека к

природным ресурсам и богатствам. Все усилия, связанные с познанием, с раскрытием этих богатств, с определением разных способов их разработки человеком и ради человека, ведут нас к пониманию следующего: вся совокупность продукции, производимой человеком, а также сама работа, как и средства производства, техника (иными словами то, благодаря чему работа становится возможной) предполагают эти богатства и ресурсы мира видимого — богатства, которые человек находит, но не творит. В известном смысле человек находит их уже в готовом виде, подготовленными для раскрытия и правильного использования в производственном процессе. На каждом этапе развития своего труда человек постигает ту истину, что все изначально дано «природой», или в конечном счете, Творцом. Изначально корни человеческого труда уходят в самую тайну Творения. Эта истина, будучи, как отмечалось нами, отправной точкой, есть основная идея данного документа; она будет подробнее раскрыта далее.

Последующие наши размышления на ту же тему должны укрепить нас в убеждении, что работа имеет приоритет над тем, что со временем получило привычное название «капитала». Действительно, если расширить границы этого понятия, включая в него не только предоставленные в распоряжение человека природные богатства, но и совокупность средств, с помощью которых он, человек, становится их обладателем и преобразует соответственно своим нуждам (а также в некотором смысле «гуманизирует» их), то необходимо сразу же констатировать следующее: совокупность этих средств есть историческое наследие, плод работы человеческих поколений. Все средства производства, и самые примитивные и самые современные, были постепенно выработаны человеком. Они — плод ума и опыта человека. Таким образом появились не только простейшие орудия для обработки земли, но также, благодаря постепенному научному и техническому прогрессу, самые современные и наиболее сложные средства — разное механическое оборудование, заводы, лаборатории, вычислительные машины. Так что все, что помогает труду, все, что на современном этапе технического развития образует его постоянно усовершенствующийся «инструмент», есть плод труда.

Этот гигантский мощный «инструмент», т.е. комплекс средств производства, отождествляемый в некотором смысле с

«капиталом», порожден трудом и несет на себе печать человеческого труда. На современной, продвинутой стадии технического развития человек — причина, субъект труда, — желая воспользоваться этим «набором современных инструментов», иными словами средствами производства, должен прежде освоить, изучить этот плод труда людей, которые изобрели эти инструменты и механизмы, запрограммировали, построили и усовершенствовали их и продолжают это делать постоянно. Способность к труду, т. е. возможность эффективного участия в современном производственном процессе, требует все более длительной подготовки и прежде всего соответствующего обучения. Так же очевидно, что всякий участвующий в производственном процессе человек, даже если он выполняет работу, которая не требует особого обучения и квалификации, продолжает в этом процессе оставаться подлинным действенным источником труда, тогда как комплекс рабочих инструментов, даже наиболее современных, есть только и исключительно нечто подчиненное по отношению к человеческому труду.

Эта истина, являющаяся частью неизменного традиционного учения Церкви, должна постоянно подчеркиваться при рассмотрении той или иной системы труда, как и всей социально-экономической системы. Необходимо подчеркивать и выявлять первенствующее значение человека в производственном процессе, примат человека над вещами. Все, что содержится в понятии «капитал» (в прямом смысле этого слова), есть лишь совокупность предметов. Какую бы работу человек ни выполнял — будучи причиной труда, он и только он есть личность. Эта истина влечет за собой важные, решающие по своему характеру последствия.

13. Экономизм и материализм

Прежде всего эта истина со всей очевидностью показывает, что нельзя проводить разделение между «капиталом» и трудом; так же нельзя каким бы то ни было образом противопоставлять ни труд капиталу, ни капитал труду, тем более нельзя противопоставлять друг другу конкретных людей, скрывающихся под этими понятиями. Система труда, стремящаяся быть справедливой, т. е. система, которая соответствовала бы

сушности рассматриваемой нами проблемы, или, иначе говоря, была бы внутренне истинной и в то же время законной с моральной точки зрения, есть такая система, которая в своей основе преодолевает антиномию между трудом и капиталом и вырабатывает свою структуру в согласии с принципом, о котором я говорил выше: во-первых, изначальный и действенный приоритет труда над капиталом, во-вторых, приоритет субъективной стороны труда над объективной его стороной и в-третьих, необходимость плодотворного участия человека в производственном процессе, каков бы ни был характер выполняемой им — тружеником — работы.

Антиномию между трудом и капиталом невозможно найти ни в структуре производственного процесса, ни в структуре экономического процесса в целом. Ибо этот процесс раскрывает перед нами взаимопроникновение труда и того, что мы по привычке называем капиталом: этот процесс выявляет их нерасторжимую связь. Какую бы задачу ни выполнял человек — относительно примитивную или же, наоборот, сверхсовременную, — он с легкостью может установить, что через работу наследует двойное богатство: с одной стороны то, что в виде природных ресурсов даровано всем людям, с другой стороны — то, что на основе этих ресурсов уже разработано другими, разработано прежде всего благодаря развитию техники, иными словами благодаря созданию комплекса все более усовершенствующихся рабочих инструментов. Трудясь, человек «наследует» труд других. Если мы будем руководствоваться умом и верой, просвещенными Словом Божиим, то без всяких затруднений сможем воспринять такое видение поприща труда и его процесса. Речь идет о целостном видении, одновременно богословском и гуманистическом. Действительно, при таком видении человек предстает как «хозяин» всего сотворенного, предоставленного в мире видимом в его распоряжение. Если же в трудовом процессе можно усмотреть какую-то несвободу, зависимость, то это такая зависимость, которая связывает нас с Тем, Кто даровал нам все богатства Творения. Это зависимость, в свою очередь, становится зависимостью по отношению к другим людям, к тем, кто своим трудом и усилиями раскрыли перед нами более совершенные и разнообразные возможности. Все, что в производственном процессе образует совокупность «вешей», инструментов, капитала, можно определить лишь как

«условие» труда человека. Но мы не можем утверждать, что этот «инструмент» есть некий анонимный субъект, ставящий человека и его труд в зависимое по отношению к себе положение.

В сознании людей произошло разщепление этого целостного мировоззрения, последовательно исходящего из принципа примата личности над вещью. Это расщепление появилось после длительного подготовительного периода в практической жизни человечества. В результате труд был отделен от капитала, противопоставлен ему; таким же образом и капитал был противопоставлен труду — почти так, как если бы они были двумя безличными силами, двумя факторами производственного процесса, рассматриваемыми в одной и той же «экономической» перспективе. Такой подход был связан с фундаментальной ошибкой, которую можно назвать ошибкой «экономизма». Сущность этой ошибки в том, что человеческий труд оценивается исключительно с точки зрения его экономической целесообразности. Можно и должно назвать эту фундаментальную ошибку мышления ошибкой материализма, поскольку «экономизм» прямо или косвенно базируется на примате и превосходстве материального, тогда как духовному и личному (личное действие человека, духовные ценности и т. д.) отводится, прямо или косвенно, подчиненное место. Такой «экономизм» еще не представляет собой теоретического материализма в полном смысле слова, но вполне очевидно, что это уже материализм практический, который — не столько в силу каких-то доводов, основанных на материалистической теории, сколько из-за присущих ему оценочных категорий, следовательно в силу определенной, характерной для него иерархии ценностей, коренящейся в сильном и непосредственном тяготении ко всему материальному, — считается способным удовлетворить запросы людей.

Развитие этого основанного на категориях «экономизма» ошибочного мировоззрения сопряжено с возникновением материалистической философии, с развитием этой философии, начиная с самой элементарной и общей ее стадии (так называемого «вульгарного материализма», пытающегося доказать бесполезность, ненужность духовных реальностей) и кончая тем, что называют диалектическим материализмом. Правда, говоря о фундаментальной проблеме человеческого труда, и в частности о проблеме разделения между трудом и

капиталом, их противопоставления друг другу в качестве двух фактов производственного процесса, рассматриваемых в одной и той же перспективе «экономизма» (перспективе, о которой мы уже упоминали), нельзя не отметить, что, по-видимому, «экономизм» имел тут решающее значение и повлиял на негуманистический способ постановки проблемы труда еще до возникновения материалистической философии. Но все же очевидно, что материализм, даже диалектический, не в состоянии предоставить учению о человеческом труде необходимых и достаточных оснований, с тем, чтобы примат человека над инструментом-капиталом, примат личности над вещью смог найти в этой теории настоящее и неоспоримое подтверждение и подлинную опору. Ибо даже в диалектическом материализме человек не рассматривается прежде всего как субъект труда, как действенная причина производственного процесса, но его продолжают рассматривать и понимать, отталкиваясь от материального, видят в нем своего рода «равнодействующую» экономических и производственных отношений, доминирующих в ту или иную эпоху.

Очевидно, что рассматриваемая здесь антиномия между трудом и капиталом, антиномия, в рамках которой труд отделен от капитала и противопоставлен ему как нечто, в некотором смысле отличное от него по существу и представляющее собой всего лишь рядовой элемент экономического процесса, — эта антиномия была порождена не только философией и экономической теорией восемнадцатого века, но прежде всего социально-экономической практикой той эпохи. В ту эпоху зарождающейся и стремительно развивающейся индустриализации основное внимание уделялось возможности безграничного умножения материальных богатств, т.е. «средств». Цель же, т.е. человек, которому эти средства должны служить, была потеряна. Эта ошибка практического характера, касающаяся прежде всего человеческого труда, человека трудящегося, вызвала этически оправданную социальную реакцию, о которой говорилось выше. Эта ошибка, имеющая определенный исторический аспект — поскольку она связана с первоначальным периодом капитализма и либерализма, — может повториться в другое время и при других обстоятельствах. Это возможно в том случае, если будут отталкиваться от тех же теоретических и практических предпосылок. Для радикального преодоления

этой ошибки необходимы подлинные изменения как в теории, так и на практике, изменения, базирующиеся на несокрушимой вере в примат личности над вещью, человеческого труда над капиталом, рассматриваемым в качестве совокупности средств производства.

14. Труд и собственность

Исторический процесс — который мы здесь коротко рассмотрели — несомненно вышел уже из начальной фазы, однако он продолжается, и даже намечается тенденция его распространения на отношения между странами и континентами. Рассмотрим этот процесс более подробно под иным углом. Ясно, что, когда говорят об антиномии между трудом и капиталом, имеют в виду не только абстрактные понятия или «безличные силы», действующие в производственно-экономическом процессе; за этими понятиями стоят люди, конкретные живые люди. С одной стороны, это те, кто, не будучи собственниками средств производства, выполняет работу, а с другой — те, кто выполняет функции предпринимателей, владельцы этих средств или представители этих владельцев. Таким образом, в основе этого трудного исторического процесса с самого начала лежит проблема собственности.

Посвященная социальному вопросу энциклика «Рерум новарум» также выделяет эту проблему, напоминая и подтверждая учение Церкви о собственности, учение, согласно которому каждый человек обладает правом иметь частную собственность, даже в том случае, когда речь идет о средствах производства. В энциклике «Мать и наставница» отразилась та же позиция.

Это учение, о котором Церковь тогда напоминала и которого она постоянно придерживается, коренным образом расходится с программой «коллективизма», провозглашенной марксизмом и осуществленной в разных странах мира на протяжении тех десятилетий, что протекли со дня опубликования энциклики Льва XIII «Рерум новарум». Но это учение также отличается и от программы капитализма, осуществляемой деятелями либерализма и политическими системами, объявляющими себя либеральными. Дело здесь в том, что право собственности

понимается по-разному. С точки зрения христианской традиции, это право никогда не было абсолютным и неприкосновенным. Наоборот, оно всегда рассматривалось в более широком контексте как общее право всех и каждого пользоваться благами всего Творения: право на частную собственность подчинено праву всеобщего пользования, подчинено универсальному назначению благ Творения.

И далее, Церковь никогда не вкладывала в понятие собственности такой смысл, который мог бы послужить причиной социальных настроений в области труда. Как уже упоминалось выше, собственность должна приобретаться прежде всего посредством труда и служить труду. И это касается в первую очередь собственности на средства производства. Изолированное рассмотрение этих средств в качестве некоей совокупности частных приобретений, с тем, чтобы противопоставить их в форме капитала «труду» или, более того, с тем, чтобы эксплуатировать этот труд, противоречит природе этих средств и смыслу обладания ими. Следует избегать такого обладания ими, которое обернулось бы против труда; также не следует стремиться к обладанию ими во имя голого обладания; существует лишь одно условие, позволяющее законно обладать этими средствами: они должны служить труду. Это касается как частной собственности, так и общественной и коллективной. Они должны служить труду для того, чтобы осуществился первый закон миропорядка, т. е. чтобы раскрылось универсальное назначение благ земных и право всех и каждого пользоваться ими.

В свете сказанного, принимая во внимание право каждого человека на труд и на доступ к тому общему благу, которое предназначено всем и каждому, нельзя исключить возможность «обобществления» некоторых средств производства — обобществления, проводимого на разумном основании. На протяжении десятилетий, прошедших со дня опубликования энциклики «Рерум новарум», Церковь в своем учении постоянно напоминала обо всех этих принципах, опираясь на аргументы, сформулированные в более отдаленные времена и закрепленные церковной традицией, например, аргументы «Суммы теологии» святого Фомы Аквинского.

В данном документе, главной темой которого является человеческий труд, мы хотим еще раз подчеркнуть все те усилия,

посредством которых Церковь в своем учении о собственности постоянно стремится — в плане социальной жизни и особенно в плане динамичных структур всего современного экономического процесса — защитить примат труда и тем самым личность человека. С этой точки зрения оказывается неприемлемой позиция «косного» капитализма, считающего, что лишь частные лица имеют право на средства производства, причем это право рассматривается как своего рода неприкосновенный «догмат» экономической жизни. Уважение к человеческому труду по своей сути связано с конструктивным пересмотром права собственности — как в плане теоретическом, так и практическом. Капитал есть одновременно совокупность средств производства и плод труда человеческих поколений. Он также непрерывно возрастает благодаря труду, проделанному с помощью этой совокупности средств производства, которую можно сравнить как бы с великой мастерской, где изо дня в день трудятся очередные поколения трудящихся. Ясно, что речь идет о всякой работе, не только о так называемой ручной, но также и об умственной работе различного характера — от изобретательской до управленческой.

В свете сказанного многочисленные предложения специалистов в области католического социального учения, как и указания, исходящие от Пап или же от того или иного Собора (так называемое высшее учение Церкви) , приобретают совершенно особое значение. Мы имеем в виду предложения, касающиеся совместного владения средствами труда, участия трудящихся в управлении производством или, по крайней мере, в распределении прибыли предприятий, того, что называют акционерством рабочих и т.д. Как бы ни применились эти различные предложения на практике, совершенно очевидно, что правильное отношение к труду и к трудящемуся, включенному в производственный процесс, требует введения разных изменений, даже в области права на владение средствами производства. Все это касается не только «старых» стран, но прежде всего социальной действительности и проблематики, возникшей во второй половине нашего столетия в странах Третьего мира и в разных независимых странах, которые, особенно в Африке, но также и на других континентах, заняли место бывших колоний.

Следовательно, если отношение «косного» капитализма к праву частной собственности на средства производства должно постоянно подвергаться пересмотру в связи с реформами в области этого права, проводимыми с учетом прав человека, понимаемых в самом широком смысле слова (в частности с учетом их связи с проблемой труда), то так же необходимо, оставаясь на той же точке зрения, постоянно указывать, что эти многообразные и столь желанные реформы не должны априорно подразумевать упразднения частной собственности на средства производства. Необходимо отметить, что простого изъятия из частных рук средств производства (капитала) недостаточно для того, чтобы обобществление этих средств произошло удовлетворительным образом. Ибо, престав быть собственностью отдельной социальной группы, выйдя из-под контроля частных владельцев, эти средства станут собственностью организованного общества, переходя таким образом в административное ведение, под непосредственный контроль другой группы людей, которая, не будучи собственницей этих средств, тем не менее, в силу власти, которой она обладает в обществе, будет располагать ими в общенациональном или локальном экономическом масштабе. Эта осуществляющая управление и несущая на себе тяжесть ответственности группа может, с точки зрения примата человеческого труда, удовлетворительным образом решать стоящие перед ней задачи; но это не удастся ей в том случае, если она посягнет на монополию в плане административном, попытается присвоить себе средства производства, не останавливаясь даже перед ущербом, который будет нанесен в этом случае основным правам человека. Таким образом, превращение средств производства в собственность государства, где царит коллективистская система, само по себе не означает обобществления этой собственности. Об обобществлении можно говорить лишь в том случае, если в обществе, в котором оно происходит, личность не терпит при этом никакого урона. Это означает, что каждый, в силу своей причастности к труду, считается в полном смысле слова совладельцем того великого предприятия, на котором он трудится вместе со всеми. Один из путей, ведущих к реализации этой цели, — это, насколько возможно, объединение труда и капитала, создание целой серии организаций-посредников, обладающих экономической и социально-культурной направленностью. Эти

организации должны быть по-настоящему независимыми от гражданских властей. Выполняя свои специфические задачи, они должны честно сотрудничать между собой и, подчиняясь требованиям общего блага, воспринимать форму и суть живой человеческой общины. К членам же подобных организаций-посредников необходимо относиться как к живым личностям, вдохновлять их, дабы они принимали деятельное участие в жизни своих организаций.

15. Аргумент от личности

Итак, принцип приоритета труда над капиталом есть некий постулат, относящийся к сфере социальной этики. Этот постулат имеет ключевое значение как для систем, основанных на принципе частной собственности на средства производства, так и для систем, в которых частная собственность на эти средства ограничена или вовсе упразднена. Труд в некотором смысле неотделим от капитала. И любое противоречие, связанное с отделением труда или противопоставлением его средствам производства, — противоречие, явившееся результатом чисто экономических факторов, повлиявших за последние несколько столетий на жизнь человечества, наносит ему ущерб. В своей работе человек пользуется совокупностью средств производства. При этом он желает, чтобы плоды его труда были полезны и ему и другим, но, участвуя в процессе труда, он также желает принять на себя часть ответственности, почувствовать себя творцом в том труде, который выполняет.

Отсюда вытекают различные специфические права трудящегося, права, которые соответствуют его обязанностям. Об этом мы будем говорить в дальнейшем. Но необходимо, не входя в излишние подробности, сразу же подчеркнуть, что человек трудящийся желает не только получить вознаграждение за свою работу. Он хочет также, чтобы в самом ходе производственного процесса ему дали возможность ощутить, что, даже трудясь на обобществленном предприятии, он все же трудится «ради самого себя». В чрезмерно централизованной бюрократической системе это сознание в человеке подавлено. Трудящийся ошущает себя скорее винтиком в огромном механизме, направляемом сверху, и — по многим причинам — простым

орудием производства, нежели подлинным источником труда, наделенным творческой инициативой.

Церковь в своем учении постоянно выражает твердое и глубокое убеждение, что человеческий труд связан не только с экономикой, он также — и прежде всего — несет в себе личные ценности. Для самой экономической системы и для производственного процесса выгодно, чтобы эти личные ценности не подвергались ущербу. Именно поэтому святой Фома Аквинский оправдывал частную собственность на средства производства.

И хотя по некоторым обоснованным причинам в области права на частную собственность могут быть допущены исключения — а в нашу эпоху мы стали даже свидетелями того, как в жизнь была внедрена система, основанная на «обобществленной» собственности, — все же аргумент от личности не потерял своей силы ни на уровне теоретическом, ни в плане практическом.

Необходимо принять этот аргумент во внимание, чтобы «обобществление» средств производства оказалось разумным и плодотворным. Необходимо прилагать все усилия, чтобы человек даже в такой системе смог сохранять чувство, что он трудится ради самого себя. Иначе весь экономический процесс неизбежно потерпит неисчислимый урон. Урон этот будет не только экономическим, но в первую очередь затронет само существо человека.

(Окончание энциклики в следующем номере)

ПРОЕКТ ЗАКОНА ОБ ОРГАНАХ САМОУПРАВЛЕНИЯ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ

(ПРЕДЛОЖЕН СВОБОДНЫМ ПОЛЬСКИМ ПРОФСОЮЗОМ
«СОЛИДАРНОСТЬ»)

Публикуемый ниже «Проект закона об органах самоуправления на предприятиях» был разработан весной и летом 1981 года специально созданным для этого «Совещательным центром» профобъединения «Солидарность». «Центр» был создан (в апреле 81 г.) по инициативе профорганизаций 15-ти крупнейших предприятий Польши, и затем был (28 мая 81 г.) утвержден Всепольской Координационной Комиссией профобъединения. К июлю 81 г. в «Совещательный центр» входило уже около 3 тысяч делегатов от всех крупнейших промышленных центров страны.

Проект закона был обнародован перед началом чрезвычайного съезда ПОРП (15 июля 81 г.).

Борьба за введение самоуправления на базе экономической автономии предприятий в соответствии с разработанным законопроектом была признана главной целью деятельности «Солидарности», наряду с повседневной защитой прав и интересов трудящихся.

Партийно-правительственное руководство отвергло законопроект «Солидарности» как направленный «фактически к отходу от государственной собственности к групповой собственности» (из доклада С.Кани на съезде ПОРП), и предложило свой законопроект, отводивший органам самоуправления сугубо совещательную роль.

В сентябре 81 года Сейм принял компромиссный вариант закона о самоуправлении, выработанный на переговорах с Лехом Валенсой и рядом его коллег. Состоявшийся в сентябре-октябре 81г. I съезд «Солидарности» принял этот закон лишь в качестве первого шага и призвал к продолжению борьбы за утверждение «подлинного самоуправления» в соответствии с законопроектом, разработанным «Совещательным центром».

В. Б.

ПОРЯДОК УПРАВЛЕНИЯ ПРЕДПРИЯТИЕМ

Коллектив трудящихся предприятия управляет предприятием через органы самоуправления. Эти органы избираются рабочи-

ми и служащими предприятия. Трудящиеся, избранные в состав органов самоуправления, ответственны перед своими избирателями и могут отзываться только ими.

Самая высокая форма выражения воли коллектива предприятия — это общее голосование, которое проводится по решению Совета трудящихся или по требованию, по крайней мере, десяти процентов коллектива предприятия.

Органы самоуправления распоряжаются имуществом предприятия, намечают общее направление его производственной деятельности и развития, а также принимают решения о распределении прибылей.

Органы самоуправления трудящихся могут заключать соглашения и договоры с органами власти.

Директор предприятия осуществляет оперативное руководство производством в соответствии с решениями органов самоуправления трудящихся.

ОРГАНЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ.

Таковыми органами являются: Общее собрание коллектива предприятия или делегатов на такое собрание, Совет трудящихся, Президиум этого Совета, вспомогательные органы самоуправления...

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЯ.

В компетенцию общего собрания входит: ежегодная оценка деятельности Совета трудящихся и директора предприятия, отклонение или изменение решений Совета трудящихся.

Общие собрания созываются Президиумом Совета трудящихся. Президиум также обязан созывать Общее собрание по требованию десяти процентов работников предприятия или Совета трудящихся, или органов профорганизации. Трудящиеся предприятия должны быть оповещены за семь дней до созыва Общего собрания о его повестке дня, о месте и времени собрания. Общее собрание считается правомочным, если на нем присутствует не менее половины работающих. Решения Общего собрания принимаются большинством голосов. Решения, принятые Общим собранием по вопросам, входящим в его

компетенцию, обязательны для Совета трудящихся, его Президиума, директора и всего коллектива трудящихся.

Решения об объединении, разделении или закрытии предприятия принимаются Общим собранием трудящихся...

СОВЕТ ТРУДЯЩИХСЯ ПРЕДПРИЯТИЯ.

Члены Совета трудящихся избираются коллективом предприятия на общих, равных, прямых и тайных выборах сроком на 4 года. Право голоса при выборах органов самоуправления имеет каждый, работающий на предприятии.

Право быть избранным в органы самоуправления имеет каждый рабочий и служащий, проработавший на предприятии не менее двух лет. Права быть избранными в органы самоуправления не имеют: директор предприятия, его заместители, главный бухгалтер и юрисконсульт. Администраторы цехов и отделений предприятия, бухгалтеры и юрисконсульты этих цехов и отделений не имеют права избираться в органы самоуправления только в своих цехах и отделениях.

Члены Совета трудящихся не имеют права занимать руководящие посты в других общественных и политических организациях.

Каждый избранный в Совет трудящихся может состоять в нем не более двух избирательных сроков.

В компетенцию Совета трудящихся предприятия входит:

- принятие решений об основных направлениях экономической деятельности и развития предприятия;
- утверждение планов работы предприятия;
- принятие решений о распределении доходов предприятия;
- утверждение организационной структуры предприятия;
- назначение и отзыв директора предприятия;
- вынесение рекомендаций относительно назначений на посты заместителей директора и главного бухгалтера;
- принятие решения об изменении ассортимента и вида продукции или характера услуг, исполняемых предприятием;
- обсуждение и утверждение годовых балансов и отчетов;
- рассмотрение просьбы директора предприятия об отставке и принятие решения по этому вопросу;
- обсуждение предложений о заключении экономических со-

- глашений и о сотрудничестве с другими предприятиями и принятие соответствующих решений;
- заключение соглашений с властями;
 - установление основ политики кадров;
 - выборы Президиума Совета трудящихся;
 - принятие решений о приобретении предприятием недвижимого имущества и средств производства;
 - принятие решений об импортно-экспортных договорах;
 - управление средствами массовой информации предприятия.

Совет трудящихся имеет право требовать у директора и у других административно-технических работников предоставления любой производственной информации и необходимых пояснений. Совет трудящихся имеет право контролировать материальное и финансовое положение предприятия. В делах, требующих специальных знаний, Совет трудящихся имеет право приглашать экспертов.

Решения, принятые Советом трудящихся в рамках его компетенции, являются обязательными для директора и других административно-технических работников предприятия.

Заседания Совета трудящихся созываются не реже, чем один раз в квартал. Чрезвычайное заседание Совета трудящихся должно быть созвано, если этого требуют одна треть членов этого Совета или десять процентов работников предприятия, или его директор.

Совет трудящихся предприятия может образовывать постоянные или временные комиссии, определять их компетенцию и методы деятельности.

Члены Совета трудящихся не могут быть уволены с работы во время их пребывания в составе этого Совета и в течение последующих двух лет. В течение этого времени нельзя ухудшать условий их работы и уменьшать зарплату.

ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА ТРУДЯЩИХСЯ.

Президиум Совета трудящихся предприятия является исполнительным органом этого Совета.

В обязанности Президиума входит: подготовка проектов решений Совета трудящихся; контроль за исполнением этих решений; созыв заседания Совета трудящихся; организация

комиссий и совещательных органов; проверка представленной директором предприятия информации о финансово-экономическом и техническом состоянии предприятия; контроль за деятельностью вспомогательных органов самоуправления трудящихся, а также Советов трудящихся цехов и иных подразделений предприятия; выполнение других обязанностей по поручению Совета трудящихся предприятия.

ДИРЕКТОР.

Директор предприятия является исполнителем решений органов самоуправления трудящихся. Директор осуществляет оперативное руководство предприятием, организует его работу в соответствии с принципом единоначалия, представляет интересы предприятия за его пределами и оформляет производственные юридические документы.

До принятия органами самоуправления решений по вопросам, входящим в их компетенцию, директор предприятия должен представить на усмотрение этих органов свои соображения по обсуждаемым вопросам. Если решение Совета трудящихся нарушает какие-либо законы, директор предприятия обязан сообщить Совету о своем несогласии с этим решением — и выполнение оспариваемого решения задерживается.

Совет трудящихся предприятия назначает директора из числа кандидатов, участвующих в соответствующем конкурсе.

Совет трудящихся может снять директора с его поста до истечения договорного срока, если директор не справляется со своими обязанностями, не соответствует занимаемой должности.

Директор может быть также снят со своего поста решением Общего собрания рабочих и служащих предприятия.

Директор назначает своих заместителей и главного бухгалтера, согласуя, однако, эти назначения с Советом трудящихся предприятия.

Если решения органов самоуправления трудящихся или распоряжения директора предприятия касаются вопросов, относящихся к компетенции профсоюзов, то органы самоуправления и директор должны предоставить профсоюзам возможность заявить о своей точке зрения по этим вопросам.

ИЗ ПРОШЛОГО

М. Алданов

ТРЕТИЙ РИМ И ТРЕТИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Одни знатные иностранцы большевизма не знают, другие им и не интересуются. Вправе ли мы однако предъявлять чрезмерные требования к иностранцам? Мы и сами из большевизма знаем почти исключительно его п р а к т и к у. Для практических выводов этого, впрочем, совершенно достаточно. Но историк, вероятно, исследует и большевистскую теорию (которую сами гг. большевики знают плохо), и генезис этой теории (которого они вовсе не знают).

Историк будет действовать так, как полагается действовать историку. Он начнет с того, что отвергнет ходячее мнение: неизвестно откуда пришли темные люди, частью фанатики, частью авантюристы, большей частью мошенники, совершенно чуждые России, видящие в ней в лучшем случае хорошее опытное поле, в худшем случае пруд мутной воды, где удобно ловить рыбу, — пришли, овладели властью и погубили Россию.

В этом ходячем мнении очень много верного. Но для историка оно все же окажется несколько примитивным. Он установит интимную связь большевизма с Марксом, с Бакуниным, с Сорелем, со многими другими: ведь Ленин объял необъятное. Затем он, вероятно, попытается пристегнуть большевизм к одной из русских философско-политических традиций. И здесь перед ним откроется широкое поле.

Большевики своей традиции почти не создали, если не считать традицией идейный грабеж и идейные погромы. Но пристегнуть их, в истории вообще и особенно в русской истории, можно к очень многому. Здесь уместно помянуть Ткачева, Нечаева и Аввакума, Гришку Отрепьева и Стеньку Разина, и многих других. Может быть, самое лучшее определение большевизма было дано полвека тому назад Герценом,

предсказывавшим великое будущее в России тому, кто сумеет объединить в себе царя и Стеньку Разина. Это определение, как нельзя более, подходит к Ленину, но оно относится, главным образом, опять-таки к большевистской п р а к т и к е. Стенька Разин, конечно, фигура в русской жизни весьма знаменательная. Но в т е о р е т и к и он не годится даже большевикам. Куда же пристегнет историк большевиков в смысле теории? Да скорее всего к их антиподам, — к славянофилам.

Последнее родство у нас в общественное самосознание не проникает. В силу чисто внешних «акциденций», нам трудно привыкнуть к мысли, что Ленин и Троцкий, хотя бы отчасти, являются духовными наследниками Киреевских и Аксаковых. Конечно, внешние признаки говорят против такого сравнения. И социальная структура большевизма совершенно отлична от славянофильской, и Троцкий сам по себе, разумеется, несколько не похож на Киреевского. С л о в е с н о с т ь, м у н д и р, о б р я - д ы у с л а в я н о ф и л о в были другие: Константин Аксаков не носил красной повязки. Он носил русскую (по словам специалистов, впрочем, персидскую) мурмолку и зипун 17 столетия, «сшитый французским портным». Славянофилы пили шампанское, разбавляя его квасом. В Советской России пьют денатурат, ничем его не разбавляя. Тогда в Москве был третий Рим («Москва есть третий Рим, а четвертому не бывать»). Теперь в Москве третий Интернационал (четвертому, конечно, тоже не бывать). Не об этом и речь. За различием а к ц и д е н ц и й не должно просмотреть поразительное местами сходство с у б с т а н ц и й: большевики оказались чрезвычайно злой сатирой на славянофилов.

Я имел уже случай цитировать слова, которые всякий нынешний читатель мог бы с полным правдоподобием приписать Ленину или Троцкому, между тем как на самом деле автором их является Ф. М. Достоевский: «Мы не Европа, которая вся зависит от бирж своей буржуазии и от спокойствия своих пролетариев, покупаемого уже последними усилиями тамошних правительств и всего лишь на час». Если поискать, то таких цитат можно найти сколько угодно и у первого, и у второго, и у третьего поколения славянофилов.

Та русская самобытность, та о с о б е н н а я с т а т ь, которой восторгался Тютчев в своем известном четверостишии, пострадавшем от не менее известной пародии Владимира Соловьева,

вряд ли могла бы найти более ревностных и своеобразных сторонников, нежели нынешние хозяева Москвы. Уж чего самобытнее путь, по которому большевики повели Россию. Права, здесь следует сделать теоретическую оговорку: по тому же пути они с полной готовностью повели бы и все другие страны. Но западноевропейский мир, как бы то ни было, за ними пока не идет, и большевистская самобытность, стало быть, ничего в самом достоинстве не теряет. К тому же некоторый прозелитизм по отношению к западным странам обнаруживали в свое время и некоторые практики славянофильского движения. А если угодно, то не только практики. Братья Аксаковы, например, очень любили говорить об общечеловеческом характере своего учения. Константин Аксаков прямо писал: «может быть, мир не видел еще того общего, человеческого, какое явит великая славянская, и именно русская, природа».

С другой стороны, вряд ли существовала от сотворения мира страна, в которой было бы так радикально осуществлено «премудрое незнание иноземцев», как в советской России. В этой последней в настоящее время на свободе гуляют лишь два иноземца — капитан Садуль и лейтенант Паскаль: все остальные сидят в тюрьме. Т. е., теоретически опять-таки следовало бы сделать оговорку: советская Россия сажает в тюрьмы только «буржуазных» и «мелкобуржуазных» иноземцев; иноземным большевикам она, напротив, была бы душевно рада, как дорогим гостям. Но — что поделаешь с роком? — в Москву упорно не желают теперь ехать вообще никакие иноземцы. Самые восторженные поклонники советского строя, которых судьба забрасывает в Россию, почему-то очень быстро оттуда уезжают (как, например, Артур Рансом, проживший в Москве целых шесть недель).

В мае 1919 г. Ленин представил большой доклад московскому социалистическому конгрессу, который заложил основы Третьего Интернационала. В этом историческом документе он со свойственной ему яростью изобличал мерзость современного западноевропейского строя и красноречиво доказывал, что истинная свобода существует только в советской России. При чтении этого документа мне трудно было отделаться от мысли, что некоторые его положения представляют собой настоящий плагиат из Константина Аксакова. Этот неглупый и очень благородный чудака николаевской Москвы тоже красноречиво

разоблачал в свое время западноевропейскую цивилизацию. «Запад, — писал он, — весь проникнут ложью внутренней, он стал отвратительным явлением» (буквально). — «Нет, свобода не там, — писал Аксаков. — Она в России». Подданный Николая I, пять лет боровшийся за право ношения бороды и этого права так-таки не добившийся (бороду пришлось сбрить), не менее серьезно восхвалял свою свободу, чем Ленин — свободу клиентов Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

Разумеется, с формальной стороны и здесь возможно возражение: Ленин избобличает не Запад вообще, не Запад «как таковой», а Запад капиталистический. Но это возражение аналогии положительно не вредит. Как мы видели, и славянофилы — особенно, позднейших поколений — любили поговорить о биржах западноевропейской буржуазии. Изобличением господствующих классов, превознесением классов угнетенных их тоже никак нельзя было удивить. Только их язык теперь несколько устарел: вместо слова «капиталисты» они употребили слово «публика»; вместо «пролетариат» говорили «народ». Пожалуй, достаточно напомнить одно знаменитое определение того же Константина Аксакова: «в публике — грязь в золоте; в народе — золото в грязи». Одним словом, славянофилы были демократы. Какая цена была в жизни их демократизму, другой вопрос. Л. Н. Толстой со своей холодной усмешкой рассказывал, что цену эту он постиг однажды из следующего небольшого эпизода: он шел по Арбату, в обычном крестьянском платье; ему встретился проезжавший на лихаче вождь славянофилов И. С. Аксаков. Толстой поклонился, Аксаков бегло оглянул его и не счел нужным ответить: в старом мужике он не узнал графа Толстого. Грязь в золоте не удостоила поклона золота в грязи. Славянофилы были такие же демократы, как большевики. Мессианистская вера Ленина видит в пролетариате средоточие всех возможных в природе добродетелей. И как, тем не менее, усредно расстреливаются рабочие в советской и пролетарской России.

Можно было бы в этой аналогии пойти и дальше. Сама идея взаимоотношения между властью и обществом, ныне существующих в Москве, смутно намечалась — конечно, не в буквально том же виде — еще славянофилами.

Когда вступил на престол Александр II, Константин Аксаков представил ему записку, озаглавленную «О внутреннем состоянии России» и заключавшую в себе следующие тезисы:

«I. Русский народ, не имеющий в себе политического элемента, отделил государство от себя и государствовать не хочет.

II. Не желая государствовать, народ предоставляет правительству неограниченную власть государственную.

III. Взамен того, Русский народ предоставляет себе нравственную свободу, свободу жизни и духа.

IV. Государственная неограниченная власть без вмешательства в нее народа, — может быть только неограниченная монархия.

V. На основании таких начал зиждется русское гражданское устройство: правительству (необходимо монархическому) — неограниченная власть государственная, политическая; народу — полная свобода нравственная, свобода жизни и духа (мысли и слова). Единственно, что самостоятельно может и должен предлагать безвластный народ полномочному правительству, — это м н е н и е (следовательно, сила чисто нравственная), мнение, которое правительство вольно принять или не принять».

Все это почти трогательно в своей детской наивности. Вероятно, ни Александр II, ни граф Блудов, через которого была подана записка, ни даже сам Аксаков не относились к ней вполне серьезно, как к государственному делу. Можно также с некоторой уверенностью предположить, что Ленин аксаковской записки никогда в глаза не видел. Тем не менее, предначертания ее он выполнил в весьма значительной мере. Всецело согласуясь с первыми двумя тезисами, он забрал себе неограниченную государственную власть. Тезис же пятый он выполнил лишь отчасти. Во Всероссийской Федеративной советской республике народ, не имеющий в себе политического элемента, не имеет и права «мнения, которое правительство вольно принять или не принять». Но «ограничения», установленные Лениным и не имеющие, кажется, прецедентов по бесстыдству в культурной истории, касаются только внешнего выражения нравственной свободы. Большевики отделили свободу духа от свободы слова. Аксаков думал, что слову нет нужды выливаться в действие; Ленин признал, что духу нет никакой надобности в слове. Большевики ушли от гнилого запада еще дальше на восток, чем славянофилы: индусские факиры воспитывают нравственный дух молчанием и умерщвлением плоти; творцы голода и чрезвычайек создали для

русского народа такие условия жизни, при которых он не нуждается в добровольном самоистязании; каждый житель советской России ныне тот же индусский факир.

Теперь большевики завоевывают южную Россию. Я читаю заявления большевистской прессы о красном Киеве, о советском Харькове, о коммунистической Одессе, о братской руке помощи, которую через головы гадов буржуазии, вонзающих кинжал в спину революции, протягивают этим красным городам красная Москва и красный Петроград; читаю также о том, какой из южных городов нужно осчастливить захватом в первую очередь, — и мне вспоминается одна из передовых статей Ивана Аксакова: «Моря и Москвы хочет достигнуть Киев, пуше моря Москва нужна Харькову; Киеву — первый почет, да жаль обидеть и Харькова. Или Русь-Богатырь так казной-мошной отошала и ума-разуму истеряла, что не под силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму за единый раз добыть обоих путей, обоих морей, железом стянуть до Черного через Киев-град и Азовское на цепь в Москве через Харьков взять, чтобы никому в обиду не стало?» Вот только поставить перед всеми географическими наименованиями этой политической былины соответствующие эпитеты: красный, советский, коммунистический, — и по тону сходство с «Правдой» будет разительное. То же развязное бахвальство и в отношениях к иностранным державам. Читаешь новости большевистских газет: в Париже заседают Советы, в Лондоне вспыхнула коммунистическая революция, на Рейне ждут не дождутся появления армии Троцкого для совместной борьбы с империалистами всего мира... Впрочем, отчего бы нет? Или советская Русь так казной-мошной отошала и ума-разуму истеряла, что не под силу ей богатырскую, не по ея уму-разуму — закидать буржуазную Европу — ну, не шапками, так прокламациями?

Самобытность — хорошая вещь, поскольку ее не подвергают своеобразным опытам *reductionis ad absurdum*. От дыма т о й и э т о й самобытности надо освободиться раз навсегда. Мы видели — своими глазами, без цветных стекол теории — Европу и Россию и до войны, и во время страшного испытания, и после него. Не все в Европе хорошо, об этом что и говорить. Но со всем тем дурным, что в ней есть, у Европы не только нам, но и Америке, можно и должно многому поучиться: в результате грозных уроков жизни мы начинаем д о х о д и т ь д о а з б у к и, д о

азбуки Потугинских идей. Никогда не мешает, конечно, повторять азбуку, хотя это скучно. И не азбука ли приводит нас к мысли, что нужно поскорее забыть самую возможность противопоставления двух понятий: Европа, Россия.

В области внутренних взаимоотношений «старшего и меньшего братьев» мы, слава Богу, тоже начинаем приходить к азбуке. Нам пришлось убедиться в том, что и «публика» не сплошная грязь, и народ не сплошное золото. Жизнь меланхолически поставила здесь знак равенства: публика стоит народа, народ стоит публики. Им остается только так или иначе протянуть друг другу руку; и дай Бог, чтобы это было сделано поскорее: иначе будет плохо и публике и народу.

1919г.

* Марк Алданов (1882-1957) — известный русский писатель. С 1919г. — в эмиграции. По выражению Г. Струве «из всех зарубежных писателей Алданов имел наибольший успех у нерусского читателя». М. Алданов — автор десятков романов, пьес, исторических и философских произведений. Его романы переведены на двадцать с лишним языков.

Публикуемый очерк — из книги «Огонь и дым», изд. «Франко-русская печать», Париж, 1922г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

14 января 1982 г. влиятельная американская газета Washington Post опубликовала статью генерала в отставке Максвелла Д. Тэйлора «Новый критерий обороны». М. Тэйлор был начальником штаба армии при Президенте Д. Эйзенхауэре и председателем Объединенного комитета начальников штабов при Президентах Дж. Кеннеди и Л. Джонсоне. С 1968 г. М. Тэйлор не занимает каких-либо государственных постов. Высказываемые им мнения являются исключительно точкой зрения частного лица (Статья в Washington Post представляет собой резюме идей, которые М. Тэйлор высказывает уже в течение некоторого времени).

Тем не менее, идеи М. Тэйлора вызвали неожиданно сильную реакцию как в русской эмигрантской, так и в советской прессе.

29 марта 1982 председатель Российского Национального Объединения в ФРГ О. Красовский направил письмо Президенту Р. Рейгану, в котором писал: «Теперь печать демократической Америки считает возможным откровенно писать о планах, которые даже Гитлер в своей книге «Моя борьба» и Розенберг в книге «Миф XX века» стеснялись упомянуть прямо» («Вече», N 4, 1982 г., стр. 174).

14 июля 1982 г. ведущий советский публицист-международник Э. Генри в «Литературной газете» также изложил идеи М. Тэйлора и написал: «Провал гитлеровского блицкрига ничему не научил американских „ястребов“. У генералов Пентагона планы „атомного уничтожения России“ всегда под рукой и всегда на первом месте» («Литературная газета», N 28, 1982 г., стр. 14).

3 мая 1983 г. А. Солженицын в письме Президенту Р. Рейгану заявил: «Некоторые американские генералы предлагают уничтожить атомным ударом — избирательно русское население. Странно: сегодня в мире русское национальное самосознание внушает наибольший страх правителям СССР — и Вашему окружению» («Русская мысль», 20 мая 1982 г., стр. 2).

Осторожнее всех высказался один из ведущих деятелей НТС В. Поремский. Ему «неволью приходится в голову сравнение со знаменитым „окончательным решением“ еврейского вопроса

в Третьем Рейхе», однако он оговаривается, что «заклеймить предложение Тэйлора путем такого сравнения было бы неправомочно» («Посев», N 6, 1982 г., стр. 19).

Поскольку высказывания М. Тэйлора стали таким образом событием русской общественной жизни, я полагаю, что читатели «Форума» вправе познакомиться с полным и точным текстом спорной статьи. Это позволит им составить свое собственное мнение об идеях М. Тэйлора и оценить характер освещения их в советской и русской зарубежной прессе. Т.к. оригинал статьи доступен не всем, я предлагаю сделанный мною перевод.

20. 8. 1982

С уважением

К. Любарский

Максуэлл Д. Тэйлор

НОВЫЙ КРИТЕРИЙ ОБОРОНЫ

В то время как администрация Рейгана сосредоточивает свое главное внимание на экономической программе, она оставляет без внимания многие серьезные проблемы в области военной политики. Я хотел бы выдвинуть скромные предложения относительно того, как подходить к трем вопросам в стратегической области, а именно:

- каким образом оплатить восстановление стратегического равенства с Советами, удовлетворив в то же самое время законные требования обычных вооруженных сил и успокоив критиков излишних военных расходов;
- как вести переговоры об удовлетворительном договоре о сокращении вооружений с Советами в современной атмосфере возобновившейся напряженности между Востоком и Западом;
- как избежать дальнейшей гонки вооружений, если переговоры не удастся начать или не удастся достичь соглашения.

Предлагаемое мною решение состоит в отказе от равенства вооружений с Советами, как от национальной цели, и в замене его готовностью к выполнению поставленных задач в качестве меры достаточности наших вооруженных сил. Поступив так, мы сократим требования к уровню вооружений, исключим какую бы то ни было необходимость в гонке вооружений и усилим наши

позиции как в случае нового раунда переговоров о стратегических вооружениях, так и в случае их провала.

Как этого достигнуть? Прежде всего, я прошу хотя бы временно согласиться со следующими утверждениями:

Оправданием существования наших вооруженных сил является обеспечение необходимых военных средств — стратегических и обычных — для поддержания национальной политики против угрозы, которая может возникнуть из любого источника, но в первую очередь из Советского Союза.

Размеры, состав, вооружение и готовность Вооруженных Сил должны определяться теми военными задачами, которые их, вероятнее всего, попросят выполнить. Готовность выполнить эти задачи и будет определять меру достаточности этих сил.

Стратегические силы, единственно способные вызвать массовые разрушения, должны иметь своей единственной задачей удержать Советский Союз от того, чтобы развязать в какой бы то ни было форме стратегическую войну. Чтобы их удерживающая эффективность была максимальной, они должны быть способны пережить массированный первый удар и все еще иметь возможность разрушить достаточное количество вражеских целей, чтобы ликвидировать Советский Союз как совокупность жизнеспособного правительства, общества и экономики, подчиняющуюся национальным лидерам, которые определяют мир или войну.

Такая система целей должна включать сеть коммуникации и контроля, при помощи которой советское руководство контролирует военные операции; обычные вооруженные силы, необходимые для обороны границ и поддержания внутреннего порядка; основные промышленные центры, предназначенные для обеспечения ведения войны и дающие надежду на послевоенное восстановление экономики; те пусковые установки межконтинентальных баллистических ракет, которые не были использованы при нанесении первого удара и которые удастся выявить. По мере возможности эти цели должны быть ограничены областями с преимущественно этнически русским населением, чтобы ограничить повреждения в нерусских республиках.

Количество оружия, которое нам будет нужно, будет определяться тем, что необходимо для разрушения определенных целей в пределах этой системы; среди них будет лишь

небольшое количество укрепленных пусковых установок, требующих межконтинентальных баллистических ракет высокой точности и с малым полетным временем. Для безопасности к этому следует добавить дополнительное вооружение, чтобы компенсировать потери, которые может вызвать первый удар, а также ненадежность действия оружия. Общие требования к объему вооружений должны быть существенно меньше того количества, которое имеется в нашем современном арсенале.

Таков общий очерк моих предложений. Теперь об их обосновании и преимуществах.

Начнем с того, что это даст серьезное обоснование военному бюджету: существование вооруженных сил и их финансовые требования будут оправдываться поставленными перед ними задачами поддержки национальной политики. Т. к. их размеры и состав будут определяться этими задачами, численность советских вооружений будет иметь к этому мало отношения и не будет более оправданий для гонки вооружений.

Предлагаемая система целей должна убедить советских лидеров в абсолютном безумии первого удара. Они стали бы перед лицом угрозы потери собственных жизней, источников своей власти и результатов десятилетий труда по восстановлению страны от опустошений, вызванных Второй Мировой войной. То, что от этого осталось бы, досталось бы враждебным соседям, жаждущим мшения сателлитам и нерусским элементам в собственном населении. На возможное действие этнического фактора, как фактора сдерживающего, обратил внимание проф. Гэри Л. Гертнер в своей недавней статье «Стратегическая уязвимость многонационального государства — сдерживающее Советский Союз обстоятельство», опубликованной в *Political Science Quarterly* (vol. 96, N 2, Summer 1981 — К. Л.)

В качестве последнего преимущества укажем, что сокращение системы цели для ответных сил исключит необходимость в ракетах MX и, возможно, Trident-2, необходимых, в первую очередь, для разрушения пусковых установок. Отказ от них мог бы стать еще одним свидетельством того, что возможность нанесения первого удара отсутствует среди американских альтернатив.

Мои скромные предложения я кончаю нескромным Q. E. D. (*Quod erat demonstrandum*, «что и требовалось доказать» — К. Л.).

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- 3 Положение в демократическом движении: трудности и перспективы (*Интервью с правозащитниками: Б. Вайлем, К. Любарским, П. Егидесом, С. Пуроговым, В. Сорокиным, Б. Шрагиным*).
- 47 Л. Алексеева. Встреча с президентом США.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 57 Г. Давыдов. Обычный уголовный лагерь 70-х годов.
- 70 М. Кукобака. Письмо из следственного изолятора.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

- 82 Подпольное общество (*Тезисы программной декларации Временной координационной комиссии НСПС «Солидарность»*).
- 86 Э. Ромашевский. Что дальше?

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 97 В. Малинкович. Зигзаги национальной политики большевиков: Ленин и Сталин.
- 125 М. Кулмагамбетов. К двухсотлетию «присоединения» Казахстана к России.
- 134 Николай Плахотнюк — Арест в следствие (Самиздат).
- 155 С. Капутикян. Выступление на съезде Союза Писателей Армении (Самиздат).

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ЭТИКА

- 166 Малоизвестные «Философические письма» П. Я. Чаадаева (письма 4, 5 и 8).

198 О. Михаил Аксенов Меерсон. Религиозная мысль Чаадаева.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ
САМОУПРАВЛЕНИЯ

207 *Энциклика папы Иоанна-Павла II. О труде человека. Конфликт между трудом и капиталом на современном этапе.*

222 Проект закона об органах самоуправления на предприятиях (*Предложен свободным польским профсоюзом «Солидарность»*).

ИЗ ПРОШЛОГО

227 М. Алданов. Третий Рим и третий Интернационал.

234 ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

